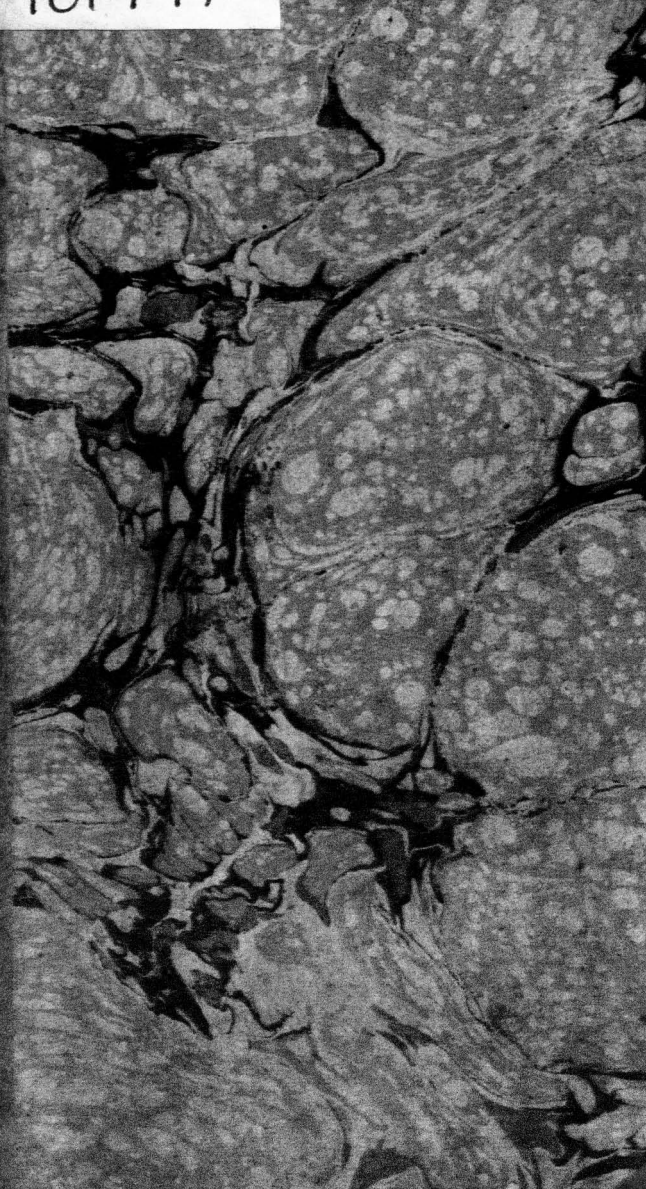

A-161447

BIBLIOTHÈQUE

DU

PRINCE E. LWOFF.

Ann. 20

Ray. 8

N°. 24

БИБЛИОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКОГО университета
Св. Владимира.

БИБЛИОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА
Дмитрія Гавриловича

БИБИКОВА,

пожертвованная Университету
его дочерью,

ГРАФИНЕЮ КАССИНИ
въ 1898 г.

№ 2125.

ПИСЬМА

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

VIII.

A-161447

1958

1958

89711/8-1958
Zurich

ПИСЬМА РУСКАГО ОФИЦЕРА

О

ПОЛЬШЬ, АВСТРІЙСКИХЪ ВЛА-
ДѢНІЯХЪ, ПРУССІИ и ФРАНЦІИ,

СЪ

ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ ПОХОДА
РОССІЯНЪ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ, ВЪ
1805 и 1806,

ТАКЖЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНОЙ ВОЙ-
НЫ СЪ 1812 ПО 1815 ГОДЪ.

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ
ЗАМѢЧАНІЙ, МЫСЛЕЙ И РАЗСУЖДЕНІЙ
ВО ВРЕМЯ ПОБѢДКИ ВЪ НѢКОТОРЫЯ
ОШЕЧЕСТВЕННЫЯ ГУБЕРНІИ.

ПИСАНЫ

ФЕДОРОМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1816.

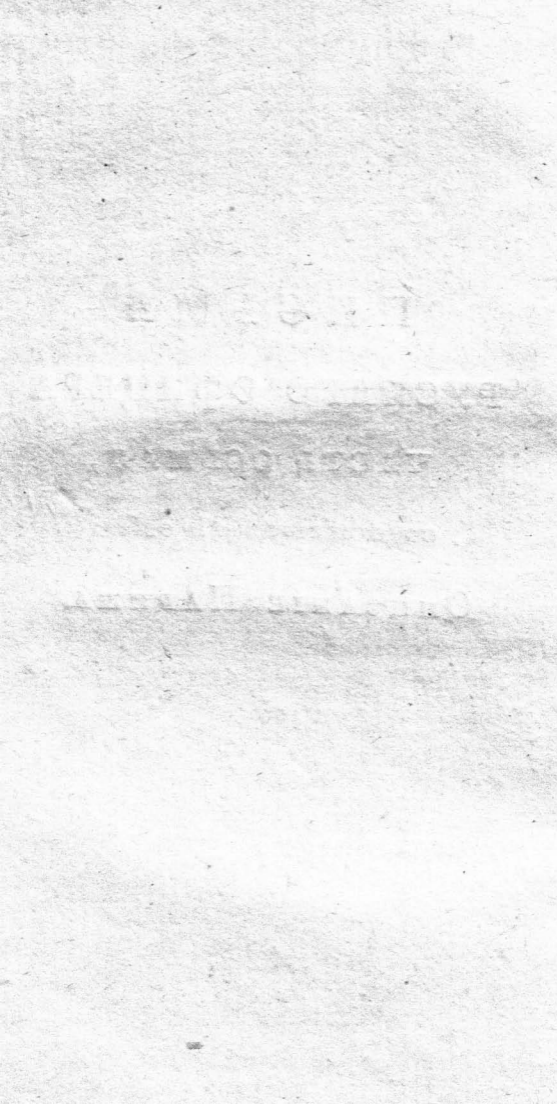
✓

Печашашъ дозволяешся съ шбмъ, что-
бы по оппечашаніи, до выпуска въ про-
дажу, предешавлены были въ Ценсур-
ный Комишетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурнаго Комишета, дру-
гой для Депаршамента Минисперства
Народнаго Просвѣщенія, два экзешпля-
ра для Императорской публичной би-
бліошеки и одинъ для Императорской
Академіи Наукъ. Декабря 17 дня, 1815
года. Книгу сію чишалъ Ординарный
Профессоръ *Василій Котельницкій.*

П И С Ь М А
РУСКАГО ОФИЦЕРА
ЧАСТЬ ОСЬМАЯ,
содержащая въ себѣ:
Описание Парижа.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Парижѣ.	9
Вечерѣ.	14
Ночь. Взглядѣ на Пале-Рояль.	18
Пале-Рояль.	21
Многолюдство.	32
Площадь Вандомская.	35
Площадь Карусельская.	39
Тюльерійской Дворецѣ.	42
Елисейскія поля.	49
Французской театрѣ.	51
Парижѣ.	64
Опера.	80
Луврѣ.	83
Картинная галлерей въ Луврѣ.	88
Палаты блюстительнаго Сената или Люксамбургѣ.	98
Музеумѣ.	107
Музеумѣ или собраніе памятни- ковѣ Французскихѣ.	123
Пантеонѣ.	133
Разныя мѣлочныя замѣчанія о Парижѣ.	139
Взятіе Парижа.	144
Инвалидной домѣ въ Парижѣ.	154
Парижѣ.	166
Фаншасмагорія.	175
Палаты Законодательнаго Со- словія.	194
Парижской пустыниѣ.	203

Оглавление VIII части.

	Стран.
Парижская щеголиха въ церквѣ.	206
Что нужно въ Парижѣ для крестинъ.	—
Причудница.	209
Привязанность Французовъ къ отечественному языку.	211
Картина шакъ называемыхъ лучшихъ нынѣшнихъ обществъ въ Парижѣ.	212
Парижскіе франшы.	214
Что показываютъ въ Парижѣ.	216
Пагубныя слѣдствія модной одежды и шанцовъ.	218
Дневныя записки модной Парижанки.	224
Спальня Парижской щеголихи.	229
Обращики газетныхъ Парижскихъ объявленій.	230
Парижскіе шарлашаны.	234
Вошѣ каковы Парижанки.	235
Разныя мѣлкія замѣчанія о Парижѣ и Французахъ.	241
Парижѣ наканунѣ отпѣвѣда.	248
Вечеръ.	251
Выѣздъ изъ Парижа.	253
Заключеніе.	255

Грав. А. Осиповъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III.

Фридрихъ Вильгельмъ знаменитый,
мужерный во мнѣхъ, другъ добра;
во сраженъхъ — славою покрытъ:
Россѣ защитѣ тесѣ — ура!...

Слова изъ Руской солдатской пѣсни пѣтой въ
присутствіи Е. В. Императора Александра Третьяка.

П И С Ь М А

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

П А Р И Ж Ъ.

Онъ засинѣлся передъ нами, какъ пространный разливъ воды на гладкой долинѣ, или какъ дремучій лѣсъ въ отдаленіи. Многіе города блестящъ издали кровлями дворцовъ, палатъ и раззолоченными главами храмовъ: Парижъ шемнѣетъ въ густотѣ тѣней. На необозримомъ простѣженіи надъ 20,000, какъ будто вмѣстѣ сълѣпыхъ домовъ, выказываеиъя Готтичская башня-церковь (notre Dame); возвышаеиъся кругловидный Пантеонъ и сіеиъ въ позолотѣ куполъ Инвалиднаго дома. Все прочее сѣро и пасмурно.— Мы вѣрхали вѣ старинныя ворота

Сеншъ Маршенъ. Дилижансѣ остано-
 вился въ обыкновенномъ своемъ
 заѣздномъ домѣ. Насѣ высадили.
 Молодой Французѣ Б*, сопушникѣ
 нашѣ, прыгалѣ отѣ радости, видя
 себя въ первый разѣ въ Парижѣ!—
 „Что вамъ угодно, милоспивые
 государи! господа путешешвен-
 ники! что вамъ угодно? кричали
 со всѣхъ сторонѣ прислужники
 за деньги. Намъ надобенѣ фіякрѣ
 (кареша)—и явился. Мы положи-
 ли свои чемоданы и велѣли веспи
 себя въ улицу Ришельё, въ Опель
 де Валуа, что прошивѣ Пале-
 Рояль.

Такѣ эшо-шо Парижѣ! думалѣ
 я, видя шѣсныя, грязныя улицы,
 высокіе спаринные, запачканные
 дома, и чувспвуя, не знаю отѣ
 чего, шакой же несносной запахѣ,
 какѣ и за городомѣ отѣ шлѣю-
 щихѣ шруповѣ и падлѣ. Эшо-шо
 хваленной, превозносимой, велико-
 лѣпной и прелесшной городѣ!...
 Но чѣмѣ далѣе въ средину,

шѣмъ лучше и красивѣе. — Наконецъ остановились мы подлѣ огромнаго дома, гостиницы Валуа (hôtel de Valois). — Французъ Б* выпрыгнувъ изъ фіякра и побѣжалъ къ хозяину, справившись о комнатахъ, о цѣнѣ и о прочемъ. Торговъ скоро кончанъ; чемоданы наши внесены, а деньги съ насъ за всю взяты. И вошъ мы уже въ Парижъ и на кварширъ! . . . Запри великолѣпно-убранныя комнаты, со всѣми выгодами, съ поспельми, диванами, люстрами и зеркалами съ насъ берутъ 15 руб. въ сутки. Эшо дорого; но шакъ берутъ шелько съ Рускихъ! Французы въ обыкновенное время платяшъ за шакія кварширы вдвое меньше: и шогда эшо — дешево!

Насъ проводили въ комнаты и забыли про насъ! Одни, безъ слугъ и безъ знакомыхъ, мы бы могли просидѣшь цѣлыя сутки, и нишо бы обв насъ не позабошилъ. Въ Нѣмецкихъ пракширахъ иначе:

пракширные служители входящѣ
очень часто къ прѣзжему, пред-
лагающѣ ему свои услуги, спра-
шивающѣ, не надобноль кофе,
пуншу и проч. и проч. Тутъ
опячь совсѣмъ другое: въ домѣ,
гдѣ отдающѣ покои въ наемъ, ни-
чего не держашѣ. За кушаньемъ,
кофе и проч. посылашѣ надоб-
но своего человѣка въ респораціи,
кофейные дома и проч. а для всего
этого и необходимо имѣшѣ лонѣ-
лакея. Мы пошчасѣ по прѣздѣ
спросили обѣ Иннолицѣ, копорой
служилъ у Адьюшаншовъ нашихъ
Паскевича и Сакена; но намъ обѣ-
щали предсавишѣ его не иначе,
какъ завшра. „Вы видите, го-
ворили намъ съ сердцемъ, что
сего дни въ Парижѣ ничего ни
найши, ни досташѣ не можно!“

Въ самомъ дѣлѣ я замѣшилъ,
что въ Парижѣ случилось что-
то очень необыкновенное: въ немъ
не видашѣ было ни того шуму, ни
того движенія, копорымъ онъ

обыкновенно наполненъ бываетъ: Парижъ приутихъ! Это случилось съ нимъ въ 20 лѣтъ въ первой разѣ!—Король, изъ уваженія къ великому празднику (Fête Dieu) приказалъ запретить всѣ лавки, шакширы, пишейные дома и даже самое Пале-Рояль; ошворить же велѣлъ только однѣ церкви. Хвала Государю, обращающему вниманіе на правосвѣность народа!... Но при всѣхъ важныхъ перемѣнахъ нужна чрезвычайная ошпорожность. Раны на шѣлѣ закрываются не вдругъ, а поспешенно!!—Французы теперь очень похожи на спущниковъ Улисса, превращенныхъ въ свиней: купающа въ грязи разврата и рошуща за то, что ихъ хошашъ сдѣлать ошашъ людьми!—Однако, не смотря на повсемѣстное закрытіе лавокъ въ городѣ, поварищѣ нашъ Б* сбѣгалъ въ Пале-Рояль и привелъ намъ человека съ гошевымъ плашемъ. Мы купили сер-

шуки, круглыя шляпы, чулки, башмаки, шоненькія шпосочки, и въ мигъ нарядились Парижскими гражданами. Такъ всѣ наши дѣлающъ; ибо Руской Офицеръ въ мундирѣ вспрѣчаешъ вездѣ косые взгляды и тысячу непріятностей. Разумѣеся, что съ насъ взяли впрое за все то, что мы купили.— По запискѣ, копорую сдѣлали въ Шалонѣ, узнали мы, что недалеко отъ нашей кварширы респорація Бовилье.— Идемъ къ нему ужинашь. Прощай!

ПАРИЖЬ.—ВЕЧЕРЬ.

Я сей часъ былъ въ Парижской респораціи и признаюсь, что въ первую минушу былъ изумленъ, удивленъ и очарованъ.— На воротахъ большими золошыми буквами написано: *Бовилье*.— Входъ по лѣсшницѣ ничего не обѣщаль. Я думаль, что найду, какъ въ Германіи, шпакширѣ шпосшпанной, свѣшлой, чистой— и болѣе ни-

чего!— Вхожу и оспанавливаюсь! думаю, что не шуда зашолб; не смѣю иппи далбе. Шолб лако-вой, слѣны въ зеркалахъ, пошолокъ въ люспрахъ! Вездѣ живопись, рѣзьба и позолоша. Я думалъ, что вошелъ въ какой нибудь храмъ вкуса и художествъ! Все, что роскошь и мода имѣютъ блестящаго, было шупъ; все, что нѣга имѣетъ заманчиваго, было шупъ. Домъ сей походилъ болѣе на чертогъ Сибариса, нежели на свѣтской шракширъ (Restauration). Хозяйка, какъ нѣкая могущественная повелишельница, въ пріятной цвѣточной рошницѣ, среди множества подлѣ, около и надъ нею распановленныхъ зеркалъ, сидѣла на нѣсколькихъ шупеняхъ возвышенномъ и ярко-раззолоченномъ стулѣ, какъ на шронѣ. Передъ нею лежала книга, въ кошорой она записывала приходъ и расходъ. Въ самомъ дѣлѣ, она въ своей респорациі царца.

Толпа слугъ, по одному мановенію
 ея, бросаешся въ шу или другую
 сторону и выполняешъ всѣ прива-
 занія.— Намъ пошчасъ накрыли
 особый столъ на троихъ; явился
 слуга, подалъ каршу и — должно
 было выбиратьъ для себя блюда. Я
 взглянулъ и осшановился. До спа-
 кушаньевъ предшарлены шушъ
 подъ такими именами, кои орыхъ
 у насъ и слыхомъ не слыхашъ. Па-
 рижскіе шракширщики поступа-
 юшъ въ семъ случаѣ, какъ опытные
 знашоки людей: они увѣрены, что
 за все шо, что незнакомо и чего не
 знаюшъ всегда дороже плащашъ.—
 Кусокъ просшой говядины, кошо-
 рой въ какихъ бы измѣненіяхъ ни
 являлся, все называюшъ у насъ
 говядиною, шушъ напрошивъ имѣ-
 ешъ двадцать наименованій. Ка-
 кой изобрѣшашельной умъ! Какое
 дивное просвѣщеніе! — Я пере-
 далъ каршу Б*. Онъ такъ же ничего
 не могъ поняшъ; пошому что, го-
 ворилъ онъ, у насъ въ Губернскихъ

городахъ мясу, супу и хлѣбу не даюшъ никакихъ пышныхъ и разнообразныхъ наименованій: эша премудрость свойственна только Парижу.— Ошъ чего жъ, скажешъ ты, мы такъ запруднялись въ выборѣ блюдъ?— Ошъ того, что надлежало выбрать непременно именно тѣ, кошорые шуть употребляюшя въ ужинѣ. Попробуй спросишъ въ ужинѣ обѣденное блюдо, кошорое тебѣ пришлось по вкусу, и тотчасъ назовушъ тебя болѣе нежели варваромъ, болѣе нежели непросвѣщеннымъ: назовушъ тебя смѣшнымъ! (ridicule).— Тогда ты ужъ совсѣмъ пропалъ: Парижанинъ скорѣе согласишся быть мошенникомъ и подлецомъ, нежели прослыть смѣшнымъ! — Предварительныя наставленія пріятелей нашихъ въ Шалонѣ вывели однакожъ насъ изъ бѣды. Мы выбрали кушанья, побли прекрасно, заглавный предорого, получили нѣсколько за-

сковыхъ привѣщавшій ошѣ хозяйки и побѣжали черезъ улицу въ свою кварширу.

Парижъ.—Ночь.

Взглядъ на Пале-Рояль.

Здѣсь въ полночь еще очень рано, а въ два часа ночи не поздно.—Сижу у разсвореннаго окна и смошрю на Пале-Рояль, кошорой еще свѣщися, но не шумишѣ. Король не велѣлъ ему сего дня шумѣшѣ. Двадцать лѣшѣ сряду онѣ бѣсился день и ночь и въ первой шолькѣ разѣ замолкѣ.

Вошѣ огромной домѣ, вошѣ замокъ, вошѣ цѣлой городѣ, называемый *Королевскими палатами* (Пале-Рояль).— Напиши подробную испорію Пале-Рояля, испорію его владѣльцовѣ — и будешѣ имѣшѣ испорію всѣхѣ важнѣйшихѣ перемѣнѣ во Франціи, испорію измѣненія нравовѣ и упадка оныхѣ.

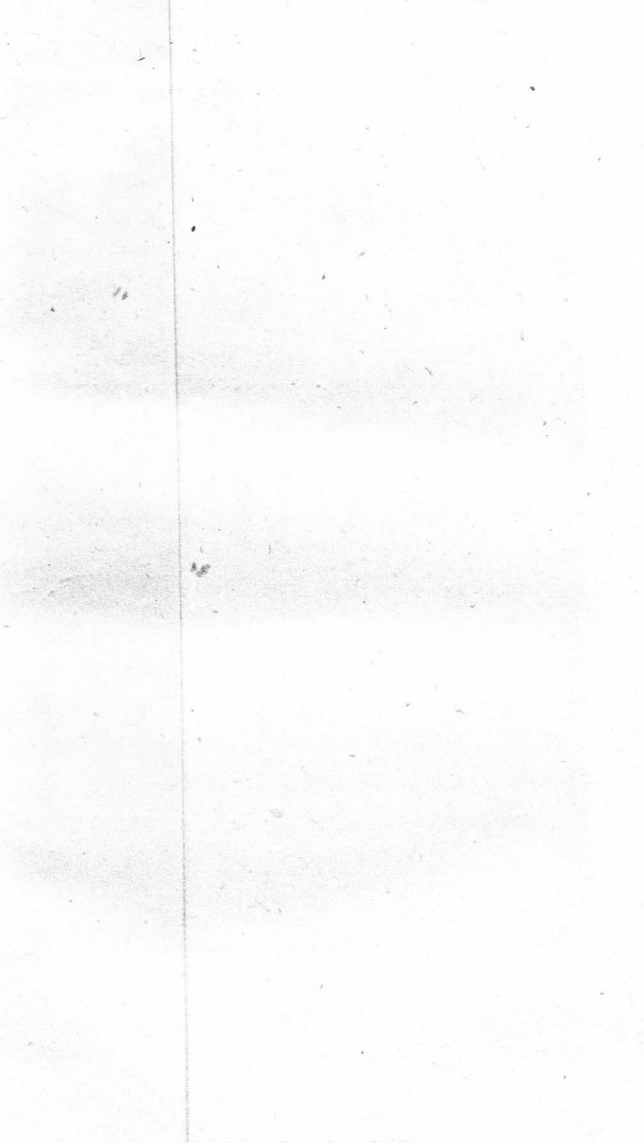

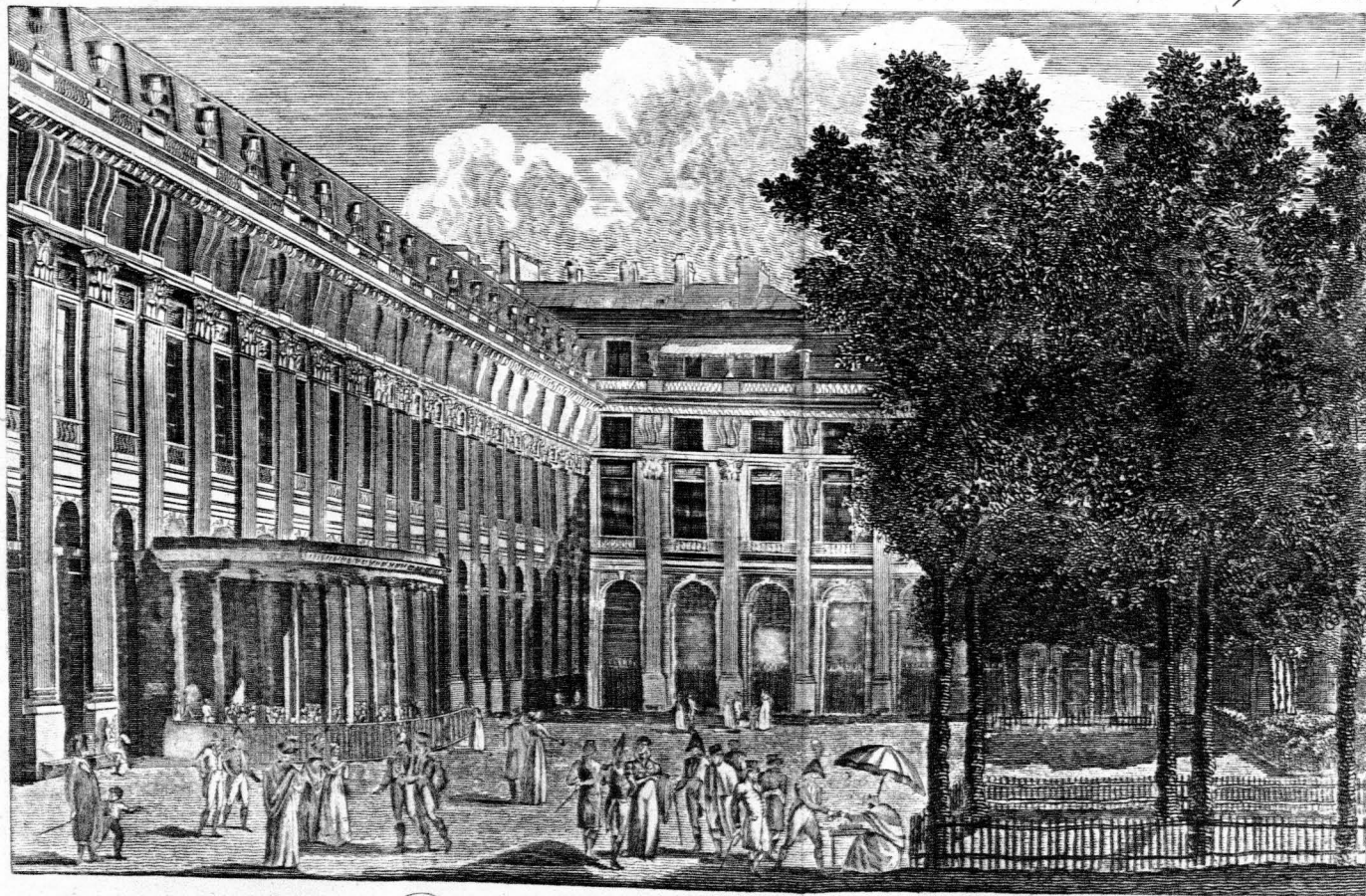
Въ 1636 году, Кардиналь Решилъ воздвигъ огромное зданіе въ улицѣ Сеншв Оноре и назвалъ его *Кардинальскими палатами*. Многіе нашли названіе сіе высококомбрънымб, неприличнымб. Обв эшомб происходили жаркіе споры ; но Анна Австрійская пресѣкла ихб, назвала палаты, вмѣсто Кардинальскихб, Королевскими (Royal) и поселилась въ оныхб. Людовикъ XIV опдалъ на время домб сей брашу своему Герцогу Орлеанскому, кошорой и назвалъ было его своимб именемб. Во время революціи назывался онб *палатами равенства* (palais d'égalité). Но наконецб, гораздо прежде, нежели самб Король Французской, вошелъ въ древнія права свои и спалъ называшься онышъ Королевскимб.—Вв сембшю Шале-Рояль человекб можешб найши все, что нравишся благородному и низкому вкусу ; все, что очаровываетб, ошпришб и пришупляетб чувшва ; все, что

кѣрѣннѣ и разрушаетъ здоровье; все, что украшаетъ и зарѣзываетъ время (*); и наконецъ все, что пишется развратныя склонности и выманиваетъ изъ сердца добрыя навыки, а изъ кошелька — деньги! — Развершываю книгу *Указатель Парижа* и смотрю, что въ ней сказано о Пале-Рояль. „Чеснь и добродѣшель изгнаны изъ мѣстѣ сихъ. Алчность къ золоту, каршежная игра, плушты, обманщики и цѣлыя толпы прелестницѣ, со всѣми силками и приманками ихъ, вспрѣчаютъ шумъ неопышную юность! (Такъ говорѣннѣ писателъ о *верхнемъ этажѣ* и продолжаетъ): „обманушыя иностранцы называють Пале-Рояль средоточіемъ дѣяшельности, удовольствій и забавъ Парижа; а человекъ благоразумной назовешъ его средоточіемъ соблазновъ!” —

(*) Французы часто употребляютъ выраженіе: *égorger le temps!* зарѣзывать время!

Видъ Пале-роля.

Вопишь, что говорятъ сами Французы о Пале-Рояль въ книгахъ своихъ, продающихся въ самомъ же Пале-Рояль.— Завтра осмошрю и опишу любопытное зданіе сіе; а теперь уже поздно. Прощай!

Парижъ. Пале-Рояль.

Я заглянулъ въ сосѣдство свое Пале-Рояль. Фасадъ сего огромнаго зданія украшенъ зодчествомъ Коринтскаго ордена.— Да, правду сказать, что Пале-Рояль есть сокращеніе всего Парижа. Тутъ можно все найти и все поперять. Приведите сюда человека какихъ хопите свойствъ, какихъ хопите склонностей: тутъ, тотчасъ его поймутъ, отгадаютъ, тотчасъ откроютъ путь къ его сердцу и кошельку. Сердце его разберутъ какъ часы. Тутъ умѣютъ приласкать каждую склонность, достигнуть каждое желаніе, предупредить каждое намѣреніе; умѣютъ тутъ раздувать пламя всѣхъ страстей,

пришасть и лелѣять всѣ явныя и тайныя слабости. Пройдя всѣ прищипы и мытарства волшебнаго замка сего, кажешься, будто прошелъ весь путь жизни. Тутъ въ одинъ день можно испытать почти все то, что обыкновенно съчеловѣкомъ случается въ цѣлой его вѣкъ. Но оставя разсужденія, приступимъ къ описанію. Войдемъ въ славныя здѣшнія галлерей. Онѣ очень длинны и очень нешироки. Тутъ вѣчная ярмонка!... Люди всякаго сословія, всякихъ лѣтъ и всякихъ народовъ шумными толпами шѣснясь взадъ и впередъ. Тысячъ по двадцати входятъ и выходятъ ежечасно, и въ теченіи года весь миллионъ Парижскихъ жешелей вѣрно шутъ побываетъ.— Въ сихъ галлерейхъ съ одной стороны примѣчательны красивыя колонны, въ 45 футовъ вышиною. Съ другой же стороны удивляшъ, ослабляшъ и приведутъ въ совершенное изумленіе безконечныя ряды бога-

пбйшихъ лавокъ , гдѣ все , что полько земля , воды и всѣ чешыре часши свѣша произвешъ , а воздухъ , огонь , желѣзо , Механика и Химія извлечь и обрабошашъ могушъ , за деньги получаешся.— Св шрехъ споронъ прекрасной садъ. Въ одномъ мѣспѣ красивой и проспранной кругловидной навѣсѣ на столпахъ , называемый *ротондою*. — Тушъ всегда множешво людей бдяшъ и пьюшъ всѣхъ родовъ прохладишельныя; а другое множешво гуляешъ въ саду. Во вшоромъ эшажѣ залы наполнены всѣми средствами шеряшъ деньги; преимущественное изв всѣхъ ешъ игра въ рулешку. Тушъ же подлѣ заемной банкъ. Въ одну минушу можно заняшъ и разбогашѣшъ; въ другую проиграшъ и оббдняшъ.— Но самой верхъ и самой низъ дома сего избралъ въ обитель себѣ глубочайшій разврашъ. Тамъ вѣчно раскрышы бездны , поглощающія чешъ и здоровье.

Есплибѣ дошли до насѣ по-
 дробныя лѣтописи Содома и Го-
 мора, позженныхъ небеснымъ ог-
 немъ, шо ручашься можно, что
 развратѣ, погубившій города сіи,
 не могѣ превзойти того, въ ко-
 торомъ понетѣ теперь Парижѣ.
 — Чшобѣ лучше описатьъ Пале-
 Рояль со всѣмъ, что въ немъ есть
 хорова и хорошаго, возьмемъ
 для примѣру какого нибудь при-
 ѣзжаго молодого человекѣ и пу-
 стимъ его по всѣмъ закоулкамъ
 лабиринта сего. — Смоприте, что
 съ нимъ дѣлается: на первомъ
 шагу встрѣчаетъ его купецъ съ
 гошовымъ моднымъ плашьемъ и
 одѣваетъ; на другомъ является
 парикмахеръ и причесываетъ;
 далѣе надѣваютъ на него сапоги;
 въ разныхъ мѣстахъ останавли-
 ваютъ его *шюжники*, чшобѣ по-
 чистить ихъ (*) — и за всѣ спа-

(*) Въ Парижѣ людей, занимающихся
 чисткою сапогъ, называютъ также

равнѣ, за всѣ услуги свои ничего болѣе не требуютъ, какъ денегъ! — Насшупаешь часъ обѣда — двадцать великолѣпнѣйшихъ рестораций открываютъ ему двери. Какъ бы не былъ великъ аппетитъ, вѣрно удовлетворишься. Послѣ обѣда манятъ къ себѣ кофейные дома. Всѣ, какія есть на свѣтѣ лакомства, заключающіяся въ нихъ. Тутъ же онъ и въ сборномъ мѣстѣ всѣхъ Журналовъ; беретъ любые и читаетъ. Въ нѣсколько минутъ можешь углубиться во всѣ таинства политики, познакомишься со всѣми Европейскими Дворами, и всѣ ихъ выгоды и сношенія сдѣлаются ему очень ясны. Въ сихъ источникахъ почерпнешь онъ также извѣстие о новыхъ книгахъ, вмѣстѣ съ усердными совѣтами, которые изъ нихъ должно читать, а ко-

---

художниками, artistes pour décroter la chauffeure.

шорыя бросишь подъ сполъ. Многіе Журналисты упошребили все свое время на шо, чшобъ замбчашь всб красшшы и пороки вседневныхъ шеатральныхъ представлений. Чшашель Журналовъ въ кофейныхъ домахъ узнаешъ обо всемъ эшомъ шакъ подробно, какъ будшо во всбхъ шеатрахъ самъ побывалъ.

Между шбмъ наступаетъ время ишши повбришь описанія Журналистовъ на самомъ дблб— и множешво знаменишыхъ и безвбспныхъ, большихъ и малыхъ, лубочныхъ, кукольныхъ и звбриныхъ шеатровъ не успбвають вмбщашь шолпящагося въ нихъ народа. Но день испытанія еще не прошекъ. Молодой человекъ не хочешъ ишши въ шеатръ, даже и во Французской, кошорой опсюда шолько въ нбсколькихъ шагахъ. Онъ заходитъ въ рошонду, и пускаешся бродишь безв цбли по густымъ аллеямъ цвбшущаго сада.

Пріятной лѣтній вечеръ ведетъ за собою еще пріятнѣйшую ночь, покровительствующую всѣмъ наслажденіямъ любви и общающую тысячи шайныхъ утѣхъ. Вотъ пушъ-то является Пале-Рояль въ блистательнѣйшемъ видѣ своемъ!... Сшо восемьдесятъ огромныхъ зеркальныхъ фонарей украшающъ такое же число аркадъ. Каждой изъ нихъ дробящъ, преломляющъ и отбрасываетъ множество яркихъ лучей, и всѣ они вмѣстѣ представляющъ прекрасной рядъ луче-мешныхъ свѣтилъ. Такъ освѣщены галлерей вверху. Внизу каждая лавка свѣтилася, какъ прозрачная картина. Множество разноцвѣтныхъ лампъ, паникадилъ и граненыхъ хрусталей разпространяющъ прелестное радужное зарево, очаровывающее взоръ. Золошо, бронзы, серебро и дорогіе каменья блестящъ повсемѣстно. Я думаю, что въ цѣломъ свѣтѣ не найдется лавокъ богачѣ

здѣшнихъ. Надобно признашья, что Французы великіе мастера украшашь лавки свои. Они шакъ искусно развѣшиваютъ въ нихъ шали, плашки, разноцвѣтныя шелковыя ткани и проч. и проч. что издали кажутся они обмалеванными искуснѣйшею кистію и самыми блестящими красками. Невольно подойдешь и купишъ!— Но обратимся къ нашему молодому спривнику на скользкой спезѣ испытанія. Послѣ самаго лакомага стола, лучшихъ винъ и ликеровъ, бродивъ онъ по шемной зелени долины и отдыхаешь въ цвѣтущихъ перельскахъ сада. Сладосниде дыханіе зефировъ, занявъ онъ цвѣтовъ благоуханіе, а онъ ближней музыки звуки, навѣваетъ на него то и другое, нѣжа и услаждая обоняніе и слухъ.— Воишь часъ опаснѣйшаго испытанія! . . . Являюшся сошны прелестницѣ; нима изблжихъ въ самомъ дѣлѣ прелестны!

Тупыя есть живыя, веселыя, томныя, печальныя или вовсе равнодушныя красавицы. Иныя одѣшны богато, другія просто, тѣ съ великою щажельностью, эши небрежно; а большею частію онѣ только полу-одѣшны! — Нашъ молодой Улиссъ долженъ закрыть глаза и уши, потому что ибніе Сирены слишкомъ очаровательны! — *Ничто въ подсолнечной не ново!*... Древній мудрецъ, описывающій хиприу прелестницу, заманивающую неопытнаго юношу въ сѣти, какъ будто шеперь и въ самомъ Пале-Роялѣ начершалъ смѣлою кистію своею дѣйствіе развратныхъ спрасней. Развратъ всегда идетъ однимъ путемъ. — „Въ часы, исполненные опрады, когда угасаетъ заря, и темный вечеръ приводитъ съ собою спокойствіе и тишину (такъ говоритъ мудрый), стараетъ она (прелестница) спрасною, подъ тѣнію зеленыхъ древесъ. Цвѣшны украшаютъ

ея голову; искушеніе сидишѣ на
 грудяхъ ея! — Завидя издали безпеч-
 наго юношу, она простираетѣ къ
 нему спрасныя обьяшя и льспи-
 выя слова: Приди, любимецѣ серд-
 ца моего! — говоришѣ она — приди
 насладишѣя всѣми ушѣхами люб-
 ви!... Отѣ ушренной-зари до ве-
 черней ждала я шебя подѣ шѣнью
 сихъ древесѣ. Приди! уже все го-
 шово къ забавамѣ нашимѣ: я раз-
 вѣсила шкани Тирскія и послала
 ковры Египешскіе; ложе мое усы-
 пано шафраномѣ и храмина бла-
 гоухаетѣ корицею. Приди! и проч.,,
 Но горе юношѣ! — продолжаетѣ
 мудрецѣ — ешъли онѣ прель-
 шипшя словами ея и увязнетѣ въ
 сокрышую сѣшъ!"... И мы повшо-
 римѣ послѣднее восклицаніе му-
 драго, увидя, что юной гостѣ сего
 очаровашельнаго жилища развра-
 ша увлеченѣ порывомѣ спрасшей.
 Горе ему! сладоспрасшіе, схвашя
 его въ жаркія обьяшя, влачишѣ по
 норамѣ своимѣ. Быширо прехо-

дишь онъ ошъ слабости къ пороку, ошъ порока къ преступленію! . . . Все , что можешъ представишь себѣ чловѣкъ, съ самымъ развращеннымъ сердцемъ, въ сладоспращныхъ мечтаніяхъ ; все , что шолько можешъ изобрѣсти скопская чувственностъ въ преступныхъ заблужденіяхъ своихъ , исполняешя шуть на дѣлѣ! . . . Но ошвращимъ взоры ошъ сей картины ужасовъ ! — Поздныя часы слѣдующаго дня заспаюшъ заблужденнаго юношу съ помношнію въ пошухшихъ глазахъ, съ блѣдношнію на лицѣ и съ глубокимъ уныніемъ въ сердцѣ. Голова его пушпа, чувства припушлены — онъ скучаешъ! . . . Между прочимъ заглядываешъ онъ въ кошелекъ и содрогаешя, видя опущеніе его. Что дѣлать? къ кому обратишья? Въ Парижѣ безъ денегъ жить невозможно! . . . Указываюшъ красивую лѣшницю, ведущую во второй эшажъ Пале-Рояля, гдѣ, говоряшъ

ему, кучи золоша ожидающѣ ща-
спливца.— Онѣ идешѣ вверхѣ и
вспрѣчаешѣ людей, выбѣгающихѣ
ошпуда сѣ разпрепанными воло-
сами, сѣ опчаяніемѣ вѣ глазахѣ,
вѣ смяшеніи и вѣ пошу, какѣ буд-
шо вырвавшись изѣ жаркаго боя.
Эшо люди, проигравшіе все, чшо
имѣли, вѣ рулеху, вѣ коспи или
вѣ каршы! Щаспливѣ, ешъли по-
раженной шаковою вспрѣчею,
онѣ опомнишѣся, услышишѣ голосѣ
разсудка и убѣжишѣ отѣ мѣстѣ
сихѣ, гдѣ щеряющѣ здоровье, день-
ги и благіе нравы!— И сюда-шо
неблагоразумные ошцы, сѣ вели-
кими испрашами родовыхѣ имѣ-
ній, посылающѣ дѣшей своихѣ!!!

Многoлюдство.

Чшо шамѣ безпрешанно дви-
жешѣся, кружишѣся, скачешѣ вѣ ка-
решахѣ, вѣ каріолкахѣ, верхомѣ?—
Эшо *многолюдство* Парижское.
Куда ни погляжу—шолна! Улицы
кипашѣ, площади пѣспрѣющѣ

народомъ.— Парижъ до Революціи имѣлъ гораздо больше милліона жителей. Робеспьеръ, Маратъ, галлюцина, пушки, рѣка Сена, Парижскія шюрмы и Наполеонъ Бонапарте испребили, изгнали, поглотили нѣсколько сотъ тысячъ людей: однако бродяги, шуныдцы и зѣваки (badeaux), спеклись со всѣхъ сторонъ и наполнили собою число убылыхъ, и въ Парижѣ оняшь милліонъ народа!— Одинъ шести, семи, или осми ярусной здѣшній домъ заключаешъ въ себѣ столько же жильцовъ, какъ цѣлая деревня въ шампаніи. Что въ Парижѣ много людей, это всякой видитъ съ перваго взгляда; но много ли полезныхъ? Объ этомъ надобно справишься. Справка не далека: пошчасъ узнаешъ, что по крайней мѣрѣ половину здѣшняго зброду надлежало бы раздѣлить по деревнямъ, превратишь въ земледѣльцевъ и сдѣлашь полезными землѣ; а поло-

вину самаго города , сего новаго Вавилона — хопь выжечь ! — Ты испугаешься ; а какой нибудь въ сосѣдствѣ у тебя Французской училель поблѣднѣетъ отъ злости , какая нибудь Французженка-наставница внѣ себя отъ негодованія . . . . Я уже слышу имена , копорья мнѣ гошоваишь ; слышу брани , ругашельсхва . . . Но шие , шие , господа ! ни справедливое замѣчаніе , ни спротоу приговоръ не мои . Первое сдѣлано , а послѣдній произнесень Имперашоромъ Петромъ I , въ бышность его въ Парижѣ во время малолѣтства Людовика XV го . — А Петръ Iй , согласишь , былъ великой человекъ , основатель порядка и усмиритель буйсхва . — Но извини меня , любезной другъ , что я заболшался ; что все швержу тебѣ о Пале-Рояль , о многолюдствѣ , о песпрошѣ : это пошому , что все это мерещеишь безпрешанно у меня въ глазахъ .

Человѣкъ въ Парижѣ, какъ перо на вѣтрѣ, по неволѣ кружишься. Тушь сколько есть о чемъ говоришь, что не знаешь, съ чего начать! . . . . Я забылъ и дни и числа. Но завтра и послѣ завтра будемъ ходить съ разсѣлками и смотрѣть на все со вниманіемъ. Мы пойдёмъ въ Тюльери, на площадь Людовика XVго, въ Елисейскія поля. Мы побѣдимъ въ монастырь, малыхъ Августинцевъ разсматривать Французскія древности, увидимъ новый Музей Наполеоновъ, заглянемъ въ Лувръ, осмотримъ Люксамбургъ и проч. и проч. Запасайся вниманіемъ, приготовляйся исходить, объѣздишь и осмотрѣшь Парижъ! — Прощай!

П А Р И Ж Ъ.

П л о щ а д ь В а н д о м с к а я .

Въ 8 мь часовъ пришелъ нашъ *Ипполитъ* (наемной лакей) принесъ

кофе, вычисливъ плащье; мы одѣлись и пустились бродить по Парижу. — Воиъ площадь *Вандомская* (place Vendôme); приоспановимся и взглянемъ.

Площадь имѣетъ видъ продолговатаго чешвероспоронника съ опсѣченными углами. Ее окружаютъ зданія огромныя. Прикосновеніе мимопрошедшихъ столѣтій придадо имъ какую-то пасмурную важность. Пиласстры и портики Коринтскаго зодчества щедро украшаютъ ихъ. Площадь сію началъ устраивать извѣстной *Лувца* въ 1687мъ году. — Здѣсь-то, на срединѣ, стояло прекрасное бронзовое изваяніе *Людвика XIV*. *Балтазаръ Келлертъ* отливъ его по рисунку славнаго *Жирандона*. Подножіе, въ 30 футовъ вышиною, поддерживало памятникъ сей. Времена шли мимо и шадили его; но пришла пламенная буря мятежныхъ спрассей и, вмѣстѣ съ благоден-

спвіемъ народа, испребила всѣ
 памяшники дѣлъ и славы Госу-
 дарей его! . . . . Однако рѣки,
 сколько ни бушуютъ въ шумныхъ
 разливахъ, сколько ни опусто-
 шаютъ окрестностей; но рано,
 или поздно возвращающся опяшь
 въ берега свои и съ сугубой по-
 корностью по прежнему склоне-
 нію текутъ: то же самое бы-
 ваетъ и съ спрасъми человѣ-
 ческими. Наполеонъ обуздаль са-
 моволіе Французовъ, и на разва-
 линахъ Людовикова воздвигъ па-
 мяшникъ себѣ. — Вошь сей див-
 ной столпъ, сооруженный въ
 недавныя времена. Поперечникъ
 его 12, а высота 133 фуша! . . .
 На самомъ верху стоялъ брон-
 зовой *Наполеонъ*. Онъ предсав-
 ленъ былъ опершимся на мечъ;
 мечъ подломился. — и *Наполеонъ*
 упалъ, — и съ какой высоты, и
 какъ низко упалъ! — Побѣда,
 кошорую онъ держалъ въ рукѣ,
 упала вмѣстѣ съ нимъ. Вошь

новое доказательство, что победы только возносясь, а не поддерживаясь! Говорясь, что столб сей сдѣланъ будшо бы изъ пушекъ, завоеванныхъ въ 1805 году.

Какъ бы то ни было, но столбъ красивъ и величавъ. Воздвигнутый въ память войнъ Германскихъ, онъ имѣетъ въ себѣ что-то свойственное памятникамъ глубокой древности, что-то Римское: важное и поразительное. Онъ сооруженъ по примѣру столповъ Траяна и Антонина. Внутри лѣстница, по которой можно взойти на самой верхъ. Снаружи множество барельефовъ или оплывныхъ мѣдныхъ картинъ, изображающихъ Наполеона въ разныхъ случаяхъ военной жизни его. — Я еще разъ скажу, что нельзя безъ особеннаго изумленія смотрѣть на сіе величественное произведение искусства, готовое спорить съ печеніемъ вѣковъ и пережить множество поколѣній гордыхъ

и скудельныхъ челоѡковъ! ..... —
 Но что за великолѡпныя зданія,
 увѣнченныя густою зеленью де-
 реѡвъ, показывающся шамъ вѡѡво.
 — Это дворецъ и садъ Тюлье-
 рійской. Поспѣшимъ посмошрѣшь
 его. Хорошо; но поидемъ прежде
 назадъ, пройдемъ чрезъ *площадь*
карусельскую и взглянемъ на нее. —
 Идемъ! — —

Площадь Карусельская.

Вотъ чистая, просшранная,
 красивая площадь, кошорая ше-
 перешнее названіе получила отъ
 того, что еще Лудовикъ XIV, въ
 молодости своей, забавлялся на ней
 рыцарскими играми древнихъ ка-
 руселей. Наполеонъ уничтоживъ
 кучу шарыхъ шроеній, придалъ
 ей много красоты и просшран-
 штва. Здѣсь - то любилъ онъ ди-
 вишь и забавляшь народъ Париж-
 ской блестящимъ шроемъ своей
 гвардіи. Изѡстной *Изабе* обез-
 смершилъ въ знаменишой карши-

нѣ Наполеона и гвардію, предспа-
 вя ихъ въ полномъ воинскомъ бле-
 скѣ на сей площади, кошорая раз-
 сшилаьсь предъ самымъ двор-
 цомъ Тюльерійскимъ, ограждена
 красивою рѣшеткою. О площади
 довольно; но скажемъ о томъ,
 что почиается главнѣйшимъ
 украшеніемъ оной. Прошивъ са-
 мой середины усшроены пыш-
 ныя шріумфальныя вороша по
 образу знаменишыхъ врашъ *Сел-*
тимія Сѣвера; и на сихъ-шо воро-
 шахъ предспавлена колесница,
 управляемая двумя позлащенными
 богинями побѣдъ и запряженная
 четырью бронзовыми конями. Ни
 колесница, ни побѣды, новыми
 Французскими художникамъ сдѣ-
 ланныя, не оспановяшъ знашока;
 но кони заслужашъ полное удивле-
 ніе его, дивя и изумляя даже и
 не знашоковъ.

Они полны огня и жизни, сіи
 чешыре коня!... Какая красша
 въ шапахъ, какая правильносшь

въ размѣрѣ!... Мы видимъ ихъ на полномъ бѣгу, или лучше ска-
зывать, на полетѣ!... Кажется
слышишь, какъ храпящъ и сарпа-
ющъ, и видишь съ искрами дымъ! —
Сіе совершенное произведеніе дре-
вѣйшихъ художниковъ переходило
изъ вѣка въ вѣкъ и почиша-
лось драгоценнѣйшимъ профеемъ
разныхъ побѣдъ. — Чудесна судь-
ба сихъ коней! Сошворенныя од-
нимъ изъ величайшихъ художни-
ковъ Греческихъ, долго украшали
они великолѣпной Коринфъ. По-
бѣдоносной Римъ, опнявъ у Греціи
свободу и сокровища ея, почишалъ
коней сихъ перлою добычь своихъ.
Римъ гордился ими, доколѣ Кон-
стантинъ, перенеся престолъ въ
Византію, велѣлъ перевезши шу-
да и ихъ. Изъ Константинополя
перешли они на площадь Свята-
го Марка въ Венецію; а опшуд-
да на площадь Тюльерійскаго двор-
ца! — Пріятно видѣшь такое ува-
женіе народовъ къ великимъ про-

изведеніямъ искусствъ. Но странно, что уважая твореніе, часто забывающъ творца. Гомеръ и Корреджіо, которыхъ произведенія живущъ и славятся въ вѣкахъ, умерли съ голоду! — Гдѣ дарованіе, котороебъ вполне награждено было при жизни?

У людей часто нужно только умереть, чтобы сдѣлаться бессмертнымъ. — И начинаютъ жить, со дня, какъ будутъ мертвы!

Такъ сказалъ о великихъ людяхъ одинъ изъ почтенныхъ опечисленныхъ писателей нашихъ.

Тюльерійской Дворецъ.

Тюльери значить мѣсто гдѣ дѣлаютъ терлицу. По странному спеченію случаевъ лучшій Афинской садъ устроенъ былъ также на мѣстѣ терлицнаго завода, и назывался поже Тюльери или Семирамикъ. — Начиная съ сего, можно бы найти множество другихъ

сходствѣ между Парижанами и Афинянами: одно и то же оспроуміе, одна и та же вѣщность; но пусть мѣсто не для сравненій, а для описаній.

Средняя и древнѣйшая часть дворца построена была еще в 1574 году по приказанію *Катерины Медицисы*. Зданіе сіе имѣло на себѣ оштукатурку своего времени. Другія части новѣе. Генрихъ IV в 1600 году предпринялъ строеніе славной галлерей, долженствующей соединить *Тюльери* съ *Лувромъ* и сдѣлать изъ обоихъ первые в Европѣ красою и пространствомъ чертоги.

Лудовикъ XIV велѣлъ продолжать начатыя работы и щедрою рукою разсыпалъ в новѣйшемъ вкусѣ наружныя украшенія по стѣнамъ древняго зданія сего. Теперь изпещрено оно цвѣтами зодчества разныхъ вѣковъ. Наполеонъ придалъ ему много блеску. Внутри, говоряшъ, все очень велико-

лѣпно. Прекраснѣйшею изъ всѣхъ полагаютъ залу *Маршаловъ*, въ которой всѣ оплотившіеся Наполеоновы полководцы изображены въ воинскомъ великолѣпнн. Но теперь трудно войти во дворецъ; а потому пройдемъ прямо чрезъ главныя сѣни (*vestibul*), украшенныя древними статуями *Меркурія*, *Минервы* и *Бахуса*, и по нѣсколькимъ ступенямъ сойдемъ внизъ прямо въ садъ. — Основанемъ шущъ. Взглянемъ на дворецъ изъ саду, и осмолримъ садъ.

Мы уже въ саду; повернемся лицомъ къ дворцу. — Вотъ длинное проптяженіе спроеній; вотъ огромное зданіе изъ трехъ отдѣленій, или *павильіоновъ* составленное, и по длинѣ своей низкимъ и плоскимъ кажущееся. — Всѣ украшенія Ионическаго и Коринтскаго зодчества испощены съ сей стороны. Внизу галлерей съ поршиками и статуями. Львы

изъ бѣлаго мрамора спрегнувшъ и украшающъ главныя ворота. — Но что скажешь о садѣ? — Обыкновенно восклицаютъ: „вошъ чудесное произведеніе славнаго *Ленотра*, вошъ прекраснѣйшій памятникъ царствованія *Людвика XIV* го! Хвалящъ счастливой выборъ мѣста на правомъ берегу *Сены*, хвалящъ разположеніе; а болѣе всего удивляющъ искусству, съ какимъ *Ленотръ* сдѣлалъ свои длинныя насыпи или *террасы* для закрытія неровнаго мѣста. — Но Французской же писателъ *Жирарденъ*, кажешся большою знающъ въ садахъ, не хвалящъ *Ленотра* за то, что онъ спрячалъ онъ глазъ гуляющихъ въ саду и *Сену*, которая всегда поврына судами и набережныя, безпрестанно кипящія народомъ, и множество другихъ вещей, которыя можно было открытъ. Онъ не любилъ также въ эшомъ саду излиш-

ней правильности въ расположе-
ніи. Въ самомъ дѣлѣ, на него
смотришь, какъ на картину!....
Въ Тюльерійскомъ саду больше
украшеній и прикрасъ, нежели
исшинныхъ красотъ. Ищешь
природы, и видишь— одно иску-
ство: Деревья высоки и густы;
поляны блестятъ яркою зеленью;
фонтаны брызжутъ высоко; вазъ,
скульптуръ и въ разныхъ видахъ
мраморовъ множество! — Но
нѣтъ нѣтъ того очарованія, ко-
торое пѣлнваетъ насъ въ Англин-
скихъ садахъ, и которое врядъ
было ли еще извѣстно во вре-
мена *Ленотра*; но за то прослав-
лено въ прелестныхъ стихахъ
Демия.

Впрочемъ гулять здѣсь очень
пріятно. Видишь роскошнѣйшія
цвѣтники, зеркало-видныя во-
доемы; идешь по длинной аллеѣ
и невольно останавливаешься под-
лѣ прелестнаго осмиугольнаго
пруда или *бассейна*. Мѣсто жи-

вописное, прохладное и уединенное: дворецъ мелькаешъ издалика; вблизи лежашъ густыя шѣни. Вода свѣпла какъ зеркало. Быстро сверкающъ мимомелькомъ золошья и розовыя форели, и шихо плавающъ бѣлыя лебеди. Изъ самой середины бьешъ водомешъ наровиѣ съ вершинами деревъ и мѣлкимъ бисернымъ дождемъ своимъ кропашъ гуляющихъ красавицъ.

Видъ сада правильной чешвероугольникъ. Боковыя насыпи или террасы длинны, высоки и красивы. Съ Воспочной стороны возвышается дворецъ, а къ западу лежишъ площадь Лудовика XV, украшавшаяся нѣкогда конною спашуею его. — Садъ сей, такъ сказашъ, населенъ великими людьми и баснословными боже-ствами! Они мраморныя, но кажешся живущъ. Въ сумерки, бѣлѣя, мелькающъ они во всѣхъ переулкахъ сада; кажешся, слышишъ

говоръ сего мраморнаго общества и видишь движеніе его . . . . . Мнѣ нравится и свобода, съ которою здѣсь позволяешься гулять. Всякой по себѣ и какъ будто у себя. *Полиціи* никакъ не видишь; но сама эша хитрая Парижская невидимка всѣхъ подслушиваетъ и видишь. — Однако мы ужъ слишкомъ замѣшались шумъ въ саду; пора далѣе. — Взглянемъ еще разъ съ эшой прекрасной террасы, которая была любимымъ гульбищемъ молодой супруги Наполеоновой; взглянемъ на весь садъ; бросимъ взоръ влѣво на быструю Сену; подивимся великолѣпнѣю мостовъ и украшенію береговъ ея. Отсюда видны палаты Законодательнаго Сословія; тамъ извивается дорога въ Сенъ-Клу; а тамъ оплывается зашекупольной инвалидной домъ. — Но какія тамъ рощи за площадью Согласія или Людовика XV? — Встрѣвъ, идущій отсюда, приносишь

въ намъ благоуханія. Эшо Елисейскія поля! — имя, знакомое всякому, кто читалъ, что нибудь о Парижѣ. Заглянемъ въ нихъ!

Елисейскія поля.

Все пространство между площадью Согласія и Нельскою заставою занято старинными рощами; въ которыхъ разбѣяны домики, хижинки и разные пріющы для гуляющихъ. Съ одной стороны показывается Сена со всемъ, что по ней плыветъ и около нее движится; съ другой, сквозь кущи зелени, видны лучшіе дома въ Ш. Гонорѣ. Вотъ эшо называющъ здѣсь Елисейскими полями. Здѣсь-то недавно стояли биваками Козаки и Калмыки наши! Гдѣ Донъ! гдѣ аулы Калмыцкія — и гдѣ Парижъ!... Какое странное сближеніе именъ! Какія чудесныя событія! Какая черта для Исторіи!... Гульбище сіе устроено еще въ 1670 году

извѣстными Министромъ Колбертомъ. — Мы зашли въ Елисейскихъ поляхъ очень мало гуляющихъ Вкусы Французовъ переменчивы, какъ приморская погода. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ сами сознаются, что очень часто согражданами ихъ приходило охота гулять тамъ, куда прежде никто и ноги не заносилъ. Часто промѣнивая они роскошный Тюльерійскій садъ на простой сѣверной бульваръ и блестящія обшательницы *Шоссе Дантенъ* (великолѣпная улица, гдѣ живутъ всѣ Парижскіе богачи). Оставя прохладу и зелень, добровольно мучатся на солнцѣ и въ пыли.

Случаешься и такъ, что въ одномъ и томъ же саду, которой вездѣ одинаково хороши, на одной половинѣ тѣснятся и толкаются; а на другой пусто! — Что же препятствуетъ распространиться и наслаждаться свободною про-

гулкою? Такъ; ничево. — Прихошь!
 — Такого роду прихоши назы-
 ваюшь въ Парижѣ *тономъ* (тон).
 Здѣсь говоряшь: нынѣ *въ тонѣ*
 бышь шамъ-шо, говоришь и по-
 спунашь шакъ-шо: попробуй
 поступишь иначе, сдѣлаешься че-
 ловѣкомъ *худова тона* — и шы
 погибъ въ *общемъ мнѣнїи*, кошо-
 рое здѣсь однакожъ извѣстно
 только по названїю. Не думай
 здравымъ разсудкомъ опредѣ-
 ляшь *налетные вкусы*, вычурь
 и причуды Парижанъ: они суть
 плоды совершенной *безразсудно-*
сти! — Прежде, когда Француз-
 ской народъ игралъ и веселился,
 въ Елисейскихъ поляхъ учрежда-
 лись разныя игры и празднества
 народныя.

ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕАТРЪ.

Туда, за *Нельискую заставу* ушло
 солнце. Возвращаясь назадъ чрезъ
 Тюльерїевской садъ, я прїосшано-
 вился на минушу, и сквозь всю

длину главной аллеи смотрѣлъ на захожденіе его. Длинные лучи, проспировавшіеся отъ самаго края запада, позлапивъ на мигъ опдаленную зелень древесныхъ вершинъ и быспро опять сокращаясь, слились въ огромной золотой шаръ и скрылись за алое облако. — Тихія сумерки, неся росу и прохладу, попустили пылающій блескъ вечерней зари и ночь наступила. Но здѣсь никогда не видяшъ ночи въ полной темношъ ея: повсемѣстныя освѣщенія споряшъ со мракомъ. Едва усшановились сумерки, и тысячи огней засвѣщились на пасмурномъ пространствѣ обширнаго Парижа: мы пошли домой.

Входя въ улицу *Ришилье*, которая спѣшишъ освѣщаясь, вспоминаемъ, что шущъ же, подлѣ Пале-Рояля, почти насупротивъ квартеры нашей, *Французской театръ*. Какъ не зайши!... Днемъ проходя мимо, я видѣлъ его облѣпленнымъ множествомъ крас-

ныхъ , синихъ , голубыхъ и бѣ-
 лыхъ афишекъ, и не подивился на-
 ружности его, которая довольно
 проспа. Теперь вхожу въ среди-
 ну и люблюсь прекрасною залою.
 —Афиша говоритъ , что играшь
 будешь трагедію извѣстнаго *Ре-
 нцарда* (сочинителя трагедіи *Ры-
 царей храма*), подъ заглавіемъ:
*собраніе тиновъ Франціи въ горо-
 дѣ Блуа*. Главныя дѣиспвующія
 лица представлешь будешь *Галь-
 ма*, *Рокуръ*, *Ст. При* и *Лафонъ!!!*
 Каждое изъ сихъ именъ окруже-
 но блескомъ достойной его славы.
 Дрожу отъ неперпѣнія увидѣшь
 шѣхъ, о которыхъ шакъ много слы-
 шалъ и читалъ.— Между шѣмъ,
 смотря на афишу, воспоминаю ис-
 торическое произшествіе, послу-
 жившее предметомъ трагедіи.—
 Оно относится къ тому времени,
 когда *крамола*, извѣстная у Фран-
 цузовъ подъ словомъ *Ligue*, глубоко
 пустила корни свои въ суевѣр-
 номъ и страшномъ въ мятежамъ

Парижѣ. Надѣвъ личину ревностнаго усердія къ исповѣданію Капшолическому, она склонила на свою сторону Испанцовѣ, вступила въ сношеніе съ Папою и злобно вооружилась противу Протестантовѣ.

Добродѣшельной Генрихѣ Наварской, извѣстный пошомѣ подѣ именемѣ *Генриха IV*, предводительствовалъ сими послѣдними, имѣя храброе войско за *Лоарою*. Честнолюбивой, хитрой; дерзкой, но еще нѣкоторой опшѣнокѣ рыцарскаго благородства сохранившій *Гизѣ* былъ главою сонма крамольниковѣ. Властолюбивая, гордая и хитрая *Медицисѣ*, во имя слабаго сына своего, управляла Францією. Для прекращенія мятежей и соглашенія мнѣній она назначила свѣздѣ начальникамѣ всѣхѣ сторонѣ въ городѣ *Блоа*, что на *Лоарѣ*, немного пониже *Орлеана*. Чиновники свѣхались. Всякой привезѣ съ собою своихѣ едино-

мысленниковъ, свои виды, выгоды, спраши и добродѣтели. Искусное изображеніе сплешенія, оборошовъ и сильнаго междуусобнаго боре- нія разнообразныхъ спрастей должно бысть основаніемъ и душою трагедіи.— Но вошъ рукоплесканіе умножается, занавѣсъ колеблется — мы увидимъ всѣ спраши въ лицахъ. Открывается галлерей Блоас- скихъ палатъ, недалеко отъ залы, гдѣ *тины* имѣютъ засѣданія.

Вошъ Королева машъ, вошъ Медицисъ! Зрители громкимъ руко- плесканіемъ привѣщиваютъ *Ро- куръ*; а мнѣ кажется, что эшо вышла почно сама Медицисъ!... Поразительное величіе, поступъ, осанка, голосъ, взглядъ, приемы: все показываетъ Королеву, и Королеву глубоко постигшую науку чинать въ сердцахъ, и управлять спра- стями. Она открываетъ *Крильиону*, (котораго предсавляетъ строй- ной громогласной Сш При) важ- ное намѣреніе употребить дан-

ную ей сыномъ ея Королемъ власть на укрощеніе буйныхъ замысловъ мяшежнаго честолюбца — *Гиза*. Тутъ же обнаруживается она и ненависть къ Генриху; но уступая пользамъ Государства, скрываетъ она вражду и приказываетъ *Крильону* выхватить къ нему на встрѣчу. — Явленіе второе еще любопышнѣе. Входитъ *Тальма* — это самъ Гизъ! Небольшаго роста, но живой и блестящій. Какой входъ! Быстро, смѣло, съ лицомъ, полнымъ бодрости и надежды, онъ вошелъ — и толпа разступилась. Всѣ заговорщики по сторонамъ: онъ въ серединѣ; бросилъ взоръ — и обозрѣлъ сердца; бросилъ другой — и прочишалъ души! — Лучше эшаго не можешь войти никакой начальни въ заговора. — Еслилибъ я и въ сію минушу ушелъ изъ театра, то все бы имѣлъ право сказать: я видѣлъ *Тальму*! Но я остался и восхищался прекрасными

подробностями чудесной игры его. Онъ и Гжа Рокуръ достигли до непоняшнаго совершенства входяшь въ представляемые ими лица. Кажешся, что какая нибудь волшебная сила точно превратила перваго въ Гиза, а другую въ Медисъ. — Каждая мысль, каждой ошщбнокъ мысли автора выражены совершенно. Переходы изъ спраспи въ спраспъ искусны до превосходства. — Измбненіемъ лица, взорами и движеніями они говорятъ почти сшолько же, какъ и языкомъ. — Смотрите, какъ Гизъ шашъ свои и опкрываетъ намбренія другихъ! Уже онъ ощупалъ всб струны сердецъ, уже наводитъ ихъ на желанной строй... Какое *двулиціе* въ одинъ и шотъ же мигъ!... Смощитъ на право — великъ, благороденъ, говоритъ о любви къ отечеству, о щастіи народа, блещитъ, очаровываетъ, плбняетъ; оглянулся въ лво — совсбмъ другое лицо: лице заго-

ворщика, хитреца! — Тутъ въ полголоса даешь насшавленіе, какъ обманываешь, проныришь, подкупаешь! — —

Вотъ осшаается онъ одинъ съ брашомъ своимъ *Маеномъ*, кошорой незадолго предъ симъ поклялся Королевъ въ вѣрности. *Маень* хочешь вывѣдаешь у Гиза шайну намѣреній его. Гизъ разсуждаешь, говоришь, но не проговариваешься, и вдругъ какъ будто спохватясь, восклицаешь:

..... Que me demandes-tu? —

„Par les vents, par les flots de tous cotés battu
Le vaisseau de l'état lutte contre l'orage;
Dans les nombreux perils, si voisins du naufrage,
Chaque hasard nouveau veut de nouveau moyens.
Eh! comment t'expliquer la route, que je tiens?
Interroge les vents, les ecueils et l'abime!“ —

„..... О чемъ ты вопрошаешь?

„Корабль отгества, досшавшись бурямъ
въ плѣнь,
„Волнами, вѣтрами; опшвсюду ушѣсненъ; —
„Среди грозящаго сму въ пучинахъ бѣдства,
„Для разныхъ новыхъ золь потребны новы средства —

„И какъ тебѣ сказать, какой я *путь* из-
бралъ?

„Распрашивай о томъ у вѣтровъ, безднѣ
и скалъ!“ —

Появленіе *Лафона*, или, все равно, Генриха IV даеиъ новой видѣ и блескъ трагедіи. Окруженный славою и благословеніями народа, съ чистою совѣстію, съ ясною веселостію въ лицѣ, приходишъ онъ, провозглашая *миръ*. Сей голосъ раздражаеиъ *Гиза*. Онъ хмуришя и еишходишъ, какъ мрачная пуча, уносящая съ собою громы и молніи свои. — Слѣдуюиъ разные явленія. Но верхъ любопытства въ трагедіи еишъ свиданіе Генриха съ *Гизомъ*. Вотъ, гдѣ видна противоположность свойствъ! . . . .
Одинъ, какъ свѣтлое Майское утро; *Другой*, какъ бурной осенній вечеръ. Оба храбры, оба храняиъ законъ чеиши; но шотъ благороденъ по сердцу, а эишотъ по разщешамъ. Генрихъ говоришъ шолько о мирѣ; — счастье народа еишъ

милая мечта его ; Гизѣ дышетъ только войною : поработить и властвовать — вошѣ цѣль его усилій. — Желалъ бы я, чтобъ всѣ цари міра услышали, какъ Генрихъ говорилъ о выгодахъ спокойствія, о благополучіи Государствъ. Это не шло Государь, которой знаетъ о состояніи народа только по слуху, и вѣритъ счастію его въ раскрашенныхъ ложью рассказахъ льстецовъ ; нѣтъ : Генрихъ живалъ въ хижинахъ, былъ другомъ и опцомъ поселянъ.

Онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, какъ раздоры терзали общества, какъ мясежи зажигали пожары и войны ходили по селамъ и градамъ. . . . Онъ зналъ, какія раны нанесены опечесству въ сіи времена неспроиства и опущеній. И на сіи-то раны хотѣлъ онъ излишь весь фіалъ спасительнаго цѣленія мира. — Гизѣ не могъ не убѣждаться святыми истиннами, которыя въ

прелестныхъ стихахъ лились изъ устъ Генриха; но спраши и упорство оковали сердце его. Разговоръ начался привѣшшвами, продолжался споромъ, а кончился вызовомъ напоединокъ. Генрихъ охотно жершвуетъ жизнью для блага опечешва. Коварной и безпокойной Гизъ, оставшись одинъ съ заговорщикомъ *Домалемъ*, даетъ ему наставленія ошорожности :

„Que rien ne laisse en vous soupçonner nos projets;

„Parlez peu, jugez tout, et n'écrivez jamais!" —

„Глубоко шайну скрой: умъ, служъ и взоръ
вперяй

„Во все; но ничего бумагъ не ввѣряй!" —

„Глубоко шайну скрой; будь скромень, разсуждай,

„Стрегись—и ничего бумагъ не ввѣряй!" —

Третье дѣйствіе имѣетъ много блеску: его явленія — прекрасныя картины! — Медицисъ, въ полномъ сіяніи своего сана, Генрихъ, Гизъ и весь дворъ вмѣшшъ и порознь являющся глазамъ. *Рокуръ* играетъ чудесно! . . . Приведи дикаго человѣка, — онъ

взглянешь на нее и скажешь: эшо царица!... Генрихъ такой храброй и великодушной воинъ, такой доброй Государь, такой благородной человекъ, что мысленно падаешь къ стопамъ его!... Гиза начинаешь уже очень ненавидѣшь, и эша ненависть ешь вънецъ *Тальмы* и лавръ *Ренцарда!*

Четвертое дѣйствіе открываетъ успѣхи происковъ и коварствъ. *Собрание тиновъ* отвергаетъ миръ; *крамола* поржесивуетъ; народъ мяшется; война гремитъ... Но *толоръ* и *плаха* уже готовы. *Вспревоженная Медицисъ* беретъ рѣшишельныя мѣры: она заманиваетъ Гиза въ сѣшь и — онъ безъ головы!... Въ *пятомъ дѣйствіи* шолпа заговорщиковъ съ шумнымъ нешерпѣніемъ ожидаетъ выхода Королевы, полагая, что она уступитъ пронъ *Гизу*. — Величественна и важна, исполнена надежды и швердоспи, Она идешь прямо къ заговорщикамъ.—

„Гизъ будетъ нашъ Король! „за-
 кричалъ одинъ изъ ревностнѣй-
 шихъ бунтовщиковъ. — „ Гизъ
 мертвъ! „ спокойно ошѣчала
 Королева и бросила шакой взглядъ,
 кошорой оледѣнилъ самые пыл-
 кіе умы. — „И тронъ спасенъ! „ —
 прибавила она, и еще другимъ,
 молніи подобнымъ взоромъ, убила
 совершенно дерзость. — Сердца
 упали, руки опустились. — Въ
 эпомъ явленіи увидѣлъ я верхъ
 искусства. Генрихъ возвращается
 съ побѣдою; но жалѣешь Гиза,
 кошорого спрасси завлекли въ
 заблужденіе.

Я показалъ только общій ходъ
 трагедіи и игры актеровъ; но сколь-
 ко прелестныхъ подробностей,
 обворожительныхъ ошѣнокъ въ
 шомъ и другомъ! — Признаюсь, я
 гошовъ сказать, что Гжѣ. Рокулъ,
 Тальмъ, Лафонъ, Ст. При нѣтъ по-
 добныхъ на свѣтѣ, и сказалъ бы
 это вѣрно, когдабъ не видалъ нашей
 превосходной Семеновою и не зналъ

Яковлева! — Нашъ Гнѣ Зловѣ въ своемъ родѣ, не уступивъ также многимъ Парижскимъ актерамамъ, хошя они и превосходны во всѣхъ родахъ. — Театръ былъ наполненъ зрителями, а зрители полны восшоргомъ. Французы вообразили, что опяшь живуть въ вѣкѣ Генриха IV. Паршерб отъ него безъ ума. Музыка безпрестанно играла пѣсню: *Vive Henri quatre*, и рукоплесканіямъ не было конца. Трагедія, имѣвшая совершенной усѣхъ, совершенно онаго доспойна! — Чесць и слава благородному Ренуарду!

П а р и ж ъ . . . .

Площадь Согласія, или по прежнему Лудовика XV, есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ Парижскихъ площадей. Она расположена между Тюльерійскимъ садомъ и Елисейскими полями. Многія прекраснѣйшія зданія представляются шувъ глазамъ. До Революціи путешественники хо-

дили сюда смотрѣшь конную спашую Людовика XV.

Но опѣ чего при первомѣ шагѣ на сію площадь всѣ струны сердца моего, въ сильномѣ потрясеніи, издають самой печальной звукѣ? Опѣ чего тысяча мыслей и тысяча напоминаній свѣ быспрошою молніи сверкають въ умѣ? — Двадцать, покрытыхъ кровью и пресупленіями лѣшь разсупающа предо мною, и я вижу — *прошедшее*. — Въ мысляхъ моихъ обновляется картина паденія великой державы!... Прекрасная женщина, обремененная гніющими язвами, копорья не имѣя средства уврачевать, покрываетъ она блестящею одеждою: вотъ истинное подобіе *тогдашней Франціи*!... Духъ наружности облекалъ ее полудою вѣшняго счастья; а духъ разрушенія огненными бурями дышалъ въ нѣдрахъ ея. Всѣ основы древняго порядка шавли, шаша-

лись и падали. Переворошъ, поспигшій Францію, начался пере-
ворошомъ коренныхъ мнѣній и
общихъ поняшій. — *Своекорыстіе*
(*l'égoïsme*) и *сцемудріе* сущь двѣ
главныя пружины, двигавшія все-
ми колесами адской машины —
революціи! — Всякая мыслящая
голова и всякое чувствительное
сердце во Франціи сознаешся въ
эшомъ. Такъ, изъ сихъ-шо двухъ
адскихъ источниковъ поднялись
шѣ губительныя испаренія, ко-
шорыя породили шяжкія болѣзни
для цѣлаго Государшва и смершь
для нѣкошорыхъ частей онаго. —
Своекорыстіе заглушило небесныя
поученія вѣры, воспалило въ лю-
дахъ неисцѣльную жажду къ день-
гамъ, къ собшвеннымъ выгодамъ
и оградило сердца ихъ жесткою
корю равнодушія. Тогда всѣ по-
ученія Евангельскія упадали на
камни, и *милосердіе*, *жалость* и
любовь къ ближнему не могли уже
болѣе входить въ души ожешно-

ченыхъ. Тогда показывались страннѣяшя явленія въ обществѣ: люди безъ заслугъ, дарованій и просвѣщенія пользовались неизчешными выгодами богашества въ то самое время, какъ заслуги, дарованія и просвѣщеніе снѣдали въ ужасной нищестѣ! . . . Безпечные сыны роскоши съ улыбкою смотрѣли, съ вышины великолѣпныхъ чертоговъ своихъ, на заслуженныхъ кавалеровъ Свяшаго Людовика, исполняющихъ должности просныхъ поденщиковъ. (Смопр. путеш. Сперна во Фран.). — Таковы были слѣдствія своекорыстія! . . .

Но роковую печашь гибели наложило на Францію *сумудріе*. Принявъ на себя пышное названіе *Философіи*, оно напоило ядомъ всѣ писанія того времени и превратило понятія о вещахъ. — Забавляя народъ блескомъ лжеумствования, оно опшнимало животворительную силу у сущности

законовъ , поспановленій и священныхъ обрядовъ. — Народъ, потерявшій чистшя понятія, нераздѣльные съ чистотою нравовъ, бродилъ въ глубокой ночи заблужденій. Сія же шьма пала и на очи управлявшихъ судьбою Франціи. Ощупью искали они способовъ двигать разслабленными пружинами Государства , и часто для ушѣшенія народа , спрадавшаго уже шайнымъ предчувствіемъ бѣдъ , злашили кровли шѣхъ зданій, которыхъ шѣны , дряхлѣя , упадали ! . . . Но вскорѣ шайныя замыслы лжеумспововашелей сдѣлались явны , и *сцемудріе* , пріявъ дерзосшь и видъ *безвѣрія* , нагло поколебало древнюю свяшосшь олшарей. Оскорбленная *вѣра* съ громкимъ рыданіемъ удалилась во глубину пущынь. Зашумѣли спрасши и запылали мяшежи . . . Таковы были послѣдшвія *сцемудрія* !! . . . Съ вышины разгнѣванныхъ небесъ низпало оно въ

видѣ свѣтлой алоколиптической
звѣзды, изъ кошорой воскурился
густой мракъ, зашмившій сіяніе
испины и очи несчастнаго на-
рода. — Тогда великая книга про-
шедшаго, со всѣми спасительными
поученіями своими, закрылась
навсегда ошъ нечесивыхъ взо-
ровъ ушопавшихъ въ развратѣ
людей. — Французы забыли испо-
рію Грековъ и Римлянъ, забыли
люшья послѣдствія домашнихъ
неуспройствъ. . . . Дерзко опрек-
лись они ошъ Бога, и гордо выз-
вались бышь пворцами собсшвен-
наго счастья. — Пошемиѣли не-
беса мяшежной земли; померкли
послѣдніе лучи благоденствія;
тяжко воздыхали храмы Божіи,
и громко сѣшовали чершогги ца-
рей. Изспупленное буйство одною
рукою сорвало шронъ, а другою
воздвигло эшафотъ. — Здѣсь, на
площади Людовика XV, возвыша-
лось сіе ужасное орудіе гибели
добродѣшельнѣйшаго изъ Госуда-

рей. Сюда сползился безчислен-
 ной народъ, сюда привели невин-
 ную жершву. *Сынъ Людовика Свя-*
таго иди на небо! сказалъ па-
 спырь церкви, благословившій Лю-
 довика XVI въ послѣднюю ми-
 нушу жизни его. Блеснула сѣвира,
 пала глава священная, небо при-
 няло добродѣшель, и порочные
 Французы уже не видали съ тѣхъ
 поръ прелестнаго образа ея. На
 нихъ и на чадъ ихъ пала кровь
 порфиророднаго спрадальца! —
 Огнемъ и кровію очищался народъ
 сей! . . . Поколѣніе пресшупниковъ
 изчезло въ буряхъ мяшежей. —
 Кшо напишешъ чудесную кар-
 пину неслыханныхъ превраще-
 ній! . . . На самой сей площади,
 гдѣ бѣснующійся *Парижъ*, окунувъ
 руки въ крови Короля дерзкими
 стопами попіралъ величіе прона
 его, на сей самой площади Алек-
 сандръ I, Государь ошдаленнаго
 Сѣвера, заставилъ гордой градъ
 сей съ уничиженнымъ смиреніемъ

преклонить колѣна и лобызать слѣды пролишой имѣ крови! — Нѣшѣ, ничего не можешѣ бышѣ разишѣльнѣ дивнаго спеченія сихѣ великихѣ и небывалыхѣ обшояшельствѣ! . . . Годы мрачныя, какѣ бурныя осеннія ночи, годы, полные крови, слезѣ, оружія и огней прошли какѣ страшная гряда гремящихѣ облаковѣ. Давно невиданная заря счастья занимается надѣ Парижемѣ: Людовикѣ XVIII на тронѣ предковѣ своихѣ! . . . Миѣ кажется всего приличнѣе рассказать шебѣ здѣсь и шеперь же все, что знаю любовышнѣйшаго о прибышій Государя сего въ Парижѣ.

Прибытіе Короля въ Парижѣ ознаменовано было различными торжествами. Назалось, что всѣ сердца лепѣли во срѣшеніе ему, и непришворная радость была искреннѣйшимѣ чувствомѣ каждаго и всѣхѣ. Любовышныя многія мѣста изѣ недавно-сказыван-

ныхъ рѣчей. — Баронъ Хаброль, Префектъ Сенскій, при поднесеніи ключей города Парижа, говорилъ слѣдующее: „Государь! общее усердіе Парижскихъ гражданъ повергаетъ къ спонамъ Вашимъ священныя ключи отъ вратъ столицы Людовика Святаго. Небо, споль долго внимавшее тайнымъ вздохамъ и моленіямъ нашимъ, отлагаетъ наконецъ гнѣвъ свой, даруя въ особъ Вашей законнаго Короля народу и милосердаго ошца опечесшву.

„Непришворное учаспіе возбуждаемое въ каждомъ при видѣ добродѣтели, гонимой рокомъ, и свѣжее напоминаніе о недавно еще прошедшихъ бѣдствіяхъ, привлекающъ всѣ сердца къ подножію прешола Вашего Величества и ручающъ за прочностъ и незыблемостъ священнаго прона сего!“

По случаю возстановленія монумента Генриха IV сказано: „Ликъ Генриха IV, споль долго

скрывавшійся отъ насъ, наконецъ являешся опяшь глазамъ восхищеннаго народа. Воспомявая, при видѣ его, о прошлыхъ буряхъ и несчастіяхъ, сугубо наслаждаемся мы настоящимъ благополучіемъ.”

Всупя въ кафедральную церковь, Король услышалъ слѣдующее: „Государь! здѣсь нѣкогда одинъ изъ предковъ' вашихъ приносилъ жершвы и моленія строишелоу міровъ. Угодны были небесамъ моленія сіи и Всевышній даровалъ ему сына Людовика XIV. Предѣсимъ же самымъ олшаремъ изливалась молчаливая скорбь наша. Слезы и моленія свои проливали мы въ шайнѣ; но милосердый Богъ, внуша оныя; наградилъ насъ въ явѣ возвращеніемъ Людовика XVIII!”

Въ другой рѣчи замѣшилъ я слѣдующія выраженія: „Государь! ты обновилъ олшари церкви, какъ Богъ обновляешъ пресшоль олцовъ швоихъ. Служишь Богу и Королю:

вошѣ кляшва нашихѣ душѣ! Весь Парижѣ произносишѣ ее едиными устами.”

Тайлеранѣ говорилѣ Королю : „Всѣ сердца стремяшя во срѣшеніе вамѣ. Бываетѣ радость, кошорую никакѣ не лзя чувсшво-вать пришворно. И шакая-шо радость наполняешѣ шеперь Французской народѣ!... Великія бѣдствія шерзали достояніе предковѣ вашихѣ. Двадцать разрушительныхѣ годовѣ оставили по себѣ слѣды ужаснаго опустошенія. Тронѣ вашѣ воздвигаетѣся на развалинахѣ. Человѣкѣ обыкновенной содрогнул-ся бы при видѣ шшоль великаго несчастія народа, кошорому онѣ долженѣ возвратишѣ пошерянное благополучіе. Такѣ, пошребно мужесшво необычайное, чшобѣ приняшѣ на себя обязанность воспановишѣ порядокѣ, до шакой шшепени разшроенной, ошасшливишѣ народѣ шшоль злополучной и закрышѣ глубокія, еще дымящіяся раны ошечесшва!”

Король, входя въ Парижъ, вводилъ съ собою въру, погтеніе къ святынѣ, просвѣщеніе и благіе нравы Онъ говоритъ Ректору Университета: „Половинное просвѣщеніе ведетъ всегда къ заблужденіямъ, но полный свѣтъ онаго открываетъ истину. Совѣшную Университету, занимаясь науками, не забывая и нравовъ. Примѣръ же чистѣйшій нравственности пусть беретъ народъ мой съ меня и моего семейства!“

—Вошъ какъ говоритъ Король!...

„Когда потеряете знамена, говорилъ Генрихъ IV воинамъ своимъ: по послѣдуйте за симъ бѣлымъ перомъ, (которое украшало шляпу его): оно всегда будетъ на пути чести и славы!“ — Французы потеряли теперь знамена добродѣтели, побѣждены пороками, окованы развращомъ, не знаютъ истиннаго свѣта, не видятъ спешей истины; но Лудовикъ XVIII зываетъ къ нимъ: „Идите шѣмъ путемъ, на которомъ увидите ме-

ня съ семействомъ моимъ, и вы будете всегда на пути добродѣтели!" — Предокъ велъ войско свое къ славѣ; попомокъ общаешъ вести цѣлый народъ къ добродѣтели. Хвала обоимъ; но великая честь будешъ послѣднему, естли успѣшъ въ многотрудномъ предпріятіи своемъ! . . .

Недавно народъ шолпился на Карусельной площади и громкими восклицаніями радости вызывалъ Короля. Онъ показался, положилъ правую руку на сердце, а лѣвую поднялъ къ небу. Чрезъ сіе хотѣлъ онъ выразить, что любовь его къ народу столь же велика, какъ и благодарность къ Богу. Народъ оцѣпенѣлъ отъ восхищенія. — „Какое величественное зрѣлище! восклицали многіе: „смотри! смотри! какой доброй у насъ Король, а мы не хотѣли признавать его!" — говорили одни. — „И на кого промѣняли было мы его!" восклицали дру-

гіе. — Во многихъ мѣстахъ клики
 воспорга прерывались рыданіями.
 Чшо жъ дѣлаешся шеперь съ шѣмъ,
 на кого легкомысленные Францу-
 зы промѣняли было добраго Ко-
 роля своего, что дѣлаешся съ
Наполеономъ? — На сихъ дняхъ по-
 лучено извѣстіе, что въ *Авинь-*
онѣ народъ съ бѣшенствомъ на-
 палъ на карешу его. „Опдай на-
 шихъ брашьевъ, опцовъ, супру-
 говъ и дѣшей!“ кричали со всѣхъ
 споронъ. Союзные Коммисары едва
 могли успокоить озлобленной на-
 родъ. — Невольно приходящъ на
 мысль слова знаменишаго Моро о
Наполеонѣ и народѣ Французскомъ.
 Видя неисповые поступки Корси-
 канца, онъ говорилъ еще въ Аме-
 рикѣ: „скоро человекъ сей (*Напо-*
леонъ) покроетъ стыдомъ и по-
 ношеніемъ имя Франціи; ско-
 ро совѣстно будешъ называшься
 „Французомъ. Онъ сзываетъ на
 „главу несчастнаго опечества мо-
 „его проклятія вселенной. Скоро

„Французы сдѣлаюшся нещасливе
 „Жидовѣ и еще съ большимъ оже-
 „споченіемъ гонимы будущѣ всѣ-
 „ми народами земли!“ — Слова сіи
 легко бы могли сбыться въ поч-
 носпи, когдабъ рука великодушія
 не извлекла Франціи изъ бездны
 гибели ея. — Теперь большая часть
 Парижа опяшъ поешъ и веселишся.
 Появляется много пѣсенъ въ честь
Лилии. Вводномъ *Водсиль* назван-
 номъ *возвращеніе лилии* поюшъ :

Украшенье сада,
 Всѣхъ цвѣтовъ милѣй,
 Радость и опрада
 Былъ миѣ *кустѣ лилей*...
 Меркнетъ блескъ лазуря,
 Гаснетъ дневой свѣтъ;
 Налетаетъ буря

Съ корнемъ рветъ мой цвѣтъ! и проч:

Далѣе описывается возвраще-
 ніе прекрасной погоды и *лилей*!...
 Видишь, какъ Французы привѣш-
 швуютъ знаменишаго госпя сво-
 его — Короля! по Руской посло-
 вицѣ: мягко спелюшъ, да не жесп-

ко ли будетъ ему спашь!... Однако, кажешся одумались, и Наполеона браняшъ безъ пощады. — Не давно выведена была на пешыр опчаянная мать, пошерявшая шрехъ сыновей на войнѣ и свъ безпокойствомѣ вопрошающа лекаря о здоровьи послѣдняго. Лекарь, осмошря, говоряшъ, что молодой человекъ совершенно здоровъ „Онъ здоровъ!“, какое люшое бѣдшвие! онъ здоровъ! Боже, „Боже мой! для чего онъ не боленъ?... Онъ здоровъ и не минуешъ конскрилци, и умрешъ на спрашномѣ полѣ незаконной „войны!“ — Вопъ самая рѣзкая черша ужаснаго времени, самой жестпокой упрекъ насильственной власши!... Хорошо, что Французы почувшвовали разницу между блескомѣ молнии и свѣшомѣ солнца!...

П А Р И Ж Ъ.

О л е р а.

Кардиналъ Мазаринъ первой ввелъ во Францію Олеру, извѣстную до шолъ шолько въ Италіи. Въ 1646 мѣ году Италіянскіе актеры въ первой разъ забавляли Дворъ.— Вскорѣ изобрѣшены удивительныя машины, кошорыя въ послѣдствіи усовершенствовались до чудесности. Музыкальныя шворенія *Люлли* и *Рамо* долго были единственными сокровищами сего шеатра. *Глукъ* и *Пигини* появились послѣ нихъ. Каждой изъ обоихъ имѣлъ за себя множество голосовъ. Французы спорили съ жаромъ о преимуществѣ дарованій, и сей-то споръ произвелъ двѣ спороны, извѣстныя подъ именемъ *Глугистовъ* и *Пигинистовъ*. Но споръ прошумѣлъ и кончился; а сочиненія обоихъ великихъ музыканшовъ обогатили навсегда оперу Французскую.— Въ другомъ отношеніи прославились *Вест-*

рисѣ и *Гардель*. Первый особенно въ чудесныхъ пляскахъ своихъ, искусными шѣлодвиженіями, умѣлъ выражать всѣ опшѣнки чувствъ и спрасшей, умѣлъ, шакъ сказать, *говорить глазамъ зрителей*. — Теперьшній Оперный домъ построенъ уже въ 1793мъ году. Снаружи не лзя узнать, чтообъ это былъ храмъ Музъ; но за то, побывъ внутри, признаешься, что это шочно храмъ Музъ и вмѣстѣ храмъ очарованій.

Здѣсь-то представляющся восхищеннымъ глазамъ вашимъ всѣ измѣненія природы, всѣ чудесныя каршины эшаго и шого свѣта. Тутъ часто видятъ свѣшлый *Олимпъ* украшенный всѣмъ, что небо имѣетъ въ себѣ прелестнаго, и въ слѣдъ за симъ являешся мрачной *адъ* со всѣмъ, что шолько естъ въ немъ ужаснаго. Вѣчное пламя шелешся по глубокимъ мракамъ подземной ночи: картина ужасная! Но вдругъ являешся

картина очаровательная: Вѣчная весна, неувядаемая зелень, прелестное жилище радости представляющіяся глазамъ вашимъ, и вы узнаете поля *Елисейскія*! . . . Теперь, какъ мы были въ оперѣ, повторилось въ балетѣ, предъ глазами нашими, плаваніе *Клеопатры* по рѣкѣ *Сиднусу*. — Мы вошли въ ложу; отарованіе махнуло волшебною ширинкою — и 18 вѣковъ исчезли. Поднялся занавѣсъ, пролилась рѣка — и я увидѣлъ корабль *Клеопатры*. Это точно шопѣ, на кошоромъ плыла сія чудесная женщина! — Розовые, лиловые, бѣлые и голубые паруса вмѣстѣ сѣрадужно — цвѣтными флагами, вѣяли отъ дуновенія *Зефировъ*. Серебряныя весла двигались по звуку злапо-спрунныхъ *миръ*. Амуры порхали по снастямъ. Все было въ золотѣ, въ хрусталяхъ и въ освѣщеніи! . . . *До ста* особъ появились вдругъ на сценѣ въ пешрой толпѣ дѣйствующихъ лицъ.

Тѣлодвиженія или пантомимы довольно совершенны. Только жена Аншоніева, кажешся, ужъ слишкомъ ломалась. Чшобъ представишь ослѣпленному спрашю сугругу свяшосшь его обѣшовъ, несчастіе дѣшей и собствяенную скорьбъ, ей бы довольно указашъ на небо, на дѣшей и на сердце свое.

Чрезвычайными пѣвцами опера похвалишь шеперь, кажешся, не можешъ. Здѣшнее пѣніе не введешъ Рускаго въ шапой восшоргъ, чшобъ онъ могъ забышься, забышь своего *Самойлова*, *Злова* и не вспомнишь о *Сандуновой*. Но машины и декораціи неподражаемы, чудесны!...

ЛУВРЪ.

Преданія древности не умѣютъ разсказать опредѣлишельво, когда и кѣмъ основанъ Лувръ. Знаютъ шольво, что *Дагобертъ* держалъ шамъ собакъ, *Филиппъ* запиралъ

шуда прешупниковъ; а Карлъ V, придавъ болѣе благородства древнему зданію сему, помѣстилъ въ немъ свою библіотеку. Въ 1528 мѣ году украсилъ его еще болѣе Францискъ I, и съ тѣхъ поръ помѣщались уже тамъ многіе посѣщавшіе Парижъ иностранные Государя. Генрихъ IV, велѣвъ разломать старинныя стѣны древняго Парижа: первой предпринялъ соединить *Лувръ* съ *Тюльери* посредствомъ пространной галереи.—Лудовикъ XIV, украшавшій блескомъ побѣдъ своихъ Францію, захотѣлъ украсить и *Лувръ* такъ, чтобъ онъ былъ первымъ зданіемъ въ Европѣ. Но люди имѣющіе странной предразсудокъ ищашь счастья и дарованій въ дальнихъ земляхъ тогда, какъ по и другое всегда почти бываетъ у нихъ подъ рукою дома. Лудовикъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ общую многимъ Государямъ ошибку: для украшенія *Лувра* выписалъ онъ

изъ Рима, съ большими издержками, *Бернини*, котораго почитали первѣйшимъ художникомъ того времени. — Иноземецъ, славный за горами, не оправдалъ молвы на дѣлѣ. Вѣроятно, что пораженный древнимъ величіемъ огромнаго Лувра, онъ не нашелся изобрѣсть приличныхъ ему новыхъ украшеній. Воображеніе его, достапочное къ произведенію красивыхъ мѣлочей, не знало гдѣ найти очарованіе, которое бы придало блескъ юности наморщенному вѣками челу сѣдоглаваго исполина сего. — *Бернини*, подивившись Лувру, наопрѣзъ оказался бытъ его возобновишелемъ. — Но то, чего не могъ здѣлать первѣйшій иноземной зодчій, исполнилъ безвѣстной Французской докторъ. Еврона изумилась, а Франція была въ себя ошъ удивленія и восторга, увидя, какимъ чудеснымъ великолѣпіемъ докторъ *Перольтъ* украсилъ Лувръ. Ни что

не можешъ сравниться съ величественною красотою новой колонады зданія сего. Невольно вспомнишь, что и въ Австріи славное зданіе, монашпырь Святаго Флоріана, построено домашнимъ зодчимъ, кажется просымымъ мѣщаниномъ. Должно признашся, что ученіе разкрываешъ и поддерживаешъ великія дарованія, но не шворишь ихъ; а великія дарованія изобрѣшають и производяшъ художества и науки. — Умъ дѣйствуешъ и шворишь; наука, идя за нимъ, облекаешъ въ правила шворенія и дѣйствія его.

Великія произведенія зодчества такъ же, какъ и произведенія поэтовъ и живописцовъ, имѣють непонятную силу очаровывашъ, ушѣшашъ и возношишь духъ человека. Сила сія есть свойство всего изящнаго. Смотри на Лувръ, наполняюшь какимъ-то неизъяснимо пріятнымъ чувствомъ соб-

спвеннаго достоинства, и раду-
юсь, что и я членъ просвѣщен-
наго общества, которое споль
блистательными успѣхами, умѣ-
ло испоргнушь себя изъ общей
шолпы пресмыкающихся въ пра-
хѣ земномъ. Ахъ, еслибъ успѣ-
хамъ ума соопѣшествовали успѣ-
хи добродѣтели: просвѣщенный че-
ловѣкъ конечно былъ бы благород-
нѣйшимъ изъ всѣхъ облеченныхъ
шломъ швореній Божіихъ и пер-
вымъ послѣ Ангеловъ въ священ-
ной цѣли существъ!

Но насмотрѣвшись на внѣш-
ній видъ Лувра, и чувствуя себя,
какъ одинъ ваятель послѣ чте-
нія Гомера, нѣсколькими вершка-
ми выше, войдемъ внутрь, чтобъ
съ благоговѣніемъ увидѣшь все то,
что шолько могла произвести со-
вершеннаго кисть величайшихъ
живописцовъ. Тутъ, въ Луврѣ, кар-
тинная галерея, украшенная дра-
гоцѣннѣйшими подлинниками, изъ
всей Европы собранными.— При-
готовьше духъ свой къ созерца-

нію и вступише въ сей дивный храмъ искусствъ.

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ въ Лувръ.

Вхожу въ галлерею и едва вижу конецъ ея! Вошъ въ одномъ мѣстѣ все то, чѣмъ славились разныя обласпи Италіи, чѣмъ дорожили Князи и Вельможи, чѣмъ гордился Римъ, Флоренція, Вѣна, Венеція и Неаполь. — Вошъ знаменитыя произведенія великихъ художниковъ: Рафаела, Корреджіо, Рубенса, Веронеза, Пуссеня, Вернеша и Лебрюна. — Но я только назову и то нѣкоторыя изъ нѣсколькихъ сошъ рѣдкихъ картинъ; описывать же ихъ ни дара, ни времени совсѣмъ не имѣю. Еслили получишь копия малѣйшее поняшіе о нихъ; еслили увидишь ихъ шакъ, какъ видяшъ чудесныя явленія во снѣ; еслили увидишь ихъ шакъ, какъ представляющъ прелестныя виды природы въ едва постигаемой взо-

ромъ дали, сквозь опуханной
воздухъ: по будь доволенъ и симъ.
Я пробылъ только одинъ часъ
шамъ, гдѣ надобно провести нѣ-
сколько недѣль, нѣсколько мѣся-
цевъ, чтобъ осмопрѣшь каждую
каршину порознь.

Но когда уже не можно тихо
пройти и внимашельно все осмо-
прѣшь, по рѣшился хошь про-
бѣжашъ и мимомелькомъ взгля-
нушь на все, что шущъ ешь.
Лучше замѣшишь что нибудь,
чѣмъ не видашь совсѣмъ ничего.
—Идемъ! — Вожапой, Французъ,
указываешъ, какъ и должно, пре-
жде всего *Французскую школу*. —
Вошъ одно изъ лучшихъ произве-
демій кисти *Лебрюна*, опца сей
школы! Онъ нарисовалъ *Даріево*
семеиство. Большой размѣръ,
смѣлая кисть; жизни и вырази-
шельности много. Плѣненная су-
пруга *Даріева*, съ прелестною до-
черью своею, упадаешъ къ ногамъ
Эфестіона, сочшя его за Алексан-

дра. Но самъ Александръ входящъ, несчастная узнаетъ ошибку и содрогаешся. Герой успокоиваетъ ее шѣми незабвенными словами, копорыя текущія столбшя пересказывая однѣ другимъ, довели и до насъ: „Эфесціонъ, другъ мой: онъ *другой я!*” Такъ сказалъ Александръ, и можноть сказашъ что нибудь лучше? — Здѣсь картины *Пуссенева*. — Живописецъ сей, не умѣя сославляшъ блестящихъ красокъ, умѣлъ однакожъ блисташъ искусствомъ. Рѣзкое и живое выраженіе естъ печашъ его произведеній.

Вотъ коровы *Польлотера*: почно живыя! . . . Отъ чего онѣ очень прекрасны? Отъ того, что очень похожи на живыхъ. Никогда не должно усиливашся перемудришъ природу: подражашъ ей въ почности естъ уже верхъ искусства! — Вотъ шупъ оняшъ цѣлое стадо: оно ищетъ прохлады въ знойной полдень:

Спятъ овечкѣ надъ рѣкою,
 Съ ревомъ идетъ шумный волъ,
 И въ заросшей осокою
 Опдыхашъ ложишся долъ....

Чье это лицо блѣдное, по-
 ное, выражающее душу благород-
 ную, чувствительную, но глубо-
 ко злополучіемъ пораженную? Это
Миньяръ, копорой умеръ изб-
 явленный жаломъ зависти. Онъ
 самъ нарисовалъ портретъ свой
 и шайную скорбь души предспа-
 вилъ такъ явно въ чертахъ лица,
 что всякой легко можешъ про-
 чесъ на немъ испорію жизни его.
 — О вы, сильные въ обществахъ лю-
 ди! спрашишесь прищсняшъ да-
 рованіе и не поржеспвуйше мгно-
 венною побѣдою надъ нимъ! Ошъ
 гоненій вашихъ уходишъ оно въ
 вѣчность, а жалобы на васъ при-
 носишъ позднѣйшимъ вѣкамъ. Его
 мспшпель потомство!... Гдѣ дѣ-
 лись вы, прищснявшіе *Тасса*?
 а *Тассъ* и по нынѣ живешъ!...
 Жизнь великихъ писателей и ху-

дожниковъ есть вѣчность, въ которую они переходящъ; но скоро вечерѣетъ день ложной славы временныхъ любимцовъ счастья и ночь забвенія чернѣетъ на могилахъ ихъ *Миньярѣ* имѣлъ особенное дарованіе рисовать все въ уменьшенномъ видѣ. И теперь Французы, ели хошащъ похвалишь мѣлкую, миловидную вещь, то придающъ ей названіе *Миньярѣ*.

Взглянемъ сюда! — Кисть *Рубенса* изобразила сняшіе со креста Іисуса. Рисовка удивительная: кровь такъ и льется. . . Всѣ лица живущъ. — Этошъ рядъ портретовъ кажешся и дышешъ и говоришъ: не мудрено — это Ван-дековы. — Здѣсь *Рубенсовъ Марсъ*, идущій на войну, попираетъ искусства, науки и художества; только Венера, удерживающая его, немного полношбла: общій недоспашокъ всѣхъ его женщинъ. Онъ и богинь рисовалъ *Фламан-*

ками. — Тутъ *Сладъ* изобразилъ *Гудифъ* съ головою *Олоферна*. Эта картина дымишся кровью и пылаешъ мщеніемъ. — Ножъ въ горлъ, кровь брызжетъ... Я вижу убійство... *Святая Агнеса* умираешъ!... *Доминикъ* представилъ смерть ея. — Посмотрише на сраженіе, возгорѣвшееся подъ кистію *Салватера Розы*. Онъ выбралъ самой ненастной день: буря на землѣ и буря подъ небесами... Воды плещутъ на горы, горы прутъ облака, люди пронзаютъ людей... Гремящій споръ стихій и жаркая битва войскъ, сквозь дымъ и пламень, представляешъ большое сраженіе, которое не знаю какъ помѣстилось въ небольшія рамы и виситъ на стѣнѣ!...

Но вотъ благородной *Рафаель*, величественный простотою, какъ *Гомеръ*, и блистательный ошдѣлкою, какъ *Виргилій* въ стихахъ своихъ. *Порицаніе*, съ распаленнымъ завистию окомъ, спѣшитъ

излишь весь ядъ свой на картины его; но пораженное изящнѣйшимъ совершенствомъ оныхъ, съ позоромъ влечешся назадъ, скрежаща и злобясь. — Здѣсь весьма любопышно для всякаго и весьма поучительно для молодыхъ художниковъ видѣшь вмѣстѣ произведенія кисти *Перюженя* и великаго ученика его *Рафаела*. Послѣдній далеко опередилъ перваго!...

Вотъ совершенная красавица! кисть Рафаелова сошворила, или можешъ быть только срисовала ее... Говоряшъ, что это портретъ любимицы сердца его: шѣмъ лучше! Та, кошорая имѣла счастье нравиться человѣку превосходныхъ дарованій, будешъ жишь въ вѣкахъ и очаровывать тысячи поколѣній земныхъ. Можешъ быть Рафаель увиѣлъ ее въ хижинѣ и ввелъ прямо во храмъ безсмертія. Гордя современницы ея, со всѣми почестями, златомъ и сокровищами, шлѣюшъ въ моги-

лахъ незнаемыхъ; а она живешъ!...
 Пешаркова *Лаура* и Тассова *Еле-
 онора* спали такъ же милыми дще-
 рями безсмертія!.....

Вотъ средняя картина между
 красошами земными и небесными.
 Рафаель изобразилъ *святое се-
 мейство*, семейство, въ которомъ
 воспишанъ Спаситель людей. —
 Святая Елисавета хочешъ взятьъ
 у Маріи младенца, прильнув-
 шаго къ дѣвственному лону бо-
 жественной матери. Взоры его
 устремлены на Святую Екашерин-
 ну, которая съ живѣшимъ воспор-
 томъ взираешъ на лице младенца,
 сопавленное, такъ сказаешъ, изб-
 числѣйшаго небеснаго сіянія; ра-
 достъ цвѣшешъ въ прелестной
 улыбкѣ его. — Въ сторонѣ Св.
 Іоаннъ, кажется, пишешъ сіи сло-
 ва: „Сей есть сынъ Предѣчнаго,
 долженствовавшій родиться отъ
 племени Давыдова! Въ печеніи
 многихъ вѣковъ ушѣшались на-
 роды земли тайнственною на-

деждою узрѣшь въ Немѣ искупителя человѣческаго!"

Но вошѣ, гдѣ, говоря словами бессмертнаго лѣвца Фелицы, Рафаель изобразитель Божества, вошѣ гдѣ все земное преображается въ небесное.—Св благоговѣйнымъ восторгомъ взираю на сіе изображение великаго и святаго чуда. Я вижу Спасителя на высотѣ горы; но онѣ уже не человѣкъ! Божество, сокрытое въ немъ, свѣпшился сквозь облаченіе тѣлесное, какъ солнце сквозь густое облако, дерзнувшее заслонить его. Лучи бессмертія проникають покровъ смертности. Уже онѣ рѣдѣють, просвѣпляются, блещуть.... Я вижу, какъ исчезаетъ грубость тѣлесная, вижу какъ заступаетъ мѣсто ея чистѣйшій эфиръ; сынъ Маріи преображается въ свѣтъ немрцаемой! — Тамъ, въ раздранномъ синевѣ небесъ, парящѣ Ілія и Моисей; здѣсь, у подножія горы, Апостолы, просшер-

шые во прахѣ земномѣ, изумлены, восхищены, поражены, ослѣплены сіяніемъ Бога, который, сокрывъ лучезарность свою подъ общимъ покровомъ смершнаго, ходилъ между ними по землѣ для совершенія великаго таинства искупленія! . . . . Но я уже сѣбую на себя, какъ дерзнулъ описывать совершенство неописанное. Цари, любители изящнаго, не пожалѣли бы никакихъ денегъ за картину сію, но ее ставяшъ выше всякой цѣны. — Съ большимъ, однакожъ прискорбіемъ замѣтишъ, что столь неоцѣненная картина не имѣетъ приличнаго мѣста: она здѣсь не въ своемъ свѣтѣ! . . . . Въ Римѣ имѣла она свой храмъ.

Рафаель Санціо, уроженецъ Урбинской, родился въ Великую Пятницу 1483, и въ Великую же Пятницу въ 1520 умеръ, — нѣшъ! оставилъ удивлявшійся ему свѣтѣ: такіе люди, какъ Рафаель, не умирающъ!

ПАЛАТЫ влЮСТИТЕЛЬНОГО СЕНАТА,
или ЛЮКСАМБУРГЪ.

Огромной прехвсопѣ - лѣшній замокъ. Онѣ построены по повелѣнію Маріи Медицисы. Множество колоннѣ и спашуй украшающѣ его снаружи. Лучшій видѣ изѣ саду. — Безпрепятственный входѣ въ Люксамбургѣ дозволяется только иностранцамѣ. „Сюда не ходящѣ!“ сказалѣ привратникѣ. — Да вѣдь мы иностранцы! — „Чѣмѣ докажете?“ — Мы заговорили по Руски; онѣ улыбнулся и пропустилѣ насѣ. — Войдя въ главные ворота, остановились, чшобѣ полюбоваться прекрасною лѣшницею. Она манилѣ къ себѣ. Поворачиваемся въ право, и нечувствительно всходимѣ по ней въ залу *Герцоговѣ* и *Перовѣ*: шакѣ называющѣ ее шеперь. Сія зала засѣданій довольно огромна. Ряды креселѣ для Сенаторовѣ и одно подѣ балдахиномѣ занимаемо

было самими Наполеонами. Здѣсь-
то разсуждали, спорили, шу-
мили о дѣлахъ Франціи! Теперь
все пусто. Это волшебной фонарь
безъ свѣчи: шѣни исчезли. . . .

На стѣнахъ много большихъ
картинъ, тщательно завѣшен-
ныхъ покрывалами. Онѣ предспа-
вляютъ побѣды Наполеоновы. . .
Тутъ, въ первой разѣ отъ роду
увидѣлъ я живопись на сукнѣ:
это новое изобрѣшеніе! — Под-
хожу къ окну, и не хочется опой-
ти отъ него: прекрасной Люк-
самбургской садъ на ровномъ и
плоскомъ пространствѣ, какъ
будто на картинѣ, представляеш-
ся глазамъ моимъ. По обѣимъ
сторонамъ широкой песочной до-
роги разостланы ковры самой
яркой зелени; видъ ихъ длинные
четвероугольники, а края или
рамы составлены изъ цвѣточ-
ныхъ грядъ. Сии свѣжія, зеленыя
площади, окруженныя цвѣтами,
чрезвычайно нравятся глазамъ.

Вдали представляется, какъ свѣтлое зеркало, красивой прудъ. — Говорятъ, что садъ сей былъ прежде угрюмъ; сюда ходили люди задумывашься: шеперь имѣетъ онъ такой веселой видъ, что самой печальной человѣкъ не можеть посмотришь на него безъ особеннаго удовольствія. — Но возвратимся и перейдемъ отсюда въ другую половину дворца. Вотъ опять ша прекрасная, миловидная лѣспница, по кошорой мы взошли. — Остановимся и посмотримъ на сихъ необыкновенныхъ людей, кошорые накликавъ ужасную грозу на опечество свое, долго сражались съ нею, и наконецъ на развалинахъ древняго порядка, на огромныхъ гудахъ тѣлъ, среди кровавыхъ и огненныхъ дождей, пали подъ ударами грома, кошорой уже напрасно старались послѣ опвести. Здѣсь собраны спашуи людей, представлявшихъ первыя лица въ шраге-

діи революціонныхъ ужасовъ. Нѣ-
кошорые изъ нихъ, не учавшвуя
въ домашнихъ кровопролишяхъ,
пріобрѣли истинную славу на
полѣ чесши и побѣдъ. Вошъ одинъ
изъ сихъ мужей, полководецъ
Клеберъ ! Художникъ изобразилъ
его прекрасно : осанишъ , вели-
чавъ , благороденъ ; онъ кажешся
управляешъ еще судьбою браней
въ пущыняхъ Египешскихъ ; воз-
вышенное чело его шребуешъ
вѣнца у безсмершя ! . . . . Вошъ
Дезексъ , пожершвовавшій жизнию
и славою своею въ рѣшишельномъ
Марентскомъ бою. Взоръ сколь-
зишъ мимо Гоша, Дюгамье, Жу-
берша, Кафарели и *Марсо* Серд-
це , гошова полную дань почше-
нія, ищешъ несравненнаго *Моро*,
и не находишъ великаго мужа
сего ! Наполеонъ не удостоилъ
помѣстишъ его здѣсь ; но слава
дѣлв давно помѣстила его въ
шотъ недосыгаемой храмъ без-
смершя , кошораго враша нико-

гда не опкроюся и для самаго *Налолеона*. — На другой споронѣ сходятъ законодатели (*législateurs*) Франціи, во времена величайшаго беззаконія ея. — Вошѣ *Мирабо*: взглянешѣ и вздрогнешѣ! . . . Онѣ предспавленѣ шупѣ въ самомѣ пылу спрасшей. Его взоры молніи; уста его, кажешся, прыщупѣ искрами, копорыя роняясь въ сердца, возжигаютѣ пожары мяшежей. — Тушѣ сходятѣ *Богарне*, *Туретѣ*, *Варнавѣ*, *Шалелье*, *Кондорсетѣ*, копораго называли огнедышущимѣ вулканомѣ покрытымѣ снѣгомѣ (*un volcan couvert de neige*), и наконецѣ *Верньо*, *Депушамѣ* народнаго собранія. Человѣкѣ сей, обладавшій даромѣ изящнѣйшаго краснорѣчія, говоритѣ *Малербѣ*, прилѣпленѣ былѣ сердцемѣ къ истинѣ; но щещено усиливался внушитѣ ея людемѣ, пошерявшимѣ способность понимашѣ сѣященные уставаы ея. Онѣ гнался за прелесными меч-

тами свободы, какъ робенокъ за свѣтлою радугою; очарованіе исчезло, и благородной мечшатель увидѣлъ себя въ вершнѣ низкихъ убійцъ. — Напрасно убѣдительнонѣйшее краснорѣчіе лилось изъ устъ его: уши злодѣевъ залипы были кровью. Несчастной Верньо изъ круга мечшаній перешолъ въ кругъ пресшупленій и погибъ, спасаясь бѣгствомъ. — Здѣсь видишь его исполненнымъ благородства и величавости. Глаза, воздѣшныя къ небу, показываютъ возношеніе духа; одна рука положена на сердце, въ другой развиваешся свистокъ, на кошоромъ начершано краснорѣчивое всшупленіе къ сильной рѣчи его о ясности законовъ. — Пойдемъ далѣе; но не заглядывайше въ эту боковую комнашу: тамъ собираешся купашья прелестная дѣвушка; [прошянувъ сперва прекрасную бѣлую ножку, пробуешъ она глубину ручья. Кажешся видишь, какъ

васильковыя жилки ходящѣ ошѣ движенія персповѣ. . . . Но пощадимѣ невинность : она такѣ скромна, и Жюльенѣ, шворецѣ ея, влилѣ такѣ много жизни вѣ мраморѣ , что кажешся красавица его , увидя насѣ , сгоритѣ ошѣ спыда — уйдемѣ ! . . .

Мы вошли вѣ другую половину замка , гдѣ спѣсны длинной галереи украшены живописною поэмю Рубенса. Да , Рубенсѣ написалѣ кисшю поэмю, иначе не можно назвашь шого собранія каршинѣ вѣ кошорыхѣ живописецѣ сей изобразилѣ всю исторію жизни Маріи Медицисѣ. Жаль шолько , что силою дарованія свѣего обезсмертилѣ онѣ Королеву, не имѣвшю ни по дѣламѣ , ни по уму, ни по сердцу никакого права на безсмертіе.

Но вошѣ шощѣ изѣ Французскихѣ живописцовѣ , кошораго каршины сущѣ каршины самой природы. Ешшли шы умбешѣ

вообразить себѣ страшную бурю на морѣ, по будешь умѣшь предскажишь и то, что такое *Буря Вернетова* въ каршинѣ. Но съ шакимъ же искусствомъ, какъ бури, умѣешь онъ рисовать и пишину. Если бы ты саживалъ на берегахъ Южныхъ морей въ тѣ прекрасные вечера, когда въ воздухѣ разливается неизъяснимая сладость; когда теплое дыханіе весны вливается непонятную нѣгу въ чувства и погружаетъ въ неописанную роскошь сердце; когда роса, приносимая сумерками, мѣшается съ благоуханіемъ цвѣтовъ и травъ; когда опходящій день уводитъ за собою смятенную толпу суешъ; когда умолкаетъ шумъ и слышится только шаинсвенный шопшъ вечернихъ часовъ, когда... Но какъ могу я описать тебѣ все то, что увидишь и почувствуешь, смотря на ветеръ, снятый съ природы и положенный на холстъ Вернетомъ. Гдѣ досталъ онъ такую краску,

чшо могъ изобразить почти сія-
 ніе полной луны, точный сере-
 бряный отблескъ ея на разныхъ
 предметахъ. Какъ искусно слилъ
 онъ всѣ лучи въ одинъ свѣшлый
 столбъ и погрузилъ его въ тихое
 море! — Онъ горитъ и свѣши-
 ея еще шамъ! . . . Какою волшеб-
 ною силою умѣлъ онъ перенести
 съ неба на каршину *алый разливъ*
зари! . . . . А смотрите, какъ на
 Бресшской рейдѣ заходитъ солн-
 це! Оно кажется шамъ, ка-
 жется спруи расшопленного золо-
 ша льюща въ море, и море сіяетъ
 въ глубь и въ ширь! . . . Злапо-ро-
 зовая шбнь ложится на всѣ окрест-
 ности. Лучшіе изъ приморскихъ
 Французскихъ городовъ изображе-
 ны Вернешомъ чудесно! — Пустьъ
 шеперь ополчающа на нихъ спи-
 хіи и время: они не спрашаша
 ни косы времени, ни оспраго зу-
 ба спихій. Ешъли подорвешъ ихъ,
 когда нибудь, ужасная сила сви-
 рѣльныхъ подземныхъ огней, ешъли

попопишъ бурное разлишїе морей; они не исчезнушъ еще для свѣша, и будушъ жишъ въ памяти людей: Вернешъ поставилъ изображенїя ихъ во храмъ безсмершїа! — Такова-шо сила кисти, *Поэзїи и рѣзца!* шакова сила изящныхъ искусствъ!... Она носится надъ бездною разрушенїа, какъ древле духъ Предвѣчнаго носился надъ шемною бездною Хаоса!... Опличительное искусство Вернеша ешъ удивительная вѣрность въ перспективѣ. Опспустите нѣсколь-ко шаговъ отъ каршины, вы увидите возвышенїа на плоской поверхности. Городъ опдѣляется отъ горъ, море отъ береговъ, корабли отъ моря: вошъ искусство рисовки! Лодки, кажется, бѣгаюшъ, и люди движущя: вошъ очарованїе живописи!...

Музеумъ.

Пойдемъ увидѣшъ все шо въ *одномъ мѣстѣ*, для осмошру чего

прежде должно было обвѣздишь всю Италію; пойдѣмъ въ *Музеумъ*, называвшійся Наполеоновымъ. Тамъ-то увидимъ мы то, на что смогрѣли съ любопытствомъ, за долго прежде насъ многія поколѣнія, прошедшія по землѣ. Тамъ подивимся тому, что не преспавало удивлять людей въ теченіи многихъ столѣтій и восхищимся тѣмъ, что восхищало, восхищало и будещъ восхищало всѣхъ любитель изящнаго. — Договоръ *Толентинскій* доставилъ Парижу большую часть рѣдкостей Римскихъ. Униженная Италія уснула Наполеону лучшія драгоценности изъ древняго наслѣдія своего, вмѣстѣ съ драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ сокровищъ — своею свободою. — Воспользуемся случаемъ увидѣшь теперь все чрезвычайное въ одномъ мѣстѣ. Пойдемъ оцѣнь въ Лувру. Вотъ *Музеумъ Наполеонъ*: войдемъ!

Огромное и великолѣпное зданіе сіе раздѣлено на восемь па-

латѣ или залѣ. Описашь ихъ здѣсь
нѣшѣ никакой возможности; по
крайней мѣрѣ назовемъ ихъ: 1)
палата Императоровѣ. 2) Пала-
ша времянѣ года (*salle des saisons*)
пошому *шавѣ* называется, что
на пошолкѣ оной изображены ки-
слию *Романелли* чешыре време-
ни года. 3) Палаша великихъ му-
жей. 4) Палаша Римлянѣ, полу-
чила названіе сіе отъ каршинѣ,
предсавляющихъ разные случаи
изъ Римской исторіи. 5) Палаша
Лаоксона. 6) Палаша Аполлоно-
ва. 7) Палаша Діяннина. 8) Пала-
ша рѣкѣ (*salle des fleuves*) Прои-
дя сей Музеумѣ вдоль и попе-
регѣ, подумаешъ, что совершилъ
пушешесствіе въ ошдаленныя обла-
спи шуманной древности. Тутъ
увидишъ, какъ люди одѣвались,
изъ чего шили, бѣли, на чемъ си-
дѣли и чѣмъ убирали дома свои за
нѣсколько шолѣтій предъ симъ.

Здѣсь не ошомъ спрашивающъ,
что шущъ увидишъ; а развѣ о

шомъ, чего не увидишь!... Тышь увидишь боговъ, богинь, жрецовъ, Императоровъ, мудрецовъ и воиновъ. Тышь невольно благоговѣшь. Куда не посмотришь—или полубогъ, или великой человекъ!.... Они пошь смопрятъ, слушающъ, думающъ; инья даже говорятъ—взорами и чудесно совершеннымъ выраженіемъ лицъ! Вошь, на примѣрѣ, Фаунъ: онъ съ такою умильною улыбкою смотришь на дитя, кошорое качаетъ на рукахъ; въ глазахъ его свѣщися шакъ много жизни, чшо право не захочешъ вѣрнъ, чшобъ онъ не былъ живой! — Я нарочно прикасался ко многимъ одеждамъ, не вѣря, чшобъ онъ были изъ мрамора: шакъ кажущся онъ издали шонки, легки и мягки.— Но поидемъ приобрѣсти шо право, кошорымъ дорожатъ многіе путешественники, право говоришь: „и я видѣлъ Аполлона Бельведерскаго! и я видѣлъ Венеру Медицисъ!“

Вотъ она! вотъ эша Венера
 Медицисъ, которую созерцалъ
 несравненной Винкельманъ, ко-
 торую описалъ Дюлати, и кото-
 рую послѣ нихъ описывашъ я
 уже никогда не посмѣю. Но я спашу
 на нее смопрѣшь и дивисься ей
 вслухъ. — Аѳинянинъ Клеоменъ,
 какъ будто стоялъ въ то вре-
 мя на берегу, когда, по пѣснопѣ-
 нію Гомера ^и ~~и~~ буря, налетѣвъ на мо-
 ря, подвигла, смушила, всхол-
 мила и превршила въ пѣну ки-
 пящую пучину водъ. Онъ видѣлъ,
 какъ пѣнисшыя холмы сошлись,
 слились и по волѣ Боговъ про-
 извели на свѣшъ богиню красо-
 ты!... Смолкли бури, улешѣли
 щучи, радосшь возсіяла на лицѣ
 лазоревыхъ морей и небеса, свѣш-
 лою улыбкою, привѣшшвовали
 Венеру, вступившую на цвѣшущіе
 берега Цишеры. — Тутъ, конечно
 шущъ, увидѣлъ ее сынъ Аполодо-
 ровъ увидѣлъ, посшигъ и по-

казаль міру всѣ совершенства красо-
 сошы въ изваяніи своемъ.— О семъ-
 то Клеоменъ говоришь *Плиній*,
 что Римскіе юноши влюблялись
 въ статуи его.— Неописанное дѣй-
 ствіе имѣешь на чувства красо-
 ша! — Я вижу ее передъ собою. Съ
 какою быспрошою восхищенный
 взоръ пробѣгаешь по углубляясь,
 по возвышаясь, по всѣмъ перели-
~~вающимся~~ выпуклостей
 сего прекраснаго шѣла....
 только что создано; пріятная
 свѣжесть жизни еще цвѣшетъ на
 немъ; еще кровь не кипѣла въ
 бурѣ страстей, еще сердце не-
 увядало отъ грусти. Какая чист-
 ая, рѣдкая, неподражаемая ош-
 дѣлка!... Взоръ съ быспрошою мол-
 ніи взбѣгаетъ съ низу на верхъ,
 спускается съ верху на низъ,
 льется по выпуклостямъ, вьется
 вокругъ членовъ и сосавовъ, ищетъ
 недоспашковъ, и находишь вездѣ
 одно совершенство!.... Сія пре-
 восходная статуя еще въ XVI вѣкѣ

украшала сады Медициссовъ. —
 Жаль, очень жаль, что время,
 случаи и небрежность нанесли
 примѣшной вредъ сему дивному
 произведенію Греческаго рѣзца. —
 Но вошъ шумъ же, недалеко отъ
 сюда, стоялъ и другая Венера,
 Венера Капитолійская. И пра-
 вду скажешь, что ешьли Вене-
 ра Медиційская пѣняешь, какъ
 милая дѣвушка: но эта должна
~~сравниться~~ какъ прелестная
 женщина. Въ той красны раз-
 цвѣщающей, въ этой разцвѣвшей
 розы; та болѣе милостива, а эта,
 я не знаюкъ, но мнѣ кажется
 болѣе прекрасна; въ той нравиш-
 ся свѣжестъ чувствъ, въ этой
 пѣняешь огонь ихъ; та вы-
 шла изъ морей, гдѣ пріяла рож-
 деніе, эта изъ купальни, гдѣ про-
 хлаждала уже распаленное спра-
 сьями пѣло свое — словомъ: та
 прекраснѣйшая изъ богинь, эта
 прелестнѣйшая изъ женщинъ; и
 наконецъ: ешьли та пѣнила

боговъ въ Олимпѣ, по вѣрно
эша побѣдила соперницъ своихъ
богинь на землѣ и получила ябло-
ко изъ руинъ восхищеннаго *Пари-*
са. Превосходенъ и мраморъ *Та-*
розскій, изъ котораго сошворена
Венера сія: онъ числѣ и прозра-
ченъ. Всматриваясь въ шѣло, ка-
жешся видишь, какъ жизнь хо-
дишь по сокровеннымъ пушьямъ
его.— Тѣло эшой Венеры еще все
мокро; у ногъ лежатъ перья
ло, въ которомъ мраморъ — шон-
ной холстъ! — Но она лучше лю-
битъ осушать красы свои спраш-
нымъ дыханіемъ Зефировъ, ко-
торые, навѣвая на нее ароматы
свѣтловъ, нѣжущъ и лобзающъ
полномлечныя выпуклости рос-
кошнаго шѣла ея.— Которая изъ
обоихъ Венеръ лучше? Не знаю!
спросите у знашковыхъ.

Но кто эшой важной, вели-
чественной, прекрасной мущина?
Эшо красавицъ между богами и
богъ между людьми — эшо *Апол-*

лонъ Бельведерскій! . . . Какая мужественная красота въ лицѣ! какое величіе на челѣ! какой размѣръ, какая правильность во всемъ! . . . Онъ только что поразилъ змѣя Тифона, опустошавшаго окрестности Дельфійскія. Еще лукъ шрепеще въ безпрепешной рукѣ его; еще кажется звѣнишь, сошрясаясь, шепива на лукъ семъ. Его десница пустила стрѣлу и съ нею смерть въ чудовище. Какъ осанишь, какъ благороденъ побѣдитель сей! Ловкость, сила и красота видны въ приемахъ, движеніяхъ и осанкѣ его!

Поразитель Тифона, пуская стрѣлу, сдѣлавъ легкое наклоненіе въправо, и всѣ члены, всѣ малѣйшія мускулы, должны сплывующія углубиться или выказаться отъ положенія сего, ясно и живо выпечатались на шѣлѣ Аполлона. Мраморъ въ рукахъ великаго художника былъ — воскъ! —

Еще доселѣ не знають, отколѣ взяты мраморы, изъ котораго изсѣченъ сей Аполлонъ: онъ превосходитъ Паросскаго и всѣхъ въ древности извѣстныхъ. — Готовясь къ нанесенію великаго удара, Аполлонъ махнулъ мощною рукою и бросилъ за рамена *кляжду* свою. Прелестныя выпуклости открылись . . . . Сила шестъ въ жилахъ, вѣчная юность цвѣтешъ на прекрасныхъ мышцахъ его. Величавость, бодрость и красота отличаютъ спашую сію отъ всѣхъ прочихъ. Рѣзецъ, произведшій ее, можетъ быть сравненъ только съ высшею Рафаела. — Сія превосходнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ спашуй около прехъ вѣковъ была украшеніемъ *Бельведера Ватиканскаго* въ Римѣ. . . . Вы остановились, содрогаетесь и чувствуете жалость: цѣлое семейство умираетъ въ глазахъ вашихъ. Всѣ ужасы насильственной смерти, всѣ

муки лютейшей пытки глубоко запечальны въ чертахъ сихъ несчастливцовъ. Въ сихъ мраморныхъ спрадальцахъ, не спрашивая, узнаете *Лаокоона* съ дѣтьми его. *Лаокоонъ*, единый изъ сыновъ злостнаго *Пріама*, долго прошивался хищрымъ намереніямъ Грековъ, желавшихъ ввести въ Трою сооруженнаго ими, на пагубу града, кося. — Онъ даже мешнулъ коніе въ подвигавшуюся *громаду сію*, провидя, что въ обширной пустошѣ чрева ея должны сокрывашься непріятельскіе воины. Но неблагоразумные Трояне сами впустили засаду въ непроходимую средину своихъ стѣнъ; а боги, враждовавшіе Трои, умыслили погубить мужа правды, дерзнувшаго разрушать шайные ковы ихъ. — Въ одинъ день, когда *Лаокоонъ* съ сынами своими увѣнчивалъ лаврами жертвенникъ на брегѣ морей, *Нептунъ* озлобленный высылаешъ изъ бездны

двухъ ужасныхъ змѣевъ. Шипя, изгибаясь, спремяшся они на несчастныхъ. Я вижу и змѣй и спрадальцовъ... Чудовищи охватили ихъ, оплелись, ползущъ и вьюшся вокругъ членовъ ошца и дѣшей. Они сжимающъ, куюшъ, связывающъ всѣхъ троихъ вмѣстѣ, чшобъ выписнуть изъ всѣхъ троихъ духъ. Напрасно сражаешся несчастный ошець! Ошчаяніе вопіешъ въ дрожащихъ устахъ его и неописанная скорбь изображаешся въ воздѣшыхъ къ небу очахъ! Кровавыя слезы ліюшся изъ нихъ! Ни боги, ни люди на помощь нейдущъ!... Лаокоонъ давишъ змѣй; змѣи давяшъ Лаокоона!... Несчастные, погибающіе въ петляхъ, дѣши мльющъ, увядающъ и съ воплемъ выпускающая жизнь, посинѣвъ, умирающъ!... Злополучный ошець ихъ уже не живешъ, а спрадаешъ. Ужасна сила чудовищъ!... Они вяжущъ и давяшъ его...

шрещашь кости; пружушся и
 лопаюшь жилы; кровь брызжешь
 даже изъ-за ногшей! . . . Истом-
 ленная муками жизнь блеснувь
 въ послѣдній разъ въ очахъ, по-
 крышыхъ смершною скорбію, съ
 глубокимъ вздохомъ оплешаешь
 искашь суда на небесахъ. — Въ
 сей несравненной ваятельской кар-
 тинѣ видимъ два гуда: какъ мраморъ
 живешь и умираешь! —
 Аполлонъ Бельведерскій внушаешь
 чувство благоговѣнія, Венера Ме-
 диційская чувство любви; а умирающій
 Лаоконъ чувство ужаса
 и жалости: вошъ сила искусства,
 вошъ вѣнецъ художниковъ! . . . .
 Еслилибъ захошѣли употребить
 вмѣсто рѣзца кисть, по перваго
 досшалось бы рисовашь Рафаелу,
 другую Корреджію, а прешьяго
 Микель - Анджелу. — Но время
 успокоишь волненіе чувствъ при-
 дшнымъ видомъ цвѣшущихъ са-
 довъ. Мы подемъ въ прекрас-
 ной садъ расшѣній (*jardin des*

plantes), въ улицу сего же имени къ набережной Сп. Бернарв.— Я наслаждался пріятнѣйшею прогулкою! . . . На самомъ умѣренномъ пространствѣ видѣлъ я, какъ сказашь, всю природу въ уменьшенномъ размѣрѣ. Всѣ дерева, кустарники и расцвѣтшія чешырехъ часшей свѣща собраны шумѣ; всѣ звѣри Европы, Азіи, Африки и Америки въ неволѣ и на волѣ живутъ шумѣ. Таковъ въ Парижѣ садъ растѣній, называвшійся прежде Королевскимъ садомъ.— Великій Бюффонъ былъ нѣкогда его попечителемъ. Я видѣлъ скромной памятникъ Добонтоа, знаменитаго испытателя природы, сотрудника Бюффонова. Одыхалъ я подѣ длинными вѣтвями густаго и высокаго кедра Ливанскаго и, проходя мимо, заглянулъ въ жилище огромнѣйшаго слона. Я былъ въ долинѣ звѣрей; видѣлъ благородныхъ львовъ, стройныхъ леопардовъ, свирѣ-

пыхъ шигровъ , коварно-люпыхъ
 гienъ ; видѣлъ цѣлое общество
 обезьянъ , цѣлое стадо попугаевъ
 и проч. проч. — Купивъ малень-
 кую книжку, читалъ я описаніе
 всего , что шѣлъ находить. Съ
 такими же книжками ходили по-
 селяне изъ ближайшихъ окрест-
 ностей Парижа : читали , смо-
 трѣли , дивились и научались :
 не похвально ли это? . . . Здѣсь на-
 зываютъ одно мѣсто Швейцарскою
 долиною ; его можно бы назвать
 долиною очаровательною. Тутъ
 множество, изъ разныхъ частей
 свѣта, смирныхъ звѣрей живутъ
 и гуляютъ по волѣ. — Этоиъ
 звѣринецъ совсѣмъ въ новомъ ро-
 дѣ. Каждое животное находить
 въ немъ точно такое убѣжище,
 нору или лого, какой имѣло въ
 мѣстахъ своей родины. Множе-
 ство хижинъ построены по образ-
 цамъ жилищъ разныхъ народовъ,
 и каждая осѣнена деревомъ и
 окружена расшнѣями, приличны-

ми ея спранѣ. Гуляя шущѣ, подумаешь, что переплылъ моря, и спранспвуешь по другимъ частямъ свѣта. — Въ ошдѣлѣ Ботаническаго сада болѣе семи тысячъ растѣній разсажены по родамъ, званіямъ и семействамъ своимъ, слѣдую разпоряженію знаменитаго Жюсье. — Рыбы и птицы, уроженцы ошдаленнѣйшихъ спранѣ, однѣ живущѣ и плодящѣся, другія забавляющѣся плаваньемъ по свѣтлымъ здѣшнимъ прудамъ. Дыша благоуханіями многихъ тысячъ деревьевъ и цвѣтовъ и находя непрестанно новую пищу для любопытства, я гулялъ до позднаго вечера. — Солнце заходило великолѣпно, тишина заснула мѣсто шума. Я слышалъ рыканіе звѣрей Африканскихъ, ревъ Европейскихъ, ошдыхалъ подъ тѣнію деревьевъ Азіатскихъ, и слушалъ вечерніе свисты птицъ Американскихъ, смотря, какъ послѣдніе лучи умираю-

щаго дня сіяли великолѣбно на
 злашпорадужныхъ перьяхъ гуляв-
 шихъ сшадами павлиновъ.— Мнѣ
 казалось, что я спую въ сре-
 допочіи вселенной и слышу общую
 пѣснь шворенія, шихо возносящу-
 юся въ недосыгаемые предѣлы гор-
 ныхъ странъ къ Творцу непо-
 шижимому! . . . .

Музеумъ или собраніе памятни-
 ковъ Французскихъ.

Въ несшройныя времена ужаса
 (tems de la terreur), когда обрыз-
 ганные кровью нечесшивцы съ
 жаднымъ окомъ и несышымъ
 сердцемъ рыскали по предѣламъ
 мяшущейся Франціи, свяшошаш-
 швуя въ храмахъ и даже самыя
 прахи усопшихъ въ могилахъ
 оскорбляя, въ одномъ, изъ неболь-
 шаго числа благомыслящихъ лю-
 дей, родилась благая мысль спа-
 сти отъ разрушенія священныя
 памяшники временъ: Г. Лену-
 аръ шщашельно собралъ всѣ вы-

рышые изв земли ; сняшые св
могилъ , испоргнушые изв цер-
квей и по монашпырямъ найден-
ные памяшники надгробные. По-
мѣспя оные вв одномъ Музеумѣ
по лѣшочислишельному порядку,
св раздѣленіемъ на столѣтія, онѣ
предспавилъ единшвенную вв
свѣтѣ цѣпъ Историческихъ напо-
минаній, безцѣнныхъ для Францу-
за и любопышныхъ для всякаго
любишеля Ишпориі. — Вв передней
палашѣ помѣщены памяшники
многихъ временъ вмѣстѣ. Тутъ
св любопышсшвомъ разсмашрива-
ешъ олшари, посвященные древ-
нѣйшими обишашелями Франціи
божешвамъ Гальскимъ ; шушъ
видишъ гробъ Фредегонды , ви-
дишъ гробы Кардиналовъ Ри-
шелье и Мазарина и гробъ Фран-
циска I. Далѣе , переходя изв
сполѣшія вв сполѣшіе , видишъ
ясно, какъ ишкусшва раждались ,
спарѣлись, умирали и вновь воз-
раждались ошашь ; шушъ видишъ

разныя историческія лица въ мраморѣ, и каждое въ своемъ собственномъ видѣ, въ своей одеждѣ и со всѣми приличіями своего времени. Я означу только мимоходомъ число и расположеніе палатъ по сполѣшіямъ, и назову заключающіеся въ нихъ памятники. Первая, (послѣ безвѣстной передней палаты), — есть палата XIII вѣка. Въ ней собраны гробы: Кловиса I, Св: Лудовика, Кловиса II и Гуга-Напеша. Въ палатѣ XIV вѣка между прочими ошличаются спашуи Конешабля Дюгесклена и Карла V. Въ палатѣ XV вѣка гробъ Лудовика XII, спашуя Лудовика Орлеанскаго и проч. проч. Въ палатѣ XVI вѣка спашуя Франциска I, изваянная Іоанномъ Гужономъ, и спашуя Генриха IV. Услышавъ, что въ ней очень много сходства съ подлинникомъ, я съ почтительнымъ вниманіемъ разсматривалъ черты сего добраго государя и великодушнаго ге-

роя! Представьте, что Генрихъ ходилъ въ бородѣ, и она не мѣшала ему быть умнымъ и любезнымъ... Опъ чегожъ предковъ нашихъ называющъ варварами именно за то, что они ходили въ бородахъ?

Въ сей же палатѣ хранился рѣдкое художественное произведеніе *вѣка ея*, живопись на стеклѣ. Искусство рисовать на стеклѣ почти пошерьно. На стеклахъ, которыя мы видели здѣсь, изображена вся исторія *Душеньки*. Тутъ же портреты Мароша, остроумнаго Рабле, великодушнаго Колиньи, славнаго добродѣтелями и умомъ Канцлера Гопишала и проч. и проч.

Въ *палатѣ XVII вѣка*: статуя Колберша; портреты: Сюлли, Пуссеня, Декарта, Корнеля, Паскаля, Лафонтена, Ламуаньона, краснорѣчиваго Боссюета и прочихъ знаменитыхъ мужей, прославившихъ дарованіями

своими вѣкѣ Лудовика XIV. Наконецъ въ палатѣ XVIII вѣка видишь: Машемашика Мопершюи, Трагика Кребилыона, Руссо, Монпескю, Фоншелля, Бюффона и проч. и проч. Сердце любящее опечесшво, почтешъ безцѣннымъ сіе единственное собраніе достопамятностей опечесшвенныхъ: шущъ все ему родное, все знакомое по древнимъ повѣстямъ славы и разсказамъ Исторіи; шущъ можно поспигашъ духъ прошекшихъ временъ и научашъся добродѣтелямъ ихъ. — Таковое заведеніе достойно подражанія. — Особое вниманіе наше привлекли на себя Пилоновы Граціи. Ваяшеля Пилона называли Французскимъ Корреджіемъ. Эшо въ самомъ дѣлѣ Граціи: шакъ оспройны, милы и прелесны! . . . Удивительно шонка и легка одежда, небрежно наброшенная на нихъ: кажешъ повѣшъ вѣшеровъ и унесешъ ее! . . . . Эшошъ же Пилонъ

видно подсмотрѣвъ, какъ спала прекрасная и преехидная *Медисъ*: онъ изобразилъ ее спящею. Любуешься красошою полного, шамъ и шамъ ошкрышаго нѣжнаго пѣла и боишься, чшобѣ не разбудишь вспыльчивой красавицы - царицы. Спрройность ногѣ, кошорья она любила выказывать, удивительна! . . . Вотѣ другая испинно знаменишая женщина, дѣвспвенница *Орлеанская* (Jane d'Arc): какъ мила! . . . Вмѣстѣ съ шлемомъ, оперенномъ ужасомъ, она, кажешся, сняла шомъ грозный видѣ, кошорымъ приводила въ шрепешѣ враговѣ. Но дѣвспвенныя перси еще покрышы панцыремъ: розы дышашѣ подѣ желѣзомъ! . . . Не видно гордосши героини, но вся любезность молодой дѣвицы блеспитѣ въ прелесныхѣ чертахѣ лица ея. Превосходный рѣзецѣ художника весьма удачно поселилѣ миловидность въ мраморѣ и засшавилѣ героиню

красавицу въ самую умильною улыбною привѣтствовашь всѣхъ приносящихъ ей дань почтенія. Одно перо Вольшера, оскорблявшее часно свяшину и добродѣшель, могло въ звучныхъ стихахъ развращной поэмы осмѣивашь ту, которая спасла ошечешво! . . . Я поклонился милому Лафоншену. Добродушіе во всѣхъ черсахъ, орлиный носъ и очень умные глаза: вошъ его лицо! . . . Другой человекъ болѣе важной, съ выразишельнымъ лицомъ, но шакже безпеченъ, нерадивъ, сидишъ въ большихъ креслахъ и ни о чемъ не забошась, пересмаприваетшъ шрагедіи свои — это *Корнель!* — Нѣкоторыя памяшники расположены во внушреннемъ саду. Тамъ опличается опъ прочихъ гробъ *Лузиньяна*, Короля Иерусалимскаго, и надгробный камень чувспвишельной и нещасшной Елоизы. Но другой садъ наружной называется Елисейскою

долиною. Тамъ собраны гробы мно-
 гихъ знаменитѣйшихъ во Фран-
 ціи людей. Прохожу мимо памят-
 никовъ Монморанси, Конде, Мас-
 сильона, Мольера и проч. и оста-
 навливаюсь надъ гробомъ, на ко-
 шорой нѣсколько деревъ прекло-
 нили зеленая вѣтви свои. Тутъ,
 въ неразлучныхъ супружескихъ
 объятіяхъ, почиваетъ сномъ без-
 мяшежнымъ упомянутая бурями
 жизни чета. Кому неизвѣстны
 имена Абелярда и Елоизы: я ви-
 жу общую гробницу ихъ шувъ.
 Уединенный посѣщитель сихъ
 мѣстъ, въ спокойные часы утра,
 когда спраши и суешь спящъ
 и Парижъ безмолвствуетъ, поль-
 зуясь тишиною утренняя сум-
 мерковъ, между погасаніемъ зари
 и восходомъ солнца, когда боре-
 ніе свѣта со тьмою питаетъ
 мечты воображенія, кажешся, ви-
 дитъ несчастную Елоизу бродя-
 щую среди гробовъ, и вслуши-
 ваешся въ стоны спрашнаго и

вмѣстѣ злополучнаго сердца ея.
 „Дражайшій Абельярдъ! восклицаетъ она, узри сменяющую Ело-
 „изу . . . она шепещетъ, блужда-
 „дая среди гробовъ . . . . Блѣдный
 свѣтъ угасающихъ свѣщильни-
 „ковъ усугубляетъ ужасъ ея . . .
 Тамъ, изъ нѣдръ священной мо-
 „гилы, мнѣ кажется, исходишь
 нѣкій унылый, таинственный
 „гласъ: „Приблизься, вѣщаетъ онъ
 мнѣ, дочь злополучія, гонимая ро-
 „комъ! . . . Могила моя свѣжа и
 „проспранна: приди опочить со
 „мною вѣчнымъ сномъ. И я, по-
 „подобно тебѣ, была жертвою
 „любви, и я спрадала, молилась
 „и проливала токи слезъ: шеперь,
 „за гробовой доскою, я возроди-
 „лась къ блаженству невообра-
 „зимому! . . . Вѣчное спокойствіе
 „обитаешь въ могилѣ; шумъ міра
 „замираетъ; вопль и рыданія
 „смертныхъ не поражаютъ болѣе
 „слуха усопшихъ. Здѣсь всѣ спра-
 „сти нѣмѣютъ: любовь безсиль-

„на и суевѣріе безгласно. Здѣсь
 „не челоуѣки коварные, но самъ
 „Богъ милосердія судишь слабо-
 „спи наши!“ . . . . Такъ, я внем-
 лю гласу швоему, шѣнь блажен-
 ная! . . . Я спѣшу соединишься
 съ тобою. Угошовъше крины рай-
 скіе, пальмы неувядаемыя! Ско-
 ро, скоро шруженица земная
 вступишь въ шѣ спраны блажен-
 ныя, гдѣ все, и даже самый огонь,
 воспламеняющій Серафимовъ, очи-
 щаясь, усугубляешь пареніе свое
 въ горняя. Тамъ грѣшникъ, омы-
 шый раскаяніемъ, сопричащаешь
 лику чистѣйшихъ духовъ. Абель-
 ярдъ, единшвенный другъ мой
 на сей мяшейной земаѣ! шы не
 шпречешься ошдашь мнѣ послѣд-
 ній печальный долгъ!“ — Такъ,
 въ семъ мѣстѣ пресыщенное лю-
 бопышство невольнo уступаешь
 мѣсто унынію сердечному; не-
 вольнo пробуждаются шысячи
 размышленій о жизни, смерти и
 скорошечности счаешія земна-

го! . . . Унылыя размышленія сіи
нигдѣ шакѣ не полезны, какѣ
въ Парижѣ; онѣ оспанавливають
сердце, несомое вихремъ спра-
шей въ разверстыя бездны за-
блужденій и развраша.

П а н т е о н ъ.

Лудовикѣ XV, во время шяжкой
болѣзни своей въ городѣ Мецѣ,
положилъ обѣщъ соорудитъ новый
храмъ Св. Женевьевѣ, издревле
почишаемой покровишельницею
города Парижа. — Получа облег-
ченіе отъ болѣзни, и слѣдуя бла-
гочесшивому намѣренію своему,
Государь сей поспѣшалъ зачаті-
емъ храма и въ 1764 году положилъ
первой камень на основаніе онаго.
Чершежъ Г. Суфло предпочтенъ
множешву другихъ: онъ отличил-
ся смѣлостію размѣра и красою
вида. Видъ сего храма крестообраз-
ной. Длина его 340, ширина 250
фушъ. Двадцать два прекрасныхъ
Коринфскихъ столпа, каждый въ 38

фушовъ высокою, поддерживающъ
 огромной *треугольникъ* (фрон-
 шонъ), украшающій величествен-
 ное чело храма сего. Здѣсь-то
благодетіе готовилось начер-
 шать слова: „храмъ Святыя Же-
 невьевы и проч.“ — Но наспав-
 шій великой *переворотъ* (*рево-
 люція*) превратилъ и сей храмъ
 въ *Пантеонъ*. Теперь чита-
 ютъ на немъ надпись: „бла-
 годарное общество великимъ
 мужамъ!“ — Народное Собраніе,
 повелѣвъ начертать сіи слова,
 предназначило великолѣпнѣйшее
 зданіе сіе ко вмѣщенію смерт-
 ныхъ оспашковъ людей, обезсмер-
 тившихъ себя на поприщѣ войны,
 мира и наукъ. — Высота храма
 отъ полу до верхней почки купо-
 ла 282 фуша: — высота ужасная!...
 Внутренность обширна; но жаль,
 что она наполнена, такъ ска-
 зать, *рощею столповъ*. Причиною
 сему прибавка новыхъ къ ста-
 рымъ. Прегній художникъ св

удивительною смѣлостію увѣнчалъ храмъ чудеснымъ куполомъ. — Онъ изумилъ всѣхъ дерзостію и блескомъ своего искусства, которому не умѣлъ однакожь придашь прочности. Сильное давленіе верхней тяжести грозило обратишь въ развалины храмъ, на которой испрашили уже 25,000,000 франковъ; но Ронделе подперъ шягошьющій куполъ новыми столпами и обезпечилъ цѣлостъ зданія. — Оно ожидаетъ еще послѣдней опдѣлки и полное право имѣетъ требовать блестящихъ украшеній живописи и позолоты, дивя и поражая всѣхъ величественными красотою, которыми съ избыткомъ надѣлило его зодчество. — Мы взошли на самой верхъ Пантеона и увидѣли весь Парижъ какъ на ладонѣ! — Какъ думаешь предсѣвлялся онъ намъ? — въ видѣ великолѣпныхъ развалинъ! . . . Да, многое множество слянныхъ вмѣстѣ

полашб, домовб и хижинб, пред-
 славляясь вб видб шуманно-пас-
 мурнаго пространства, не имбешб
 совсбмб шой красивой поверхно-
 сти, шой пестроты цвбшювб,
 копорюю блестяшб почти всб
 города Европы, когда сморшшб
 на нихб сб вышины. — Кажешся,
 что, когда нибудь, страшныя
 шучи пыли обрушились на Па-
 рижб и густо покрыли его сб-
 рымб прахомб. Зрбнне со всбхб
 сторонб обнимаешб простран-
 ство города и не теряешся вб
 немб. Пасмурновидной Парижб
 имбешб меньше пространства
 и несравненно меньше блеску,
 чбмб бблокаменная Москва на-
 ша, пространноразширенная по
 холмистымб полямб и ярко
 сиющая златоглавымб Кремлемб
 своимб. — Мы сошли прежде сб
 верху на землю, а потомб спу-
 снулись вб низб и подб землю.
 Тамб, вб нарочно усшроенныхб
 пещерахб, помбщены прахи цер-

выхъ чиновниковъ государства и
 знаменитѣйшихъ сыновъ его. —
 Мы прошли мимо гробовъ Гер-
 цоговъ, Кардиналовъ, Министро-
 ровъ и остановились при гробѣ
Russo. „*Ici repose l'homme de la*
nature et de la verité!“ здѣсь
 почиваетъ другъ истины и при-
 роды!“ говоритъ каждому гробу
 въ начерпанной на немъ надпи-
 си. Кажется, скромный гробъ сей
 тордится шѣмъ, что вмѣщаетъ
 въ себѣ. Вы читаете въ другомъ
 мѣстѣ: *hic jacent ossa J. J. Rous-*
seau! здѣсь покоятся кости Ж.
 Ж. Руссо. — На одной сторонѣ
 изображены дѣши, играющія во-
 кругъ машери своей, чашающей
 Руссова Эмиля. Хотите узнать
 цѣль жизни покойника? — проч-
 тите вверху надпись: *Vitam*
impendere vero! Жизнь для исти-
 ны. — Такъ, онъ жилъ для
 истины, сей нѣжный сынъ и
 другъ природы! Онъ могъ заблуж-
 даться, но могъ ли онъ быть

злodeмь! Враги общаго блага напрасно сшарались извлекашь изъ швореній его правила для оправданія незаконныхъ поступковъ своихъ: добродѣшельный мудрецъ Женевскій никогда не могъ бышь вождемъ изверговъ! — Онъ ясно говоришь, что и самый лучший переворотъ въ порядкѣ вещей не долженъ бышь производимъ въ дѣйствіе, ешьли онъ будешъ стоишь хошь одной капли крови. — Добрый Руесо искалъ только независимости отъ прихошей, предразсудковъ и сшрашей людскихъ. Онъ жилъ для истины и былъ сшрадальцемъ ея. Люди не могли не пѣннаться его швореніями; но изливали ядъ свой на Творца. Долго скишался онъ по землѣ, не находя уголка, гдѣ бы успокоишь разшерзанное грушю сердце свое! . . . Теперь сама земля упокоила его; но человекъ мудрый изъ-за предѣловъ могилы проливаешъ еще свѣшь

испінны вв мірв сей. Мысль сія прекрасно выражена здѣсь: проспершая изв гроба рука держишв свѣщильникв. — Однако мы ужв слишкомв ушомили глаза, вниманіе и ноги свои; посидимв дома и вв минушы опдыха поговоримв о Парижв св корошкими знакомцами его.

РАЗНЫЯ МЪЛОЧНЫЯ ЗАМЪЧАНІЯ О ПАРИЖЪ.

Французскіе Историки не знаютв, св кошораго времени опредѣлишв основаніе Парижа: оно шеряется во мракв сполѣшій. Извѣстно шолько, что лѣшв за спо до Рождества Христова, Парижв едва ли могв назвашься *слободою*. Нѣсколькв Галльскихв семействв жили вв бѣдныхв хижинахв, на ошрову, что нынѣ *Ласите* (la cité); мрачные сполѣшніе лѣса ушонали вв пространныхв болошахв; печальные крики пущынныхв пшицв и воющіа

спада дикихъ звѣрей наполняли
 шѣ самыя мѣста, гдѣ роскошь
 являюща нынѣ въ полномъ бле-
 скѣ, гдѣ великолѣпнѣйшіе чер-
 тоги, замки и дворцы гордо
 несутся въ облакамъ, и гдѣ цѣ-
 лый милліонъ народа шумитъ и
 кружится на спогнахъ и площа-
 дяхъ необозримаго града! . . . Древ-
 ніе Галлы называли городокъ свой
Лутецію: это значитъ въ нарѣ-
 чіи *Цельшовъ*: жилище среди водъ.
 За полвѣка до Рождества Хри-
 стова Римляне покорили Галлію,
 и Юлій Кесарь сзывалъ шарѣй-
 шинъ разныхъ племенъ Галльскихъ
 въ Парижъ. — Какое разстояніе
 между собраніемъ шѣхъ вождей
 различныхъ колѣнъ и собраніемъ
тиновъ, собраніемъ *Нотаблей* и
 послѣднимъ *Собраніемъ Народ-
 нымъ*! . . . Видно, что Французы
 издавна любили сбираться и тол-
 ковать. Въ разные времена бы-
 вали у нихъ еще народныя собра-
 нія, извѣстныя подъ именемъ

Майскаго поля, (*champ de May*). Послѣ Рождества Христова *Лутеція* наименовалась *Парижемъ*, Городакъ превращался въ городъ и занималъ уже 113 квадрашныхъ десятинъ земли. Тогда *Сена* называлась еще *Секваною*, а *Марна* *Матроною*. На древней высотѣ *Монмартра* возвышался храмъ *Марсу*; Парижъ поклонялся идоламъ до половины III вѣка; Свяшій *Діонисій* былъ первымъ учителемъ Христіянства въ сѣбнахъ его.

Въ десятомъ вѣкѣ, когда Славяне имѣли уже *Олега* и *Ольгу*, удивлявшихъ умомъ своимъ самыхъ просвѣщенныхъ Грековъ, невѣжеству во Франціи, по собственному признанію ихъ *Историковъ*, было шанъ велико, что *Короли* и *Вельможи* ихъ едва умѣли подписать имена свои.

Нынѣ Парижъ раздѣляется на двенадцать округовъ (*arrondissement*), а каждой округъ на четыре

части. Рѣка Сена, въ кошорую впадають Обб, Марна, Йона и Уазъ, поитъ, кормитъ и ошациваетъ Парижъ. Въ Парижѣ улицъ 1062, глухихъ переулковъ 117, набережныхъ 28, мостовъ 16, бульваровъ 18, заставъ 56, домовъ безъ малаго 30,000.

Парижъ свѣдаетъ (въ годъ) 206 милліоновъ фуншовъ хлѣба, 21,000 мѣръ овса, 8,500 ячменю, 75,000 воловъ, 15,000 коровъ, 10,000 шеляшъ, 220,000 барановъ, 550,000 свиней, 100,000 ценшнеровъ рыбъ морскихъ и на 1,300,000 рыбъ рѣчныхъ.

Парижъ выпиваетъ (въ годъ) 6,000 бочекъ яблонику, 30,000 мѣръ (muids) пива, на 33 милліона франковъ вина и на 3 милліона водки.— Изъ эшаго исчисленія видно, что Столица Французская любитъ поѣсть и выпить!...

Всякой иностранецъ, и вѣрно также всякой Парижанинъ, поблагодаритъ здѣшнюю Поли-

цію за то, что она, вступя въ посредство между извозчиками и шѣми, кошорымъ необходимо ихъ нанимашь, успановила постоянную плашу за ѣзду и обнародовала оную. *Кариолку* и *фіякръ* или *карету* можно нанимашь почасно, поденно и на одинъ конецъ (*une course*). Пробъхашь 20 улицъ, не выходя изъ экипажа, значить *конецъ*, и переѣхашь только черезъ улицу и выдши значить по же *конецъ*: за оный плашишь ѣдущимъ въ каретѣ 1 фр. 30 коп.—Нанимающій *логасно* плашишь за первый часъ 2 фр. а за послѣдующіе за каждой по 1 фр. Плаша за двумѣспшныя колясочки гораздо умѣреннѣе. — Мы воспользуемся нераззорительною здѣшнейю ѣздою и поспѣшимъ обѣѣздишь тамъ, гдѣ не успѣли обходишь. Еще много любопытнаго для насъ осматривается въ Парижѣ: постараемся увидѣшь, что успѣемъ!...

Но прежде, нежели приступлю

къ другимъ описаніямъ Парижа, позволь мнѣ, любезный другъ, перевести и сей же часъ къ тебѣ послашь любопытную статью о взятіи города сего, писанную однимъ почтеннымъ Парижаниномъ. Вошъ она (*).

ВЗЯТІЕ ПАРИЖА.

Есть слова, (говоритъ Фоншенель), кошорыя *воютъ* отъ ужаса и удивленія (*qui hurlent de dépit*), когда ихъ сблизуишь вмѣстѣ. Таковы-шо и сіи непонятною судьбою сблизенныя два слова: *взятіе Парижа!* Какъ, почему и къмъ взята Сполица сія? Да развѣ знаменишой Моншескю не сдѣлалъ замѣчанія, что мѣстное положеніе Парижа есть самое вы-

---

(*) Сію статью надлежало бы помѣстить въ концѣ седьмой части, но въ книгѣ, составляемой въ безпорядкѣ обстоятельствъ, часто не соблюдаемъ порядка по неволѣ.

годное для собственности его и цѣ-
 лой Франціи безопасности? Развѣ
 у насъ не было съ одной стороны
 моря, съ другой высокихъ горъ, а
 съ третьей двухъ грозныхъ ря-
 довъ неприступныхъ крѣпостей
 для защиты столичнаго города
 нашего? — Развѣ не было у насъ
 храбрыхъ, многочисленныхъ ле-
 гионовъ, чшобъ опстояшь его
 грудью? Кшожъ могъ преодо-
 лѣшь всѣ сіи препоны и достиг-
 нушь до стѣнъ Столицы, какой
 изъ народовъ Европы? — Цѣлая
 Европа! — Какаяжъ была причина
 столь неожиданнаго событія? —
 Честолюбіе одного человека. Лю-
 бовъ къ ошечеству, усилясь до
 шпелени страха въ сердцѣ мо-
 емъ, заставляешъ меня и на краю
 могилы (*) принимать живѣйшее
 участіе во всѣхъ его несчастіяхъ,
 надеждахъ и превращенствяхъ. Ча-

(*) Французъ, сочинитель шпелни сей,
 умеръ вскорѣ по изданіи оной.

сто обозрѣвалъ я въ умѣ всѣ бѣд-
 швія, могущія постигнуть Сто-
 лицу Франціи; но никогда не
 смѣлъ вообразить, чшобы она
 пала подъ оружіемъ чуждыхъ
 войскъ. Въ печеніи XIII вѣковъ
 слыла она непокоримою. Разумѣеш-
 ся, чшо я не счишаю покореніемъ
 нечаяннаго заняшя Париза при
 Карлѣ VII. Одни крамолы при-
 звали и ввели, а глупость Короля
 и измѣна поддержали тогда Агли-
 чанъ. Въ наше время не шрудно
 было предвидѣшь, чшо Франція,
 выхлынувшая изъ предѣловъ сво-
 ихъ и, подобно великому разли-
 ву водъ, попопившая Европу;
 Франція, изнуренная спрашными
 налогами, безчисленными поже-
 ршвованіями, изнемогающая подъ
 тяжкою ношею окровавленныхъ
 лавровъ, должна была ожидать
 всеминушно великаго удара судь-
 бы! Вся Европа возсшала на при-
 шѣсшителя. Соединенныя арміи
 ея, ища мира, пришли войною

на берега Сены. Въ 15 мѣсяцовъ совершились событія, копорыхъ, по обыкновенному ходу дѣлъ, довольно было и на 15 лѣтъ! Изъ всѣхъ зрѣлищъ, копорыя были когда нибудь показываны Французамъ, (ибо у нихъ все сдѣлалось театральнымъ зрѣлищемъ), любопытнѣйшее и вмѣстѣ ужаснѣйшее было конечно зрѣлище великой бѣдѣ, долженствовавшей рѣшить судьбу Франціи. Прошли столѣтія, и Парижъ не слышалъ грома войны. Звукъ оружія раздавался только на площадяхъ учебныхъ и жены Парижанъ, подобно женамъ Спаршанскимъ, смѣло могли сказать: „мы ни, когда не видали, какъ пылающіе, „огни непріятельскіе на бранныхъ поляхъ!“ — Буря шумѣла надъ Парижемъ, а Парижане дремали! . . . Коварное правитель-ство играло довѣренностію народа, забавляя его обманами. Уже непріятель гремѣлъ при Мон-

маршрутъ, а Бюллепони все еще, по старой привычкѣ, шрубилн о побѣдахъ! 28 Только Марша, (по новому счисленію), открылись глаза Парижанъ и все прояснилось! Поразишельныя явленія предспавились на булевахъ. Прелесшныя гулянья сіи, гдѣ привыкли видѣшь ряды богашыхъ карешъ и шолпы блестящихъ всѣми украшеніями роскоши женщинъ, въ сіи ужасныя минушы наполнены и покрышы были ранеными солдашами и шолпами опчаяныхъ поселянъ, со спономъ бѣжавшихъ отъ пылающихъ хижинъ своихъ Тамъ семейшва, лишенныя жилищъ, мѣспились въ проешыхъ шелегахъ; шущъ нѣсколькo кулей соломы или связокъ сѣна служили постелью обременнымъ усшалосшію. Многіе поселяне, бѣжавшіе на ослахъ, гнали передъ собою овецъ и коровъ. Любопышшво гражданъ было неописанно. Ихъ сосшраданіе къ пришельцамъ

дѣлаешь также имъ честь.

Въ полдень картина совершенно переѣнилась: все, что было поражениемъ сердецъ, стало забавою глазъ; булевары наполнились опять гуляющими; безпечность взяла по прежнему верхъ надъ всѣми безпокойными ощущеніями, довѣренность возвратилась и народъ легкомысленной успокоился. Хошя и появлялись еще шолпы обезоруженныхъ бѣглецовъ, распуганныхъ громомъ войны поселянъ и раненыхъ солдатъ; но свѣжія войска спройно вышупали изъ города на бой, и городъ былъ покоенъ. Народъ не шолько не пугался болѣе прежнихъ явленій; но съ удовольствіемъ шолпился еще, какъ обыкновенно, вокругъ гаеровъ, шарлашановъ и фокусниковъ. И люди, сѣшовавшие за часъ предъ шѣмъ о судьбѣ своего опечесства, съ непришворнымъ восхищеніемъ любовались жукольнымъ шеашромъ! —

/ Такіе же спрахи, какъ вчера, взволновали было умы на другой день; но шѣми же средшвами, какъ и наканунѣ, успокоены были. Пошомшво конечно не захочешъ повѣришь, чшобъ цѣлая споллица не прежде могла узнать о приближеніи 200,000 арміи непріятельской, какъ послышавъ громъ пушекъ у ворошъ и громъ барабановъ на всѣхъ улицахъ своихъ!... Въ минушы близкой опасности смяшеніе сдѣлалось опяшь общимъ. Многолюднѣйшая изъ споллицъ Европейскихъ содрогнулась и возспенала. Ужасъ оковалъ миллионъ сердецъ! Безпрерывный барабанный бой призывалъ народную гвардію къ зашщѣ города, кошорой обороняшь невозможно и не должно было. — Вездѣ раздавался плачь женъ и дѣшей при распаваніи съ супругами и ошцами, лешѣвшими на бой. Слѣдуя закоренелой привычкѣ обольщашъ и обманывашъ народъ, пра-

сительство разгласило накануне, что къ сѣнамъ Парижа подходила какая-то ошбившаяся отъ арміи колонна (une colonne égarée), копорую Парижане могли испребишь въ одинъ мигъ; но слѣдующій день обнаружилъ ложь. Съ высоты Монмартра увидѣли приближеніе 200,000! Союзники вели пѣхоту свою по всѣмъ дорогамъ во множествѣ; многочисленная конница ихъ покрывала всѣ поля; 600 пушекъ гремѣли на холмахъ! 12 Часовъ продолжался бой. Но когда уже все, кромѣ чести, потеряно было; когда Король (Иосифъ) бѣжалъ, сокровища увезли; когда побѣдоносныя арміи союзниковъ, какъ темныя тучи, шли прямо на Парижъ; когда всѣ сердца цѣпенѣли подъ шумомъ военной грозы, и всѣ ожидали паденія громовъ и гибели народа — вдругъ, какая-то непостижимая сила остановила союзниковъ у самыхъ воротъ Споли-

цы! Воины великодушные послѣ
 столь дальнихъ походовъ, столь
 тяжкихъ трудовъ и столь кро-
 вопролитныхъ битвъ достигли
 наконецъ столь вожделенной цѣли,
 и, о верхъ благородства и чести!
 они не употребили во зло побѣды
 своей. Великіе Государи, управ-
 лявшіе сердцами войскъ, пеклись
 о цѣлости Столицы Французской,
 какъ будто о родномъ своемъ го-
 родѣ. Примѣръ великодушія, не-
 слыханный до нашихъ временъ!
 Исторія изумитъ потомство,
 предъставляя великое событіе сіе
 въ настоящемъ видѣ его.— Ночь
 30 Марша, (по новѣйшему счи-
 сленію) долженствовала бытъ
 свидѣтельницаю великихъ пожа-
 ровъ, безчисленныхъ убійствъ и
 страшнаго разлишя крови, со-
 дѣлалась, напрошивъ, свидѣтель-
 ницею шоржества, единствен-
 наго въ лѣтописяхъ міра—шорже-
 ства великодушія надъ мщеніемъ,
 добродѣтели надъ порокомъ!

Сія ночь! прекрашила п'ятнадцатилѣтнее рабство и возстановила древній порядокъ вещей. Споль великія событія въ споль малое время совершены, что все производившее казалось сполько обольщительнымъ сномъ.

30 Марша Франція была еще подъ ярмомъ и въ шомическихъ мукахъ ожиданія; 31 свободна и въ торжествѣ! . . . Съ первымъ лучемъ солнца неописанное чувство радости, чувство неожиданнаго счастья пробудило весь Парижъ. Большая половина жителей выхлынула изъ домовъ, и площади, бульвары и улицы закипѣли народомъ; всѣ окны наполнились зрительями. Такова была встрѣча въ благодарномъ городѣ, благороднымъ воинамъ, которые сочешавъ лавры съ оливами, приобрѣли сугубую славу побѣдителей и мирошворцовъ. Появленіе ополченій, притекшихъ съ береговъ Волги, Шпреи и Ду-

ная, на первыхъ парахъ изумило Парижанъ и извлекло было слезы изъ очей спраспныхъ любительей опечесства; но неимовѣрное великодушіе сихъ пишомцевъ опдаленнѣйшихъ спранъ успокоило совершенно волненіе сердецъ и умовъ. Жипели не находили словъ къ извѣвленію благодарности своимъ пощадителямъ и гошovy были богошворишь великаго Монарха Сѣвера.

Инвалидной домъ (въ Парижъ).

Чишалъ ли ты описаніе *Валкала* въ *Сѣверной Эддѣ*? — Еспь ли чишалъ, шо припомнишь конечно шѣ прекрасныя награды, кошорыя сплешашели Сѣверныхъ баснословіи сулили героямъ своимъ въ будущей жизни. — Безпрерывныя войны гремѣли по лѣсамъ и пусшынямъ древняго Сѣвера. Званіе военнаго челошвка уважаемо было всѣми. Люди, въ кошорыхъ семейшвенная жизнь

и мирныя занятія умягчили решивость сердець и ушолили пламенную жажду въ брани, не могли безъ живѣйшаго участія сердечнаго смотрѣшь на пляжкіе пруды и мужеспвенную смершь великодушныхъ блюспишелей ихъ спокойшвія, выгодъ и правъ. Ошъ сего родились понятія ушѣшительныя для воиновъ. Служисшли олшарей освяшили, а спихошворцы украсили ихъ всѣми пѣшшами воображенія своего. Тогда върили, что богини (*Валки*), цѣвшущія красошою и младоспшою, невидимо слешали на поля брани, и принимающыя въ нѣжныя обѣщанія души храбрыхъ уносили въ жилище радосшей, въ *Валкаль*. — Прависшли воинспвенныхъ народовъ, для очевидныхъ пользъ своихъ, долго поддерживали въру сію. Но понятія мечшашельныя ушшупили мѣсто спщественности, очарованіе изчезло, а войны продолжались, и войны желали бышь успокоены-

ми на шой землѣ, копорую захищали упрашою здоровья и членовъ своихъ. Кровавыя раны спановились *устами* и вопіяли за нихъ. Священный гласъ вѣры, здравый разсудокъ и чувствительныя сердца всшупились за великодушныхъ спражей опечесшва. Въ разныхъ государсшвахъ прилагали разные способы для досшавленія наградъ и покоя пострадавшимъ и потрудившимся въ браняхъ. Но ни одно государство въ Европѣ (думаю, кромѣ Англіи), не похвалился такимъ прекраснымъ *заведеніемъ*, какъ Франція. Оно ешь перлою столицы ея. Я былъ сегодня въ *Инвалидномъ домѣ* и признаюсь тебѣ, другъ мой, что всѣ мечшанія о древнемъ *Валкалѣ* слабы предъ шѣми сущесшвенными благами, копорыя досшавляемъ шущѣ безмяшежный опдыхъ посѣдѣвшимъ въ военныхъ шрудахъ — Въ двухъ словахъ разскажу исторію *Инвалиднаго дома*,

а попомб опишу его наружный и
внутренній видб.

Лудовикб XIV, желая успокоишь
храбрыхб сопридниковб своихб,
повелблб воздвигнушь великолбп-
ное зданіе, въ 1671 году. Зданіе
сіе, помбщающее покойно и
выгодно до шеспи пысячь жиль-
цовб, естб одно изб огромнбй-
шихб въ Парижб. Наружность
величественна и важна. Многія
спашуи, по приличію расположен-
ныя, возвышающб красоту ея.—
Сб необыкновеннымб чувствомб
удовольствія разсмапривали мы
внутренность дома. Огромныя
залы, гдб накрышы были оббден-
ныя сполы; кухни, гдб топовили
просшую, но вкусную пищу, и ги-
дравлитеская машина, провождаю-
щая свбжую воду во всб жилья
дома: все возбуждало любопыш-
ство наше. Но картина благо-
денствія здбшнихб жишелей въ
полномб блескб своемб ошкры-
лась на переднемб, зеленью и цвб-

шами украшенномъ дворѣ. День
 былъ прекрасный: множество
 жильцовъ, оставя комнаты, вы-
 шли наслаждаться благоуханіемъ
 насажденных ими же цвѣтовъ.
 Здѣсь только можно видѣть пол-
 ную картину сколь жестоко изу-
 вѣченнаго, столь великодушно
 ушѣшеннаго въ невозвратныхъ
 потеряхъ своихъ человѣчества.
 Деревянные ноги и косылы шумѣ
 слишкомъ обыкновенны. Многія
 лишились обоихъ ногъ и одной
 руки. Таковыхъ сажаютъ въ пе-
 лежки, копорыя легко приводясь
 въ дѣйствіе остальною рукою,
 возятъ ихъ по песчанымъ дорож-
 камъ. Въ толпахъ, покрытыхъ
 сѣдинами воиновъ, мелькаютъ и
 молодые лица. Не одно число
 лѣтъ службы, но и шаякія раны
 даютъ право на помѣщеніе въ жи-
 лищѣ семъ. Здѣсь къ попеченіямъ
 правительсва присоединяются
 попеченія родсва и дружбы.
 Тамъ молодая жена увѣряетъ су-

пруга, что раны, обезобразившія видъ его, ни сколько не перемѣнили ея чувствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ милую дѣвицу съ нѣжною заботливостію поддерживающую престарѣлаго опца, или юношу, замѣняющаго собою кошмыль дѣду и съ воспоргомъ чистающаго славу подвиговъ его въ ранахъ и знакахъ, украшающихъ вешхую грудь. — Недавно одинъ изъ Парижскихъ живописцевъ нарисовалъ прекрасно одного изъ престарѣлыхъ Инвалидовъ съ опеческою нѣжностію ласкающаго милую дѣвушку, пишомицу свою. Онъ вынесъ ее еще младенцемъ изъ одного горѣвшаго города во время войны и воспиталъ какъ дочь. Кисть живописца представила разительную прошивуположностъ двухъ возрашовъ. Лицо сѣдаго сшарца покрыто морщинами, а на лицѣ бѣлокурой красавицы играешъ румянецъ розъ. Милая

невинность прекрасными голубыми глазами благодарить виновника благополучія. Чувствительное сердце для услаждения своего найдетъ много подобныхъ этой не рисованныхъ, но живыхъ картинъ въ домѣ Инвалидовъ. Вообще всѣ лица цвѣтущую улыбкую непришворнаго удовольствія. Люди безъ рукъ и безъ ногъ довольны состояніемъ своимъ, и не смотря на раны и увѣчья, здѣсь рѣже, нежели гдѣ нибудь, услышишь вздохи и стоны. Но чтобы получить прочное понятие о всемъ, что шутъ есть превосходнаго, непременно должно войти въ домашнюю церковь Инвалидовъ. — Какая церковь? — это храмъ, и храмъ великолѣпный! . . . Золотый куполъ его сіяетъ какъ солнце надъ пасмурновиднымъ Парижемъ. —

Вхожу съ благоговѣніемъ и дивлюсь великолѣпію храма. Вездѣ мраморъ, памяшники и рѣдкая

живопись. Полъ изъ мраморнаго мозаика. Памятныя скрижали заслуживають особенное вниманіе. На нихъ начертаны *имена* прославившихъ себя подвигами и честною смертію за отечество — Но вошъ *памятникъ* мужа благороднаго въ герояхъ, искуснаго въ полководцахъ — *памятникъ* Тюренья. Художникъ представилъ его въ послѣднюю минушу жизни. Разпроспершой на львиной кожѣ, Тюренья умираеть въ объятіяхъ вѣрнѣйшей спутницы своей — *Побѣды!* — Побѣда, въ видѣ величавой женщины, одною рукою поддерживаешь слабѣющую голову умирающаго, а другою съ улыбкою головою возложишь на нее *вѣнецъ* безсмертія. Вся душа героя, вмѣстѣ съ его взорами, усшрелена на сію лестную награду. Величественный орелъ, подлѣ сидящій, также быспро глядишь на сей вѣнецъ. *Мудрость* и *храбрость*, въ образѣ двухъ женщинъ,

неушѣнно рыдаютъ. *Исторія* при-
сально смотритъ на великаго,
чтобъ не уронишь ни одной чер-
шы его дѣлъ.

Всѣ сія изваянія изъ лучшаго
бѣлаго мрамора. Внизу на мѣди
выпуклая картина *Тюркѣ-Гейм-*
скаго сраженія. — Вотъ все, что
я умѣлъ шебѣ сказать объ *Инва-*
лидномъ домѣ, на кошорый поль-
ко что успѣлъ взглянуть, и о
кошоромъ много думалъ послѣ. —
Такъ, вотъ средство воспламе-
нять юнѣшей, ободрять мужей
и покоить шарцевъ! . . . Вгля-
нувъ на жилище сіе, молодой во-
инъ охотно вырывается изъ объ-
ятий семейства, слѣпо слѣдуетъ
гласу вождя и легко подвемлетъ
свинцовое бремя военныхъ шру-
довъ. Грозныя биввы, дальніе
походы, бури и зной, степи и го-
ры не страшны ему. Ядро ошры-
ваетъ руку, пуля пролетаетъ
сквозь ногу, онъ плаваетъ въ кро-
ви; но надежда, подобно боги-

нямъ *Валкамъ*, слетаешь ушѣ-
 шашь его въ люшѣйшей скорби
 часъ. — Не будешь онъ влачить
 дней своихъ безъ вѣрнаго крова
 и надежныхъ подпоръ; нужда не
 засхавишь его вымаливать кро-
 хи насущнаго хлѣба подъ окнами
 безчувственныхъ богачей. Не бу-
 дешь заспигашь его шемная ночь
 въ безпріютномъ шашаніи по
 чуждымъ полямъ, и снѣгъ не
 посыплется на главу, лишенную
 покровъ: онъ имѣешь вѣрное для
 себя *убѣжище*, куда вводяшь *за-
 слуги* и гдѣ покоишь *отечество!*
 Конечно, успроеніе и содержаніе
 Инвалиднаго дома стоишь вели-
 кихъ денегъ! . . . Войска наши
 слишкомъ многочисленны, число
 заслуженныхъ велико и успроеніе
 зданія, подобнаго описанному,
 кажется не возможно. Но дру-
 гое великое и благодѣтельное
 предназначеніе, плодъ глубокой
 мудрости и чувствительности
 Монарха нашего гошвишь сча-

спливый жребій вѣрнымъ опечесва сынамъ. *Осѣдлость* или поселеніе войскъ естъ предпріятіе, здраво обдуманное, и способамъ и мѣспности Россіи совершенно приличное. — Я уже вижу, въ пріятномъ мечшаніи, шѣ счастливыя времена, когда по ушихшимъ бурямъ процвѣшуншѣ въ различныхъ краяхъ опечесства нашего новыя военныя села. Порядокъ, къ кошорому издавна привыкли, чиспая нравспвенность, кошорою вездѣ опличались, умѣренность, съ кошорою всегда жили, и *вѣра* и *вѣрность*, кошорыя нигдѣ ихъ не осшавляли, поселяшся и заживуншѣ вмѣспшѣ съ воинами Рускими.

Руки, сѣявшія смершь въ кровопролишныхъ бипвахъ, посѣюншѣ и пожнуншѣ свои мирныя поля. Тогда-шо войны, спасишели опечесства, поддержавшіе паденіе древнихъ престоловъ, и вынесшіе на мощныхъ раменахъ своихъ

изъ пропасти уничиженія славу Европы, возчувствуя въ сладости благополучія мирнаго. Они изгоняя роскошь и не допуская къ себѣ бѣдности. Тогда странникъ, укрытый гостеприимнымъ воиномъ отъ бурной осенней ночи, увидя картину домашняго благополучія, которой подобныхъ еще нигдѣ не видалъ; онъ увидя израненаго сарца поучающаго сына воина искусству управлять плугомъ, а внука, юнѣшаго изъ членовъ военнаго семейства его, искусству владѣть оружіемъ. Тутъ въ веселомъ пире товарищей за ковшами пѣнистой браги, или за чарами ими же добытаго хлѣбнаго вина, воины-поселяне, разнѣжась на привольѣ, съ неизвѣстнымъ умилениемъ бесѣдуютъ о прежнихъ дняхъ побѣдъ и настоящей славы Монарха - благодѣтеля своего. *Исторія* съ удовольствіемъ вслушивается въ бесѣды сіи и не-

редасѣвъ попомсѣву ошголоски
сердецѣ (*).

П А Р И Ж Ъ.

Возвращаясь изъ *Инвалиднаго дома* въ свою кварширу, мы завернули по дорогѣ въ *Пале-Рояль*, смѣшались съ толпою и исчезли въ ней. Я еще не сказалъ тебѣ о здѣшной шорговлѣ разными мѣлкими сочиненіями. Сошни мальчишекъ промышляють ею. Шумными толпами бѣгають они туда и сюда, мечутся изъ угла въ уголъ, и громко провозглашая заглавія новѣйшихъ сочиненій, стараются сбыть ихъ съ рукъ. Одинъ кричитъ: *Ссылка Наполеона на островъ Эльбу стоитъ Франкѣ!* Другой еще громче:

(*) Мысль о поселеніи или *осѣллости* войскъ объяснена довольно въ *Высочайшемъ манифестѣ*, изданномъ въ *Санктпетербургѣ* 1814 года.

(Позднѣйшее прилѣчаніе).

прибытіе Людовика XVIII въ Па-
 рижѣ, цѣна 2 франка! „Вошѣ
 прекрасное сочиненіе волшебный
 фонарь! Оно обратило на себя
 вниманіе публики!” Вошѣ того
 же сочинителя „прощаніе Ру-
 скихъ съ Парижанами: покупайте
 скорѣй, это послѣдній экземпляръ
 во всемъ Парижѣ!” — „Не правда,
 онѣ врешѣ, кричашѣ голосѣ изѣ
 толпы: у меня ихѣ цѣлая кор-
 зина!” — Заглавіе показалось мнѣ
 любопытнымъ; я хошѣлъ купишѣ,
 и цѣлая толпа продавцовѣ рину-
 лась ко мнѣ съ печашнымъ шо-
 варомъ. „Я уступая вамѣ это
 сочиненіе за 20 су, говорилѣ пер-
 вой; возмите его у меня за 15,
 кричалѣ второй. Вошѣ вамѣ оно
 за 10, закричалѣ громче всѣхѣ тре-
 тій, и вынырнувѣ изѣ толпы,
 проворно сунулѣ мнѣ его въ руку.
 Бросаю 10 су и опрощаю до-
 мой. — Таковыхѣ ежедневныхѣ и,
 смѣло можно сказашѣ, одноднев-
 ныхѣ сочиненій выходивѣ здѣсь

великое множество. То, которое я купид сей часъ, любопытно: въ немъ можно видѣшь, какъ Французъ заставляешъ нашихъ Русскихъ прощашся съ своимъ Парижемъ. Прочши и посмотри, что говоришь Французъ о Рускихъ, и что заставляетъ Рускаго говоришь о Французахъ. Вотъ переводъ прощанія Рускихъ съ Парижанами.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, показавъ примѣръ самаго строгаго повиновенія къ уставамъ службы и самаго дружескаго обхожденія съ Парижанами, Русскіе возвращаются опять въ свое отечество. Не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляющъ они шотъ городъ, котораго жители не преславали оказывать имъ всевозможные знаки пріязни и уваженія, должнаго избавителямъ народа. — (Жаль, что сіи красивыя слова не оправданы дѣломъ!) Вотъ какъ Русскіе

въ шотъ часъ , когда уже походные ранцы были у нихъ за плечами, прощались съ Парижемъ и Парижанами :

Прощайше , Парижане , прощайше добрые приятели наши ! говорили они : мы никогда не забудемъ вашихъ чудесныхъ практициковъ , купцовъ и конфектичекъ ! . . . Прощайше , почтенные мѣновщики Парижскіе ! мы довольны безкорыстіемъ вашимъ : вы давали намъ золото за бумагу ; однакожъ признайшесь , что эшотъ промѣнъ вамъ не въ накладъ ! . . .

Акшеры и акшрисы , пѣвцы и пѣвицы , прыгуны и прыгуньи прощайше ! . . . Мы уже не будемъ болѣе ѣсть апельсиковъ въ комедіи , восхищаться прыжками въ оперѣ , забавляясь ухващками плюшовашыхъ гаеровъ на бульварахъ ; мы не увидимъ чудесныхъ прыгуновъ по канату въ Тиволи , обезьянъ на площади Музеума ,

Орашоровъ въ *Атенеи* и *Кипайскихъ* шбней въ *Пале-Рояль*. Прощайше милыя, прелесшныя очаровашельницы, копорыми шакъ славишся *Парижъ*: вы, блестящія въ *олерв*, разгуливающія по *булеварамъ* и порхающія въ *галлерейхъ* и *садахъ Пале-Рояля!*... Забудемъ ли ваши прелести, ласки, ваше *постоянство!* Нбшб! сб береговъ *Невы* и *Дона* будемъ мы посылашь къ вамъ страшныя вздохи свои. Вы смощрбли не на лицо, но на достощнство... Брадашой *Козакъ* и плосколицой *Башкиръ* шановились любимцами сердець вашихъ — за деньги! Вы всегда уважали звбнящія добродѣтели! Прощайше, *Софи*, *Емили*, *Темиры* и *Аглаи!* прощайше рбзвыя пламенныя, смуглянки, шомныя бблянки, прощайше черныя и голубыя глаза! Мы не имббли ни средсшва, ни времени списывашъ поршрешы ваши; но мы имббемъ

другіе памяшники: ваши еспрѣлы
 у насъ въ сердцахъ, и получен-
 ныя отъ васъ раны долго бу-
 душъ напоминать намъ о васъ!—
 Прощайте умные, догадливые
 Французскіе слуги, вы, копо-
 рымъ щедрая Русская плапа при-
 давала крылья; вы, знакомые со
 всѣми закоулками Парижа и
 вѣдающіе всю подноготную въ
 немъ!... Прощайте поля Ели-
 сейскія, прощай и пы Марсово
 поле! Мы расположили на васъ
 биваки свои, заспроили васъ хи-
 жинами, шалашами, бунками и
 жили въ нихъ какъ въ палатахъ.
 Нерѣдко милыя городскія кра-
 савицы навѣщали вочующихъ со-
 сѣдей своихъ. Онѣ не пугались
 рашнаго шуму и прыгали зефи-
 рами по грудамъ оружія, при
 блескѣ полевыхъ огней, или ши-
 хими павами выплывали изъ-за
 деревъ, какъ шѣни, при шуск-
 ломъ мерцаніи луны. Какихъ на-
 слаждений не приносили онѣ съ

собою! . . . Прощайте господа повара, кандিশоры, поршнныя, сапожники, слесаря и седѣльники! вы долго не забудете неимовѣрной щедрости Русской. Богъ знаетъ, чшобы спалось съ вами безъ насъ! Уже заимодавцы ваши ополчались всею строгоспшю законовъ, уже опширались двери шемницъ . . . но Провидѣніе привело въ Парижъ Рускихъ, и вы свободны и богаты! Стройте новыя дома и пишите на нихъ: „опъ щедропъ Русскихъ!“ Прощайте, Гда. книгопродавцы! Чуръ не пѣнять! въ военномъ переполохъ, мы не успѣли познакомишься съ вами короче! опера, *Фейдо*, *Варіете*, *Водсиль* и *Амбию* (*) поглощали весь нашъ досугъ! Но погодите, изъ опдаленныхъ краевъ опечесива нашего будемъ мы присылать къ вамъ Русскіе деньги на Француз-

---

(*) Имена Французскихъ шаптровъ.

скія книги! Французскія книги у насъ въ великой чести! Прекрасной языкъ вашъ, гремишь и славишь даже и въ самыхъ пустыняхъ Сѣвера! . . . Прощайше блестящія общества лучшихъ людей, людей лучшаго тона! Мы имѣли счастье иногда помѣщаться въ кругахъ вашихъ! Какое обхождение! какая учтивость! О Французы, одни только вы умѣете жить! У васъ мужчины просвѣщены и образованы; женщины милы, умны, веселы и всегда благопристойны (!!) Любезные Французы! прелесныя Француженки! вы насъ плѣнили, очаровали, просвѣтили, вы офранцузили насъ! . . . Читайшежь въ душахъ нашихъ усердное, пламенное желаніе подражать вамъ всегда! Такъ, мы употребимъ всѣ усилія, чтобы общества обоихъ столицъ нашихъ одушевились, украсились умомъ и духомъ Французскимъ. (Такъ гово-

ришь Французъ за Русскихъ; а истинные Русскіе вѣрно повпоряшь будущъ въ упреннихъ и вечернихъ молишвахъ своихъ: „избави Господи ошъ мора, пошопы, огня и Французскаго духа! . . .) Прощайшежъ любезные, умные, храбрые, роскошные и вѣтреные Парижане, прощайте! . . . подв шумомъ бурныхъ морей, въ нашихъ снѣжныхъ пусыняхъ, ошъ Бельтскихъ до Каспійскихъ водъ, вездѣ будешъ гремѣшь въ устахъ народовъ имя прелестнаго Парижа! О, градъ ушѣхъ и наслажденій! все твое будь нашимъ! . . . Въ наукахъ, художествыхъ, промышленности, а болѣе всего въ великомъ умѣнье жить будемъ мы подражать одному тебѣ!” — Не много погоспили, но многому научились мы въ спѣнахъ твоихъ! . . . Твои обычаи и нравы процвѣшувъ въ предѣлахъ Рускихъ. (Къ несчастію, они и безъ того уже шамъ цвѣ-

шувъ. Дай Богъ, чшобъ поско-
рбй завяли), придетъ, придетъ
по счастливое время, когда хра-
брые Россіяне достигнувшъ ле-
спной славы называешья *Съвер-
ными Французами*, когда". . . Но
довольно! довольно! . . . Да ми-
мо идетъ чаша сія! — Нельзя ли
обойши насъ производствомъ въ
Съверные Французы? Мы право
еще не споимъ эшого. Разница
между нами и вами, господа Фран-
цузы! еще очень велика: *Москва*
и *Парижъ* свидѣтельствуютъ въ
шомъ! . . .

П а р и ж ъ.

Фантасмагорія.

Сей часъ былъ я въ волшеб-
номъ мірѣ, въ жилищѣ тѣней и
призраковъ. Всѣ чудеса физики и
всѣ очарованія оптики увидѣлъ
я въ домѣ Г. *Лебретона*. — Мы
пріѣхали въ 7 часу вечера. Посѣ-
щителей еще не было. Хозяинъ
озабоченъ приготоовленіемъ раз-

ныхъ снарядовъ для физическихъ опытовъ; а мы занялись разсматриваніемъ его кабинета. Онъ украшенъ множествомъ любопытнѣйшихъ предметовъ. Все, до чего только когда либо достигнуть могъ изобрѣшательный умъ человека, представлено шувъ въ чертѣжахъ, рисункахъ и въ образцовыхъ снарядахъ, въ маломъ видѣ: шувъ видимъ механическую колесницу, вѣдущую безъ лошадей; шамъ стимботъ или пароходъ, имѣющій способность двигаться безъ гребли и парусовъ противъ бури и волнъ. На одной изъ картинъ представленъ человекъ, поднимающійся на подѣльныхъ крыльяхъ; здѣсь нарисованъ искусникъ, спускающій по водѣ; а шамъ человекъ, негарающій въ пламени. Посмотрише сюда! сказалъ помощникъ хозяйской: вы вѣрно довольны будете. Гляжу въ круглое стекло, и цѣпенѣю отъ удивленія. — Кар-

пина прелестнѣйшаго вечера
 являешся глазамъ моимъ. — Какое-
 то волшебное очарованіе пред-
 ставляешъ мнѣ *окрестности Ду-*
ная. — Величественная рѣка, лѣ-
 систый берегъ, древній замокъ и
 свѣтлое вечернѣе небо — ясно,
 живо и точно будто на яву пред-
 ставляющся шумъ. Горные ключ-
 чи брызжутъ изъ скалъ; водо-
 пады сыплются серебромъ: баш-
 ни, берега и небо изображающя
 въ шихоплывущемъ кристалѣ
 водъ; бѣлая струя дыма точно
 вьющя изъ трубъ! *Стражъ* зам-
 ка стоитъ опершись на мши-
 стой зубецъ стѣны и смотритъ
 задумчиво на небо. Я никогда не
 видалъ такой ясности неба! . . .
 Луна, въ полномъ сіяніи, весело
 гуляешъ по голубымъ равнинамъ
 шверди. Звѣзды, какъ шлѣющія
 искры, сверкаютъ далеко въ вы-
 сотѣ на шемномъ синевѣ эфира:
 видъ очаровашельный, прелест-
 ный! . . . Опускаю глаза въ низъ.

Вижу опяшь Дунай, вблизи за-
сыпающіе лѣса, вдали сбдую
каршину горб... очарованіе со-
вершенно... Я смошрю, забыва-
юсь и, какъ Гомерово пасшырь,
всемъ сердцемъ веселюсь, въ глу-
бокой тишинѣ ясной безвѣпрен-
ной полночи, величественными
красошами безмолвныхъ небесъ.

Тамъ звѣзды, на небѣ вокругъ луны
прекрасной,
Блещашу въ полночи безвѣпреной
и ясной.

И видны холмы всѣ и горы и лѣса
И вся пространная небесная краса,
Развершись, съ звѣздами безчисленными
зришся,
И пасшырь на холмѣ всемъ сердцемъ вес-
лится! (*)

(*) Стихи сіи взяшы изъ VIII пѣсни
Илліады, прекрасно-переведенной
извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ
почтеннымъ Ник. Иван. Гнѣдичемъ.
Новый переводъ его, размѣромъ
древнихъ экзаметровъ, будетъ ко-
нечно для насъ то, что переводъ

Вотъ прелестная картина вечера, которую безсмертный Спикшворецъ нарисовалъ за три тысячи лѣтъ предъ симъ. Точно подобную эшой видѣлъ я сегодня въ олтискомъ стеклѣ.

Не знаю, докуда не опвелъ бы я глаза отъ эшаго спекла, ешьлибъ не услышалъ за собою шуму и говору многихъ особъ. Оборачиваюсь, и вижу комнату, наполненную людьми. Профессоръ всходитъ на свое мѣсто: всѣ садятся по своимъ, и физическіе опыты начинающся. Рѣчь идетъ о громѣ, молніи, сѣверныхъ сіяніяхъ и зарницахъ. Все сіе показывается примѣрно въ комнатѣ. Но всѣхъ любопытнѣйшій былъ опытъ надъ дѣйствіемъ гальванитеской силы. Г. Бретонъ прикасался серебрянымъ

Поле для Англичанъ, а Фоссова Ілліада для Нѣмцовъ.

прушикомъ въ одной изъ нервъ мершвой лягушки, и она вдругъ начинала прыгать. Хошя шевелишя, двигаешя или прыгаешя, въ семъ отношеніи, и не значишь жить; однакожь любопытный опытъ сей невольно погружаешя въ глубокое размышленіе о томъ, что такое жизнь.

Должно признашяся, что и съ электричествомъ, какъ уже давно открытымъ, мы еще знакомы очень не корешко; а гальванизмъ намъ почти совсемъ неизвѣстенъ (*). Но шогдали занимаешя

(*) Въ Германіи занимающяся шеперь ученіемъ о новой чудесной силѣ, способствующей къ исцѣленію всѣхъ нервныхъ болѣзней однимъ прикосновеніемъ рукъ. Силу сію открылъ и назвалъ животнымъ магнетизмомъ извѣстный врачъ Месмеръ. Французы приняли сперва съ жаромъ открытіе его, потомъ употребили оное во зло и изгнали. Но въ Германіи просвѣщеннѣйшіе врачи воз-

испытаніемъ природы, или изобрѣ-
 пшеніями спасительныхъ для жи-
 зни средствъ, когда полсвѣща
 спонешъ въ буряхъ войны и шы-
 сячи жизней угасающъ въ одинъ
 день! — *Физическіе уроки* кончаш-
 ся. „Теперь-то увидимъ мы страш-
 ныя явленія!“ говорящъ сидѣв-
 шія подлѣ меня дамы. Въ самомъ
 дѣлѣ насъ сводящъ по лѣспницамъ
 внизъ. Входимъ въ подземелье и
 садимся опять по лавкамъ. Мрач-
 ный сводъ виситъ надъ нами;
 стѣны изпещрены изображеніа-
 ми гробницъ и мершвецовъ; по
 угламъ споящъ скелеты; зажен-
 ный спиртъ наводитъ смершную
 блѣдность на всѣ лица... Вотъ
 пригошвленія къ явленіамъ тѣ-
 ней!... Онѣ никого не пугающъ;

спановляющъ опять оное. Въ за-
 лискахъ, на обратномъ пути чрезъ
 Германію, постараемся разсказать,
 что слышали и читали о семъ важ-
 номъ открытіи.

но непримѣтно наспроивають въ воображеніе зришелей къ мечшательности и придають силу очарованію. Между шѣмъ подаиъ знакъ, и свѣтъ изчезъ. Насшала черная ночь. Тамъ далеко, далеко въ глубокомъ мракѣ, сверкаешъ свѣшлая звѣздочка. Она плѣешъ, гаснешъ, изчезаешъ... На черномъ занавѣсѣ являешся огненная надпись: *здѣсь жилище странствующихъ душъ!* — Гдѣ-шо въ дали, никшо не знаешъ гдѣ, раздаешся самая помная, поющая музыка. Глубоко проникающіе звуки ея плѣняють и мучають: кажешся кшо-шо водитъ смычкомъ по сердцу! . . . Эшо гармоника. Извѣшно дѣйствіе ея на чувства: она вселяешъ сперва какое-шо уныло-сладостное удовольшвіе, кошорое наводитъ пошомъ оцѣпенѣніе и шоску. Сія-шо волшебная музыка вызываешъ изъ преисподней безпріюшнихъ странницъ. Смершь срываешъ печашь

свою, и тѣни усопшихъ являющіяся. . . . Вошъ шамъ, въ едва постигаемой глазомъ дали, показываешься огненная точка, сверкаешь и расходишь, спановишься болѣе и ближе, ближе и болѣе — и мы видимъ наконецъ прелестную красавицу!

Вся милостивость, вся Ангельская крошость юной спрадалицы изображаешься въ чертахъ ея. Я не могу говорить съ нею, но могу прочитывать на лицѣ исторію жизни и кончины ея. Прелестные голубые глаза, пошупленные въ землю; улыбка, не смѣющая воскреснуть на блѣдныхъ устахъ: все показываетъ, что грусть отправила крашкіе дни жизни ея и грусть свела ее во гробъ. Одна, въ необъяшнанныхъ пущыняхъ вѣчности, она увядаетъ какъ поздний осенній цвѣшокъ, раняющій красы свои отъ бурнаго дыханія зимы. Долго колебалась она въ воздухъ, не смѣя,

кажешся, приближишься къ намъ. Но вошъ идешь, идешь, смопришь, движешь глазами, проспираешь руки, кажешся просишься оная въ нашъ міръ, въ надеждъ лучшихъ дней. . . . Вы хошъли подашь ей руку, извлекъ изъ бездны на свѣтъ; но преисподняя издала сиповашый гласъ свой и быспро обрашиласть тѣнь, и медленно, плыва по мракамъ, исчезла какъ мечта! . . . Не шакъ ли обольщающъ насъ и въ жизни мечты, надежды и счастье? . . . Не шакъ ли исчезающъ радости, пышность и величье міра, и самый міръ не ешь ли картина тѣней? . . . Въ слѣдъ за первою цѣлой рядъ другихъ шѣней! Сшарцы, дѣши, юноши, пронзенные желѣзомъ на зарѣ дней своихъ, и дѣвицы, умершія опъ ранней грусти и злополучной любви, одни за другимъ, являлись предъ насъ.

Всѣ они движущаяся, смошряшъ и, кажешся, гошovy бросишся въ

объяшія земныхъ своихъ друзей.
 Я вспоминаю усладительныя меч-
 шанія добродѣтельнаго *Штилли-*
га, и мнѣ право весело вѣришь до-
 гадкамъ его. Мой другъ! не шакъ
 ли спрансшвуютъ тамъ въ недо-
 сягаемыхъ предѣлахъ и души ми-
 лыхъ намъ? . . . Но гдѣ эшо тамъ,
 и ешъли тамъ другой новый и
 лучшей міръ?

Тамъ ешъли новая вселенна,
 Иль пусто все превыше звѣздъ?
 Кѣмъ обласъ горня населенна?
 Кшо шамъ надъ солнцами живешъ?
 Буншуютъ ли и тамо спрасши
 Царей, рабовъ, шамъ ешъ ли власти?
 Тамъ ешъли злато, кровь, порокъ?
 Одналь живешъ шамъ добродѣтель?
 . . . . .
 Тамъ знаютъ ли, что смръть, что рокъ?—

Такъ вопрошаетъ душа, когда,
 въ минушы унынія, облака со-
 мнѣній зашмѣваютъ ясность ея.
 Носимая пламеннымъ вихремъ
 спрасшей, она жаждешъ, какъ
 нѣкогда *Агарь* въ пущынь, ищешъ
 пребуешъ и не находишь щасшія;

ибо въ блескѣ богатствъ, въ великолѣпнѣи чертоговъ и въ обманчивомъ сіяніи чесшей встрѣчаешъ одни только *призраки* онаго. Такъ обуреваешься сомнѣніями *душа*, незаренная спасительнымъ лучемъ откровенія; но рано или поздно пробудишься, въ сердцѣ благочеспиваго, голосъ незнакомый работающимъ мяшежному свѣшу, неизвѣсно сладосный голосъ *надежды*, указующей ему новый и лучшій міръ. Надежда увѣряешъ его, что *гробъ* не уничтожаешъ благороднѣйшее изъ созданій Божіихъ; что *небо* и *земля* дѣляшъ между собою человекъ добродѣтельнаго: небо приемишъ обратно даръ свой — *душу*; земля поглощаешъ шлѣнной покровъ ея!

Священное откровеніе внушаешъ и крѣпитъ благородныя надежды сіи, даруя просвѣщенной и предуготованной душѣ сладчайшее предчувствіе, залогъ ничемъ незамѣннаго щасія небес-

наго. Такъ, естли бы Всевыш-
ній спроишель міровъ, во гнѣвѣ
своемъ, захотѣлъ опняшь у насъ
надежду на *лучшій міръ*: по по-
ловина рода человѣческаго конеч-
но опказалась бы въ попѣ же
мигѣ опъ бурномяшежной жизни
сей.

Ужель помыслишь намъ возможно,
Что для земли мы рождены,
Для міра, гдѣ все шлѣнно, ложно,
Гдѣ всѣ спрасшамъ покорены,
Гдѣ смершный чувствомъ благородный,
Къ коваршвамъ, къ низосшамъ не-
средный,

Всегда униженъ и забытъ
За то, что прихотямъ порока
Почтенья не даешь глубока
И сильнымъ правду говоришь. —
Нѣтъ! нѣтъ! есть міръ иной, міръ
вѣчный,
Гдѣ нѣтъ развраша, крови, слезъ,
Гдѣ самой тихій спонъ сердечный
Предъ гласомъ гордыхъ перевѣсь
Въ судѣ Творца людей имѣешь! —

„Душѣ благочесшивой, въ міръ
„семъ живущей вездѣ есть *тужая*
„сторона, вездѣ и безпокойшвіе,

„пока пойдешъ къ небесному оше-
 „честву своему!“ Вошъ прекрас-
 ная истина, сказанная однимъ
 изъ Проповѣдниковъ нашихъ. Сію
 же самую мысль короче и силь-
 нѣе выразилъ безсмертный воинъ
 и мудрецъ нашъ Суворовъ. Упо-
 мясь мятежами бурной жизни,
 бореніемъ съ превращеніями
 случая, съ завистію и злобой,
 великой восклицалъ: „опдыхъ ду-
 ши у престола Божія!“ — Такъ,
 душа наша, какъ плѣненная го-
 лубица, поскуя въ земномъ зашо-
 ченіи, просишь и ожидаешь крылъ,
 да полетишь въ горнее отече-
 ство свое.

Вошъ мысли, просверкавшія однѣ
 за другими въ головѣ; вошъ чув-
 ства пробудившіяся въ душѣ моей
 при появленіи *искусственныхъ тѣ-
 ней!* — Далѣе предшавлялись раз-
 личныя явленія природы: подра-
 жаніе чудесно, очарованіе совер-
 шенно. Идетъ дождь — шочной
 дождь! блестящъ молнія шочь въ

шочь какъ въ небѣ; гремишь громъ
 словно какъ въ грозныхъ пучахъ.
 Переменная картина! . . . Видно
 уединенное мѣсположеніе, пре-
 красный весенній вечеръ. Все пу-
 сто и покойно. Тихо плещетъ
 ручеекъ; глубоко понетъ золо-
 той мѣсяцъ въ серебряномъ раз-
 ливѣ водъ. Я вижу могилу. Весна
 зеленишь ее нѣжною муравою и
 даришь жизнью могильной цвѣтѣ.
 Но *искра жизни* заронила въ са-
 мую могилу— и колеблется холмъ
 ея, и пренещетъ крестъ, и упа-
 даетъ надгробный камень . . .
 Дерзкій сынъ праха вспаетъ,
 смѣется успавамъ Неба и хочетъ
 нагло ворваться *въ предѣлы жизни*.
 Но небо пламенѣетъ гнѣвомъ,
 мещетъ молніи, дробитъ скалы,
 ломаетъ деревья и засыпаетъ
 долину развалинами и землей.
 Глухо повшоряютъ дальнія горы
 вой, рокошъ и прескъ.

Все эшо такъ естественнo,
 такъ живо, что право долго не

повѣришь, будто видишь только мечту! . . . Сердце не вышерпѣло бы одиѣхъ печальныхъ явленій. Оно мѣшѣ и ноешѣ ошѣ грустныхъ звуковъ гармоникки. Но искусной Бретонѣ умѣшѣ перемѣнѣшѣ картины свои кшашѣ: вдругѣ послѣ унылой лѣсни тѣней слышишѣ веселой плясовой напѣвѣ и видишѣ вѣдьмѣ и колдуновѣ; видишѣ хоры Шведенбурговыхъ Сильфовѣ и рѣзвыя пляски духовѣ. — Вошѣ ходяшѣ звѣри и туды! . . . Вошѣ лешитѣ змѣй о семи головахѣ! . . . И вошѣ, что значишѣ фантасмагорія. Тѣ, которыя видѣли въ Россіи Робертсонову, имѣюшѣ уже поняшіе о ней; но признаюшѣ однакошѣ, что та далеко ошспаешѣ въ совершенствѣ ошѣ этой.

Вошѣ чудеса, которыя прежде считали дѣйствіемѣ сверхъестественной силы волшебства или магіи, и которыя теперь очень ешественны для знающаго

законы *Оптики* или преломленія лучей. Ничто необманываетъ насъ шажъ, какъ собсвенныя глаза наши.

Многіе несомнѣвающимся, что *лаборамы* и *фантасмагоріи* извѣстны были еще древнимъ Египтянамъ. Говорятъ, что *волхвы* или мудрецы Египетскіе употребляли ихъ съ пользою для наставленія юныхъ государей своихъ. Молодой Царевичъ по окончаніи наукъ долженъ былъ сдѣлать *подземное путешествіе въ царство тѣней*. Юный путешественникъ входилъ въ одну изъ пирамидъ, (такъ говоритъ преданіе) и мгновенно свѣтъ исчезалъ; гремѣли громы, блискали молніи; земля разсупалась подъ спонами, и преисподній край принималъ къ себѣ изумленнаго. Тамъ встрѣчалъ его старецъ, проводилъ пушями неизвѣстными и объяснялъ живыми примѣрами великое таинство правленія судь-

бою народовъ. Съ одной стороны указываетъ онъ ему самое восхищительное зрѣлище, картину народа благоденствующаго. Онъ видитъ край благословенный: обильнѣйшія жазвы, злапыми морями, волнующіяся по необозримо-му пространству воздѣланныхъ полей; шумныя спада пещрѣющія на злачной зелени долины; города наполнены народомъ, заливы покрыты кораблями, а рѣки множествомъ судовъ; вездѣ слышны гласы жизни и пѣсни радости. „Споль счастлива бываетъ страна” — говоритъ престарѣлый наставникъ порфирородному юношѣ — „когда управляетъ ею *Государь Мудрый!*” Но обрати вниманіе свое на иную страну! И съ симъ словомъ указываетъ ему картину спраданій народа бѣдствующаго. Невоздѣланныя степи, несущенныя болоша, унылыя города и бѣдныя села представляющіяся глазамъ его. Угнетенный

нуждами народъ шаишя въ глуши дремучихъ лѣсовъ. Онъ не имѣешъ поняшя о щасшїи общественной жизни ; ушѣшенїя вѣры, защита законовъ и всѣ прїяшности наукъ и художествъ для него чужды. Промышленность не смѣешъ приглашашъ его къ дѣятельности , а торговля къ выгоднымъ мѣнамъ. Цѣлыя области спонущъ подъ лозами правителей своихъ, и все ихъ достоянїе не можешъ насышшшъ корышполубїя оныхъ. „Таково, говоршшъ шощъ же сшарець : „шакowo государство, управляемое худо! Но правители народовъ, продолжаешъ онъ, должны опдашъ опчешъ Судьѣ неумолимому. Блаженство, или мученїе ожидаешъ ихъ за гробомъ. То и другое — вѣчно! . . . ” —

Тущъ виды измѣняющшя, и сшарець съ одной шпороны указываешъ, всѣми прелестшями небеснаго благополучїя озаренный рай;

сѣ другой всѣми ужасами лю-
тѣйшихъ мученій омраченный
адѣ. Первый, говоришь онѣ, есть
неопшемлемое наслѣдіе царей до-
брыхъ, другой вѣчное жилище
злыхъ! Послѣ этого ты согласишь-
ся, другѣ мой! что есшлы спра-
ведливы рассказы сіи, копорымѣ
впрочемѣ вѣришь очень пріятно,
то *фантасмагорія*, со всѣми оча-
рованіями своими, не только
извѣсна, но несравненно сѣ
большею, чѣмѣ шеперь, пользою,
упошребляема бывала и прежде.

ПАЛАТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СО- СЛОВІЯ.

Я сказалѣ и повшорю, что
испорія нѣкошорыхъ общешвен-
ныхъ зданій вѣ Парижѣ сосша-
вишь, или, по крайней мѣрѣ, обя-
снишь испорію всѣхъ превращ-
ношей, поспигавшихъ городѣсей;
испорію важнѣйшихъ *перемѣнѣ*
вѣ образѣ правленія, поняшій и
благоденшвія народа. — *Палаты*

Законодательнаго Сословія служашъ пому доказательствомъ. Въ 1722 году построены домъ сей для госпожи Конде, пошомъ назывался онъ палатами Бурбоновъ, пошомъ палатами Совѣта Пятисотнаго; а шамъ названъ и называется палатами Законодательнаго Сословія. Перемены сихъ именъ соопвѣстствуютъ переменамъ общаго порядка вещей во Франціи. Зданіе убрано изящнѣйшими украшеніями зодчества. — Наружность величественна и благородна. Съ одной стороны выдается великолѣпный лортикъ; двенадцать стройныхъ Коринфскихъ столповъ поддерживаютъ огромной треугольной фронтоны. Лѣстница одна изъ прекраснѣйшихъ. Статуи Сюлли, Колберта, Голиталья и д'Агессо украшаютъ зданіе. Зала заседаній великолѣпна. Ликуръ, Солонъ, Демосфенъ, Брутъ, Катонъ и Цицеронъ, изваянные изъ

мрамора , напоминають шѣ времена счастливой свободы , когда ни мыслишь , ни говоришь не возпрещалось ; когда люди , одаренные краснорѣчіемъ сильнымъ и пламеннымъ , въ полномъ собраніи народа позорили пороки и превозносили добродѣтель . Истинные друзья людей никогда не бываютъ льстецами ихъ : они безщадно разяють вредные предразсудки , безпрепешно обнаруживаютъ слабости , и законы , избрѣшенные и утвержденные ими , благодарствуюють поклѣніямъ многихъ вѣковъ . Я не много смыслю о законодательствѣ вообще , о законахъ же Франціи еще менѣе ; но изъ всего , что о нихъ слышалъ вскользь , не могу не похвалить того , что мнѣ въ особенноти въ нихъ нравилося . Мнѣ чрезвычайно нравилося то , что всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались здѣсь открыто . Тутъ нѣтъ глубокой тайны въ сужденіяхъ

уголовныхъ. Двери во всѣхъ судахъ опворены. Исслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ преступленія производяшся гласно въ глазахъ обвиненнаго и при шолѣ зришелей. Обыкновеніе сіе при-емлешъ начало съ самыхъ опдаленныхъ временъ. *Миллеръ*, въ исторіи своей, говоритъ, что давнѣйшіе владѣтели областей Швейцаріи производили судъ и расправу подъ шѣнію древнихъ дубовъ при большихъ дорогахъ. Всякой странникъ вслушивался въ вопросы судьи и опвѣшы подсудимаго. И въ самомъ дѣлѣ, для чего *истинѣ* скрываешься въ дѣйствіяхъ своихъ? — Явно высшупаешь она предъ собраніе народа, съ великою швердосшію вопрошаешь обвиненнаго, съ великимъ благоразуміемъ углубляешь во нравъ кошорымъ окружилъ онъ вину свою, и смѣло, рѣшишельно про-износишь *приговоръ*! Какъ громъ небесный разишь преступника,

приговорѣ ея, и кто посмѣешь
ропсать на него? . . . Но естли
лицепріятіе или *злашлюбіе* воз-
обладаетъ духомъ судіи: тогда
стараешся онъ сокрыть кривыя
сужденія свои во мракъ шайны;
запираешъ дверь своего судили-
ща, удаляешъ любопытныхъ, и
пушая и шемня по волѣ своей
общошельства, извлекаешъ изъ
нихъ *рѣшеніе* не рѣдко поражаю-
щее *невинность*, у кошорой всѣ
средства къ оправданію опія-
шы. — Во Франціи всѣ порядоч-
ные граждане имѣюшъ позволе-
ніе присутствовать при судо-
производствѣ. Они не подаюшъ
голосовъ во время самаго засѣ-
данія, но послѣ составляешся
общій голосъ, кошорый или усугубляешъ обвиненіе, или оправды-
ваетъ обвиненнаго. — Всякой имѣ-
ешъ право печатать свое мнѣніе
о производствѣ какаго либо дѣла.
Какая побудишельная причина для
суды бышь *решоружнымъ* и без-

корыстнымъ! . . . *Общее мнѣніе* естъ неумолимый судія: ни соблазны, ни подкупъ не соврашяшъ его съ прямаго пуши! . . .

Другая выгода для подсудимыхъ — позволеніе имѣшь *адвокатовъ* (спряпчихъ) и даже *совѣтниковъ* въ продолженіи дѣла. Искусной *законовѣдецъ* всегда можешъ бышь *благошворишелемъ* ближнихъ. Отъ того въ Греціи и Римѣ лучшіе *Ораторы* занимались изученіемъ *законовъ*. — Всѣ священныя и гражданскіе законы веляшъ намъ *выручашъ* ближняго изъ бѣды; но развѣ не величайшее бѣдшвіе бышь *неправо обвиненнымъ*?

Ты проходишь *дремучій лѣсъ*, слышишь *вопли*, бѣжишь на *помощь*, *испоргаешъ* несчастнаго изъ *подъ ножа убійцы* — и ты совершаешъ *прекрасный подвигъ*! — Ты гуляешъ по *берегу рѣки*, слышишь *стоны упопающаго*, бросаешъ въ *воду*, *извлекаешъ* *поги-*

бавшаго , возвращаешъ опца семейству его — и шебѣ плешушъ похвалы въ обществахъ , за шебя возсылаюшъ молишвы къ небесамъ! . . . Почемужъ , проходя мимо судилища , и слыша стонъ и рыданія безпокровнаго нещастливца , видя жало злоспизощренное на пронзеніе груди невиннаго , видя невиннаго сего утопающимъ въ лугинѣ клеветъ и наветовъ ; почему не имѣешь ты права спасши его отъ смерти и позора , какъ спасъ двухъ первыхъ отъ гибели? Французъ имѣешь сіе право , и право сіе есть перлюю законодательства его.

Впрочемъ , другъ мой! мнѣ все кажешся , что не сполько совершенство законовъ (ибо что есть въ мѣрѣ совершенное?) сколько добросовѣстность судіи способствуешъ къ справедливѣйшему рѣшенію дѣла. — Хорошій художникъ и съ посредственными орудіями сдѣлаешъ свое дѣло лучше,

чѣмъ худой съ самыми превосходными. Тожъ и съ судьями: *добрый* (я разумѣю по сердцу, смыслу, совѣсти) и при крайнѣ несовершенныхъ законахъ умѣешь быть достойнымъ своего званія. Дайше *злomu судѣ* самые лучшіе законы: онъ исказитъ и обезчеститъ ихъ поведеніемъ своимъ. Истина сего разсужденія заключается въ одной изъ пословицъ нашихъ: *не бойся суда, а бойся судьи*. Но чтобъ судье быть справедливу, должно непременно, чтобъ судъ его открытъ былъ общему мнѣнію, и самъ онъ подлежалъ бы спорогому, неумышльному суду онаго..... Должно признашься однакожъ, что хорошее законодательство неоцѣненное благо для народа; оно есть камень основанія общественнаго щасія. Легче завоевать десять чужихъ царствъ, нежели подарить своему десять законовъ, которые бы ошасливили настоящее поколѣніе и бла-

гословлялись попомствомъ. Но какое опланительное достоинство должно быть печатью законовъ? — *Ясность!* — А достоинство дѣйствія ихъ? — *Откровенность!* — Истина спыдишся дѣйствовать подслудно. Солнце, въ тѣ благодатные дни, когда живошворитъ природу свѣтлостію лучей своихъ, не сокрывается за темныя тучи: таковы должны быть и законы въ дѣйствіи своемъ! . . .

П а р и ж ъ.

Что скажешь тебѣ еще о Парижѣ? — Часы бѣгутъ, дни исчезающъ, срокъ выѣзда большими шагами приближается: развѣ описаній моихъ тебѣ не довольно? — Не довольно!" отвѣчаешь ты и говоришь: „площади, театры и „актеры не столько нравятся „чашащелямъ, какъ цѣлый на„родъ, представляемый въ истин„номъ его видѣ, а не въ декорацион„ныхъ изображеніяхъ нашихъ пу-

,шешественниковъ, видѣвшихъ все
 ,сѣ одной только подмалеванной
 ,сторонѣ!” — Понимаю, понимаю:
 ты хочешь знать Парижскія нра-
 вы (moeurs Parisiennes). Да посу-
 ди самъ, кому ли наблюдать и
 описывать ихъ, кто только едва
 успѣлъ взглянуть на Парижъ и нѣ-
 сколько дней прокружиться меж-
 ду Парижанами? — Однако, къ
 спашу, у меня есть на при-
 мѣшъ человекъ, который всю
 нравственность Французскую
 развернулъ передо мною, какъ
 книгу, или что все равно, я
 увижу ее въ его книгѣ.

Парижской пустыниѣ.

Не выходя изъ Парижа, кошо-
 рою совсѣмъ не похожъ на пу-
 стыню, я видѣлъ пустыника.
 Не понимаешь? — Объясню. Одинъ
 изъ благоразумѣйшихъ Пари-
 жанъ, опшанившись отъ шум-
 наго свѣта, поселился въ 4 эта-
 жѣ прекраснаго дома на прекрас-

нѣйшей изъ Парижскихъ улицъ *Шоссе-Дантенъ*, и назвалъ себя пустыннокомъ. Блескъ, шумъ и волненіе многолюднѣйшаго изъ городовъ Европейскихъ не превозжаѣ уединенія его. Возвышенный духомъ, несвязанный обстоятельствомъ, онъ смотриѣ на всѣхъ равно, и самою безпристрастною кистію *рисуетъ картины нравственности* своихъ согражданъ. — Вниманіе Парижанъ ободрило поучителя ихъ: Г. Жакленъ извяснилъ ему общую благодарность въ слѣдующихъ стихахъ:

Соперникъ Стерна умный,
Парижской Адиссонъ!
По мудрости съ Сократомъ
Достойный бытъ сравненъ,
Сколь сладки и полезны
Твои писанья намъ!
Какъ въ зеркалѣ мы видимъ
Въ нихъ глупость и порокъ.
Рази ты ихъ насмѣшкой
И громко славь добро!
Ряди въ ослины уши
И въ хряхъ высказлай

Причуды и пороки
 Народу предъ глаза.
 Пиши! съ тобой Богъ вкуса,
 Тебя безсмертье ждешь!" —

Вопь опь какого челоуька по-
 черпаю я свѣденія о нравствен-
 носии Парижань. Его рассказы
 (изуспные или письменные, для
 тебя все равно) шакъ живо из-
 ображають Французовъ со всѣхъ
 споронъ, что читашель, забыв-
 шись, почиашель себя наблюда-
 шелемъ. Я предшавлю тебѣ здѣсь
 шолько нѣсколько опкрытковъ, нѣ-
 сколько, шакъ сказашь, небольшихъ
 каршинъ, въ кошорыхъ ши увидишь
 Парижанъ и Парижанонъ въ раз-
 личныхъ положеніяхъ ихъ домаш-
 ней и свѣшской жизни. Не ожи-
 дай опь меня ни плана, ни по-
 рядка: не имѣя ни средствъ, ни
 способонъ писашь, какъ бы хо-
 тѣлъ, я пишу какъ могу. Вопь
 нѣкошорые опривки, разсѣянныя
 чершы.

ПАРИЖСКАЯ ЩЕГОЛИХА ВЪ ЦЕРКВЬ.

Знашная Парижская дама въ церковь: ей подв ноги — дорожную подушку; въ руки — раззолоченной въ сафьянѣ молишвенникѣ. Предв нею — при дюжихъ лакѣя раздвигаютъ толпы народа; за нею — толпа молодыхъ людей!....

Что нужно въ Парижъ для крестинъ.

По назначенію госпожи D . . . . одной изв первыхъ модницѣ, (зашвердившей наизусть все уложене большаго свѣша), приглашенный въ кумовья необходимо долженъ купишь для крестинѣ слѣдующее:

1) Ларчикѣ. Онѣ долженъ бышь и милѣ и дорогѣ! . . . .

2) Въ ларчикѣ кладешся: шесть дюженѣ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ нѣжныхъ и шонкихъ перчатокѣ, два вѣера: одинѣ искусно оправленный ешалью, другой черепахою и проч. Пошомѣ:

вязанку искусственныхъ цвѣтловъ; но такъ искусно сдѣланныхъ, чшобъ самый опытный бошанистѣ почелъ ихъ за живые! Сверхъ того двѣ бушылочки розоваго масла; благовонное ожерелье изъ серальскихъ масшикъ и нѣсколькo другихъ красивыхъ, но дорогихъ бездѣлокъ. Всѣ эти мѣлочи, которыя непременно надлежитъ купить въ модномъ магазинѣ подъ вывѣскою золотого колокола (*à la cloche d'or*), всѣ эти мѣлочи споятъ 450 рублей! . . .

Еще не все: лампу для освѣщенія спальни родильницы. Эта лампа покупается непременно въ магазинѣ О; ибо въ Парижѣ вещь теряетъ половину цѣны, естли куплена не въ томъ магазинѣ, который смѣветъ моднымъ! — Вместе же съ лампою берется и фарфоровая ваза у *Дэготи*. Крайняя цѣна сихъ обѣихъ бездѣлокъ 400 рублей!! И шутъ еще не все: — приборъ къ модной

шляпкѣ для няни во сто рублей, и *мериносовую шаль* для кормилицы ! Если кто захочетъ, говоришь Госпожа D. . . . , то можетъ купишь еще для ребенка *гремушку*. У *Дюбьефа* можно достать довольно порядочную за 200 рублей. (200 рублей за *гремушку*!) — Такимъ образомъ, по священнымъ *успавамъ моды*, кумъ поднеся дары свои *родильницѣ*, кумѣ, нянѣ и *кормилицѣ*, и заплашя при томъ священнику, швейцару, давъ милосшыню приходскимъ нищимъ, и на водку дворнѣ, испрачиваешъ всего на всего на одни крестины не много, ни мало : 2,375 *франковѣ* или нашихъ рублей !!!

Люди пожилые увѣряютъ, что за 30 предѣсимѣлѣшъ самыя пышныя крестины въ Парижѣ, со всѣми сборами и приборами обходились не дороже 50 рублей; а теперь? — Это доказываетъ успѣхи роскоши, причудѣ и *мошовства* въ

столицѣ Французской! При оцѣ
 Лудовика XIV было въ Парижѣ
 шолько нѣсколько каретъ; ше-
 перь ихъ нѣсколько шысячь! . . . .

П р и ч у д н и ц а .

Еще не доказано, ошъ роско-
 шиль родилшя шщеславие , или
 ошъ шщеславія роскошъ; но извѣ-
 сшно , что онѣ между собою въ
 близкомъ сродшвѣ. Извѣсшно и
 шо, что ошъ роскоши и шщеславія
 родяшя вычурь и *пригуды*. Мужъ
 прелесшной госпожи N * * * до-
 брой *банкиръ* , мозолевыми шру-
 дами скопилъ кой какъ изрядной
 капиталъ. Далѣе и болѣе, онѣ срав-
 нялся съ первыми богачами въ
 Парижѣ. Прешняя сожшшельница
 его, добрая хозяйка, умерла. Онѣ
 женился на молодой дѣвицѣ ,
 привыкшей порхашъ мошылъ-
 комъ въ большомъ свѣшѣ. Моло-
 дая вершущка вскружила голову
 пожилому мужу. Онѣ иѣжилъ и
 делѣшъ ее какъ дшя; смощришъ

ей въ глаза и угадываетъ всѣ ея желанія. Чего только у ней нѣтъ? Шалей цѣлые сундуки; плашьямъ — щешу нѣтъ; головной уборъ что день, то новой! . . . Сансье, Леруа и Нутье безпреспадно хлопчущь, о томъ, какъ бы и чѣмъ бы ей угодить. Наскучить городъ? — у нее есть прекрасная дѣта; шуда сбѣзжаются только пріятные ей одной люди. Чего же бы, кажется, недоставало ей? — Но при пышномъ шуалетѣ, въ обществѣ друзей, на балахъ, въ оперѣ и на гуляньяхъ притудница скучаетъ! Судорожное движеніе нервъ и припадки истерики мучаютъ ее. Какая же всему этому причина? — Тщеславіе! ей спыдно спало жить въ прекрасномъ домѣ, на прекрасной улицѣ; но въ сосѣдствѣ съ портнымъ! . . . И вотъ она до тѣхъ поръ будетъ больна шоскою, пока мужъ не купитъ ей дома въ Шоссе-Дантенъ, а шамъ, чево доброва! —

захочешъ жишь и во дворцѣ: шаковы женскія причуды! . . .

Привязанность Французовъ къ отечественному языку.

Французы любящъ свой языкъ: въ эшомъ должно опдашь имъ справедливосшь. Мущины и женщины, богачи и бѣдные говорящъ шолько по Французски. Недавно одна знашная дама писала къ издателю журнала, кошо-рый придерживался часшо иношпранныхъ реченій: „Ради Бога избавыше насъ ошъ вашихъ Лашинскихъ, Аглинскихъ, Ишаліанскихъ фразъ! Онѣ хороши — не спорю; но свое родное лучше! Говорите Французамъ, особливо Француженкамъ всегда по Французски! „— Ешъли Француженки шакъ усердно вшупающа за свой бѣдной изъ разныхъ нарѣчій, скропанной языкъ: шо какъ же вамъ, прелесшныя Россіянки, милыя сошечешвенницы мои! какъ же

вамъ не вступашься за свой богатой , звучной и великолѣпной языкъ ? — Онъ громокъ и силенъ въ устахъ орашоровъ ; нѣженъ и очаровашеленъ въ прелестныхъ устахъ вашихъ ! . . .

КАРТИНА ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ ЛУЧШИХЪ НЫНѢШНИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Богатый домъ убранъ великолѣпно, освѣщенъ прекрасно; всего довольно, кромѣ удовольствія. Дамы сядяшъ особо, подъ рядъ, шепчущяся, судяшъ, пересуживающъ и зѣваюшъ. Мушцины, по два, по три, сстояшъ у оконъ, у камина, по разнымъ угламъ госпшиной комнашы. Всякой полкуешъ о своемъ. Одинъ объ лошадахъ, другой о собакахъ; шамъ споряшъ о полишикѣ, шущъ о приказныхъ дѣлахъ. Общество то же, что и прежде; но общаго разговора нѣшъ. Бывало Гжи Деламбертъ, Тансень и другія

умѣли сблизить мужчинъ съ женщинами, спариковъ съ молодыми; начашъ общее чшеніе, завесни общій разговоръ, зашѣяшъ общую игру — и удовольствіе всегда бывало общимъ. Такъ говоряшъ, вздыхая, люди спараго вѣка. — Въ самомъ дѣлѣ, шолько умъ и любезность женщинъ, копорья никогда не спарѣются въ нихъ, могушъ придавать очаровательную прелестъ свѣтскимъ обществамъ. Умная женщина ешъ та райская птичка, копорую слушающая забываетъ и мѣсто, и время, и самого себя! — Со времени Революціи владычество женщинъ пало и самое уваженіе къ нимъ почти истребилось. Теперь Французы обходяшся съ своими женщинами, какъ рабы, вырвавшіеся на волю, съ прежними господами: говоряшъ объ нихъ худо, смотряшъ на нихъ косо; часто даже бывающъ предъ ними дерзки и очень нерѣдко неблагопри-

спойны, особливо въ рѣчахъ. Слѣсъ и самохвальство засну-
тили мѣсто привѣтливой въж-
ливости.

ПАРИЖСКІЕ ФРАНТЫ.

Никогда не вели себя такъ
странно молодые люди, какъ ше-
перь. Они такъ заняты собою,
что едва ли замѣчаютъ кого ни-
будь, кромѣ себя, въ обществѣ.—
Зеркала привлекаютъ ихъ какою-
то магическою силою: всѣмрѣ-
шатъ 20 въ одной комнатѣ, и
къ каждому подойдутъ, въ каж-
дое заглянувши и въ каждомъ по-
любующая собою!

Никогда, какъ теперь, не бы-
ло въ нихъ такой дерзкой само-
надѣянности, такой увѣренности
въ мнимомъ, собственномъ до-
стоинствѣ. Не зная азбуки, го-
шovy спорить о Поэзіи съ са-
мимъ Делилемъ! Ошъ эшаго-то
и обхожденіе ихъ неучливо, да-
же нагло! Ходишь мимо дамъ

безъ всякой оспорожности, обращившись къ нимъ спиною и проч. ешь обыкновенное дѣло Парижскихъ франтовъ. Нерѣдко въ обществѣ, въ глазахъ множества гостей, одинъ изъ нихъ спановишся у камелька, заслоняетъ собою огонь, подымаетъ полы фрака и, грѣясь, какъ будто въ своей спальнѣ, начинаетъ рассказывать давно знакомой и перезнакомой анекдотъ — за новостъ! Таковы франты во фракахъ. Но о шѣхъ, кошорые звенятъ шпорами, спучатъ саблями, ходятъ межъ людей, какъ въ лѣсу, наступаютъ женщинамъ на плашья, говорятъ объ усахъ и сулланахъ; кошорые шакъ спрашны на войнѣ и въ обществахъ. . . . о шѣхъ и говоришь спрашно! Не лъзя однакожъ не замѣшишь, что благовоспитаннымъ женщинамъ и слушанъ ихъ спрашно! Во всѣ свои рассказы они слишкомъ много пересыпаютъ площадной соли!...

Что показываютъ въ Парижѣ.

Въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, на каждомъ почти шагу въ Парижѣ что нибудь да показываютъ! Кромѣ извѣстныхъ главныхъ шедевровъ, множество шутовскихъ и гаерскихъ разбѣжно по бульварамъ, подъ галереями, и каждый имѣетъ свою полну зрителей. Въ одномъ мѣстѣ показываютъ *Китайскія тѣни*, въ другомъ *искусвеннаго слона*; тамъ цѣлую рошу ученыхъ чижей; далѣе болшливое общество попугаевъ. Обезьяны, сурки и собаки дославляютъ хлѣбъ многимъ зашѣйникамъ. Пещера непостижимаго человека (*l'homme incomprehensible*) всегда осаждена полною звѣкѣ. Смотришь и дивяшься, какъ искусникъ глотаетъ палки, камни и желѣзо!... У *Презо* показываютъ землю (большой глобусъ), у *Курція* великихъ людей. Слово *показываютъ*, (on

montre) вершился безпрестанно на языкъ Парижанъ. Съ нѣкошораго времени у нихъ все сдѣлалось *показнымъ* — и всѣ великія произшествія какъ будто имъ были только *показаны!* . . .

Въ одномъ концѣ Парижа рубили головы, а въ другомъ, смѣясь, говорили: „шамъ *показываютъ* дѣйствіе галліюшины!“

При появленіи *кометы* въ 1811 году, одна Парижанка писала къ своей пріятельницѣ изъ города въ деревню: „какъ не къ спашѣ, милая! уѣхала шы опсюда съ своею Графинею! У насъ въ *Парижѣ* (chez nous à Paris, любимая поговорка Французовъ) *показываютъ* прекрасную *комету!* — Я уже раза при успѣла побывашь на *мосту художествъ* (Pont des arts), опкуда она очень видна! Увѣряюшъ, что такія *кометы* показывающся только черезъ сонни лѣшъ; а пошому мнѣ очень больно, сердечно жаль, что

шы, моя милая! не могла шеперь увидѣшь *этой!*” Предсшавъше, что эша добрая Парижанка ошъ чистаго сердца вѣрила, будшо за 20 вершѣ ошъ Парижа комета уже не видна! . . .

ПАГУБНЫЯ СЛѢДСТВІЯ МОДНОЙ ОДЕЖДЫ И ТАНЦОВЪ, ИЛИ СМЕРТЬ РОБЕРТИНЫ ДЕ ВИЛАРМОНЪ.

Прелесшная Робершина Вилармонъ была украшеніемъ Парижскихъ обществъ, душею семьи своей, любовью и радостію родителей. Получа опличнѣйшее воспитаніе, подвнеусыпнымъ надзоромъ рѣдкой мапери-нашавницы, она дивила, ушѣшала и очаровывала всѣхъ своими дарованіями, скромностію и необыкновенною доброшою сердца. Наружная краса сошвѣшшвовала нравшвеннымъ качествамъ ея: я никогда не видалъ шакого живаго румянца на лицѣ и шакихъ прелесшныхъ глазъ! На балахъ, вѣ

домашнихъ концертахъ и на праздникахъ Робертина была первою. Неизвѣстимое очарованіе любезности влекло къ ней взоры и сердца. Сама нѣжная мать не могла наглядѣвшись на свою милую дочь.

Но не долго была она щастіемъ родныхъ и постороннихъ! на прѣлесной зарѣ юности разцвѣщающая жизнь ея увяла въ объятіяхъ страшной смерти. Слѣпое повиновеніе строгимъ усваиваніемъ безсмысленной моды погубило дѣвицу сію! Насъ позвали на одинъ модной балъ (*). Веселая и счастливая Робертина, какъ милая весенняя пшичка, порхала въ танцахъ и забывала о всемъ. Далеко за полночь продолжался балъ. Наконецъ стали развѣзжаться. Робертина набросила шаль, надѣла салопъ и за-

---

(*) Все это рассказываетъ П. Пустынникъ.

была, что есть на свѣшѣ про-
 спуда. Вышли на крыльцо, до-
 жидались карешы, почувствовали
 холодъ; но домой прѣехали безъ
 всякихъ худыхъ предчувствій.
 На другой день получаю съ на-
 рочнымъ записку, что Роберти-
 на занемогла. Слѣшу въ домъ
 Вилармона и — какая перемена
 въ одну только ночь!... Ужас-
 ная боль въ головѣ, тоска въ серд-
 цѣ, колоше въ груди и жаръ во
 всемъ тѣлѣ: вотъ въ какомъ по-
 ложеніи заснулъ я ту, которая
 наканунѣ цвѣла какъ роза!...
 Балъ и модная одежда открыли
 ей дверь хладной могилы: она про-
 спудилась! — Ни слезы и мо-
 лишвы родителей, ни молодость
 цвѣтущихъ лѣтъ не спасли зло-
 получную... Спустия день или
 два, меня позвали на похороны!...
 Ешлись и въ Парижѣ, куда зима
 едва заглядываетъ, мода и балы
 имѣютъ споль гибельныя по-
 слѣдствія, чегожъ должно ожи-

дашь ошѣ нихѣ въ нашихѣ спо-
 лицахѣ Сѣвера? — На кладби-
 щахѣ Парижскихѣ можно на-
 шашь надписи: „здѣсь погребена
 Графиня N. N: во цвѣтѣ лѣтѣ
 и красоты она сдѣлалась жер-
 твою баловѣ и модныхѣ одеждѣ!“
 Одинѣ искусной Парижской врагѣ,
 разсуждая о вредѣ мяшежной
 свѣтской жизни и легкихѣ одеждѣ
 для красоты и здоровья, помѣ-
 шилѣ нѣсколько разительныхѣ
 примѣровѣ въ книгѣ своей, на-
 званной: *другѣ женщинѣ*. Я желалѣ
 бы, есшѣлибѣ позволяло время и
 мѣсто, привести сотни такихѣ
 примѣровѣ, чшобѣ осперечь пре-
 лестныхѣ соотечественницѣ на-
 шихѣ ошѣ подобныхѣ случаевѣ.
 Желалѣ бы я обладать даромѣ
 изящнѣйшаго краснорѣчія, чшобѣ
 убѣдить прекрасныхѣ Россіянокѣ
 рѣшиться наконецѣ разшоргнуть
 тяжкія узы пусныхѣ свѣтскихѣ
 приличій, и владычествую надѣ
 сердцами, перешагѣ раболѣбно

покоряшься безсмысленному и пагубному владычеству моды. Сверхъ былъ всегда колыбелью красоты. Въ сшуденомъ дыханіи зимы амбли розами красавицы наши. Пріятныя семейныя ветеринны, шикая жизнь и теплая одежды сохраняли на долго здоровье и красоту. Кто изъ Рускихъ забудешъ прекрасное выраженіе Сумарокова? Разсуждая о дарахъ природы, онъ говоришъ, что она дала намъ красоту, на мѣсто винограда! — Чшо жъ похищаетъ шеперь у насъ сей прелестный природы даръ? — Мяшечная свѣтская жизнь, сидѣнье за картами, круженье въ шанцахъ, бессонье, легкія одежды и всѣ вычурны и причуды моды. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка выходитъ въ свѣтъ мила, какъ ангелъ, свѣжа какъ цвѣшокъ!... Прокружись недѣли двѣ на балахъ — и гдѣ ея красота? — Румянецъ блѣднѣетъ, лицо желшветъ;

въ глазахъ помно, подъ глазами
 сине . . . . Мигрени, исперики,
 зубная боль и нервныя судороги
 слѣдуютъ за нѣсколькими днями
 упоенія и забавъ! . . . , Это ужа-
 сно, и пошому болѣе ужасно, что
 справедливо! Такъ скажешь мнѣ
 знающій спраннысти свѣща че-
 ловѣкъ. Но, прибавишь онъ,
 ты напрасно хочешь убѣдись
 одною страницю въ томъ, о чемъ
 писали цѣлыя книги и все не въ
 прокъ! . . . . Свѣщская женщина
 прогнетъ, пойметъ и не послу-
 шаетъ! — Нѣтъ! говоришь мнѣ
 тайное предсущество : „если
 только прогнетъ, то пойметъ;
 а если пойметъ, то вѣрно по-
 слушаетъ!“ „Ибо это клонится
 совершенно къ пользѣ ея,“ при-
 бавляешь здравой разсудокъ. По-
 смощимъ, что покажешь, и кого
 изъ насъ оправдаешь опытъ! . . .

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ МОДНОЙ ПАРИЖАНКИ.

⁸/₂₀ Января 1812 года.

Въ 5 часовъ утра уѣхала я отъ Гжи В* * * Она дала намъ чрезвычайный балъ, только ужъ черезъ чуръ много назвала гостей!.. Я бы выслала по крайней мѣрѣ сто человекъ, которые совсѣмъ не рождены для большаго свѣща, негодны для блестящихъ обществъ; они были лишніе: не играли въ карты, не шанцовали, слонялись какъ тѣни.... Еще не было и шрехъ за полночь, а муженекъ мой зашѣялъ ѣхать домой. Куда спраненъ: сущій чудакъ! На него однажъ часто находить такая блажь! За то какъ всѣ смѣялись надъ нимъ!... Угрюмецъ разсуровѣлся, заворчалъ и уѣхалъ домой—одинъ! Чшожъ, за бѣда! кому угрозилъ? — Я, повеселилась еще часъ или два, и прелесной молодой Савиньоль проводилъ меня

до дому. — Въ полдень Викшорина принесла кучу нарядовъ: что-то все не по мнѣ. Викшорина право кажешся за одно съ Кавалеромъ N* * * Не даромъ она все швердишь мнѣ про него. Есшьли ей вѣришь, то онъ три раза заходилъ вчера ко мнѣ и цѣлой вечеръ рыскалъ по всемъ шапрамъ, чшобъ только взглянуть на меня! Однако я рѣшилась прочишь дружка порядкомъ: онъ не увидишь и шѣни моей цѣлыя два дни! — Посолъ приглашаешъ меня сего дни къ обѣду; всепокорнѣйшая служница ваша, Господинъ Посолъ! Я и намѣдни чуть не умерла у васъ со скуки! — При томъ же вѣдь мужъ мой ужъ вѣрно будешъ шамъ, и я опяшь должна ворошиться домой съ шоскою, съ мигренемъ и съ мужемъ! . . . .

НВ. Не забышь бы мнѣ сполкнушь Г. Дюлака. Эшотъ повѣса изволилъ забышь, что по моей милосши

попалъ въ люди. Я вынудила Министра дать ему Иншенданшское мѣсто; а онъ, какая неблагодарность! не хочешь ссудить меня и тысячью рублями! . . . . Я уснула поздно. Мужъ мой допущенъ ко мнѣ не прежде двухъ часовъ. Шагъ въ комнату — и я тотчасъ увидѣла, что у него длинное лицо и полонъ ротъ упрековъ: онъ пришелъ бранишься! Но я умѣла найтись, и чтобы опразить ударъ ударомъ, напустилась сама на него. Я выговаривала, за чѣмъ шакъ долго не готова кареша, почему не принесена шаль, за чѣмъ не ошкуплена въ театрѣ ложа и проч. и проч. . . Я наговорила ему при томъ сколько колкости, что ешьлибъ колкія слова въ самомъ дѣлѣ кололись, то на немъ не оспалось бы живаго мѣста! . . . Мой доброй мужъ выслушалъ все со смиреніемъ, объяснился съ крошестію: мы обнялись и помирились. — Онъ обѣ-

щаль заплашишь мои послѣдніе долги: чевожь лучше! . . . Чшобь опвязашься оть сшрасшнаго *Доримона*, который шаяль и вздыхаль у меня цѣлое ушро, я одѣлась прежде времени и велѣла везши себя въ манежь. *Сурди* подвелъ мнѣ *Зефирину*. Я оть этой лошади безвума! . . . Онъ, правда, ушупаеть мнѣ ее по знакомству за 3000 рублей: конюшій мой увѣряетъ, что это за безцѣнокъ! . . . Мнѣ вздумалось пробѣздишься верхомъ Молодой N** случился шумъ. Я позволила ему побѣхашь съ собою. Мы проскакали добрыхъ двѣ мили. — На пуши встрѣтился трактиръ. я сошла съ лошади и сыграла съ нимъ двѣ *парти* на биліардѣ N** бойкой игрокъ, однако не опважился дашь мнѣ больше шести впередъ. — Въ 5 часу ворошились въ Парижь. Я заглянула, мимоѣдомъ, въ лавку *Нутье*: ничего хорошаго! Молодая оперная акшприса

купила при мнѣ на 2000 франковъ
вдругъ! Плашельщикъ ея, Коман-
доръ Д** думалъ, что я его не
замѣшила. Опъ моихъ глазъ ни-
что не ускользнешъ! Завтра бу-
ду слушашъ въ церквѣ Свящ. . . .
проповѣдь Епископа Н. . . о тщетѣ
погестей и суетѣ мірскихъ
забавъ: посмотришь, чѣмъ онъ
обрадуешъ насъ лучшимъ! . . .

⁹
21 Г е н в а р я.

. . . . .
Я была въ госняхъ и надрыва-
лась со смѣху.—Играли въ Кребсѣ.
Я пошла въ половину къ Пол-
ковнику L. . . Мы проиграли про-
пасъ! . . . Ну, чѣмъ же помочь? . . .
придется заложить склаважъ! Нѣ-
чего дѣлать! . . . Не въ чемъ будешь
показаться влуди: шакъ и живи! . . .
Ужъ разсвѣло порядочно, а я
только что ворошилась домой.
Спальня моя полна прекраснѣй-
шихъ Восточныхъ ароматовъ;
мнѣ привезъ ихъ Графъ С. . . .
изъ Констаншинополя. Д^ноброй

мой мужъ, и безъ меня думая
только обо мнѣ, велѣлъ Викторинѣ
накурить ими въ спальнѣ моей,
зная, что мнѣ это нравится....

Спальня Парижской шеголихи.

Прелестная Гжа К* * ложив-
ся въ препышную постель Надъ
нею зеркальный сводъ; кругомъ
шали и кисеи; подлѣ столика съ
модными романами. Въ прозрач-
ной алебастровой урнѣ, окру-
женной цвѣточною рощицею, теп-
лился ночная лампада. Тихой, се-
ребряной свѣтлѣ чуть брезжепѣ
сквозь зелень. У мужа болпшѣ го-
лова: онѣ спитѣ на другой по-
ловинѣ. Нѣсколько служанокѣ,
умывъ красавицу розовою водою,
и окуря комнату аромашами, ухо-
дятѣ. — Все тихо... Два часа
за полночь; но прелестная Гжа. К*
не можетѣ уснуть: какое-то
внутреннее безпокойство превоз-
житѣ ее. Вдругѣ послышался ши-
хой шорохѣ; пошатенная дверь,

закрытая карпиною , шихонько
ошпахнулась . . . Шелестъ шаговъ
умножается ; въ зеркалѣ мелька-
етъ знакомая шѣнь . . . „А мужъ?—
Онъ слитъ. — Покойной сонъ! . . .”

ОБРАЗЧИКИ ГАЗЕТНЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ
ОБЪЯВЛЕНІЙ.

1.

„Женщина лѣтъ въ 40, но еще
свѣжая и здоровая (bien conservée)
предлагаетъ у себя столъ и ком-
напы молодому человѣку хоро-
шей фамиліи. Рѣшаясь на вызовъ
сей , она имѣетъ въ виду не
столько денежной прибытокъ ,
какъ пріятное провозденіе време-
ни съ поселяльцомъ своимъ. —

2.

„Молодой человѣкъ изъ хоро-
шаго дома, сдѣлавшій большіе успѣ-
хи въ наукахъ , разумѣющій по-
чти всѣ Европейскіе языки и
умѣющій играть на многихъ
инструментахъ , желаетъ опре-
дѣлиться — въ камердинеры !!!”

3.

„Семнадцатилѣтняя деревенская дѣвушка, здороваго сложения, пріятной наружности и прескромнаго поведенія, желаетъ опредѣлиться къ холостому мужчине въ ключницы. Она имѣетъ прекраснѣйшія одобришельныя свидѣтельства отъ тѣхъ, у которыхъ служила прежде.”

4.

„Молодая и здоровая дѣвица, лѣтъ двадцати двухъ, желаетъ опредѣлиться въ кормилицы. Она уже была въ семъ званіи нѣскольکو разъ и умѣетъ обходиться съ дѣтьми. О честномъ и добропорядочномъ поведеніи своемъ предскажетъ она самыя удовлетворишельныя свидѣтельства.”

5.

„Вызывающіяся охотники заложить банкъ въ 20,000 франковъ. Лучшие игроки D*** и L... сдѣлаютъ вѣрнѣйшій расчетъ по правилу товарищества (каршежнаго),

ручаюся, что складчина сія ежедневнаго барыша приносишь будешь непременно по 800 франк. Людей, съ кошорами надлежишь вступишь въ дальнѣйшія по сему предмету объясненія, можно застать отъ полудня до полуночи въ Пале-Рояль подъ No 109.”

6.

„Любезная и умная молодая дѣвушка предлагаешь руку и сердце человѣку лѣтъ въ 60; но богашому и бездѣшному, который, наскуча шумомъ и суешами свѣтской жизни, желаетъ успокоиться въ объятіяхъ милой подруги и вкусишь всю сладость домашняго благополучія.”

7.

„Мущина лѣтъ 36, изъ себя видный, пригожій, хорошій музыкантъ, любезный въ обхожденіи, однимъ словомъ имѣющій всѣ средства нравишься женщинамъ; при томъ попомокъ древнѣйшаго поколѣнія *Графовъ Тулузскихъ*,

имѣвшій значныя помѣстья до революціи, ищещъ въ супруги себѣ вдову, кошорая бы имѣла вѣрнѣйшаго доходу 80,000 франковъ! — Онъ не гоняется за молодостию лѣтъ, а еще менѣе за красою; но желаетъ найти въ женѣ своей кротость, мягкосердечіе и сговорчивость, увѣренъ будучи, что одними только сими качествами устроивается счастье семейственное. А какъ не худо прежде свадьбы другъ на друга взглянуть, по онъ и объявляетъ, что его можно встрѣчать всякой день въ 4 часа по полудни на извѣстной *террасѣ* въ Тюльери, и пр.

NB. Въ сихъ объявленіяхъ можно видѣть образчики особенныхъ, однимъ только можешъ быть Парижанамъ свойственныхъ, обычаевъ и нравственности ихъ.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ.

Каждый искусникъ окруженъ толпою зрителей. Одинъ продаетъ чудесные зубные, другой лице-блѣшительные порошки и мази; прешій торгуешь помадою, ошъ кошорой волосы распушъ не по днямъ, а по часамъ! . . . Тамъ уличной Химикъ показываетъ чудесные опыты своей науки. Здѣсь молодая дѣвочка — чѣмъ вы думаете промышляетъ деньги? — Искусствомъ и навыкомъ вершѣшься съ удивительною скоростію по цѣлому часу на одной ногѣ! Другая наигрываетъ разныя аріи вода першомъ по рюмкамъ и стаканамъ. — Далѣе цѣлая семья, ошъ дѣда до правнука, достаетъ дневное пропитаніе ломаньемъ, кошорое приводитъ въ содраганіе, возбуждая сожалѣніе и ужасъ. Прыгуны, гримасники, шуты, плушты и нищіе мелькающъ въ народѣ. Въ разныхъ мѣстахъ видишъ цѣлыя толпы куколъ, за-

бавляющія толпы зрителей. Если прибавишь къ сему многолюдство толпящееся у чешырехъ большихъ шапировъ, и наполняющее юв ярко-освѣщенныхъ кофейныхъ домовъ : то можно сосставишь себѣ въ умѣ картину народнаго движенія въ Парижѣ и имѣшь поняшіе о вечерней прогулкѣ по бульварамъ.

Вотъ каковы Парижанки.

Не правда ли (говорилъ неопытной молодой человѣкъ посѣдѣвшему въ Парижѣ шарикю), не правда ли, что эта прелестная женщина въ модномъ шипомъ плашье должна бышь молодая вдова? А почему ты это думаешь? — „Потому, что она такъ ловка, бойка, рѣзва и развязна въ обхожденіи; такъ остра и свободна въ рѣчахъ...” — Ты ужасно ошибся, опвѣчалъ шарикъ. Эта молодая женщина шолько за недѣлю предѣ симъ вышла за мужъ. Она плашишь ше-

перъ свадебные визиты свои и въ этомъ домѣ еще въ первой разв. Отъ чегожъ такая способность бытъ въ людяхъ, какъ дома; отъ чего всѣ эти приемы, показывающіе женщину самаго большаго свѣта!" — Это плоды нынѣшняго воспитанія! Прежде, говорилъ старикъ, новобратную пошчасъ можно было узнать и оплечить по скромности, застенчивости и милой стыдливости — „Бытъ такъ, я ошибся! — продолжалъ молодой человекъ — но согласи- шесь, что вонъ эта молодая дѣ- вушка, на кошорой муселиневое платьѣ дѣтскаго покроя (robe à l'enfant), и кошорая сама мила какъ дитя, кошорая — цосмошри- те на нее пожалуста — такъ мед- ленно подымаетъ длинныя чер- ные рѣсницы, заслоняющія по- чти всегда пошупленные прекрас- ные глаза; кошорая съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ, съ та- кою примѣшною робосшію слу-

шаешь неопвязчиваго, дороднаго мужчину, копорый кажется пугаетъ ее однимъ видомъ своимъ... согласишься, что эша дѣвушка вопишанница какого нибудь *Института* и опущена къ роднымъ на праздники, въ гости: не правда ли? Я угадалъ?" — Совсѣмъ не то!... воскликнулъ шарикъ, и не могъ удержаться отъ смѣха. Женщина, о копорой ты говоришь, уже не одинъ разъ была за мужемъ. Ея молодость поддѣльная. Теперь она вдова. Эшо сущій *Алквиадъ* женскаго пола! Съ первымъ мужемъ, Амстердамскимъ банкиромъ, она обвѣздила всѣ торговые города Европы, судя и шолкуя съ купцами о повышении и упадкѣ курса, о шаможняхъ, шарифахъ и проч. Вышедъ, въ другой разъ, за Кирасирскаго Полковника, она совсѣмъ перемѣнилась въ обычаяхъ и нравѣ. Изо дня въ день бывала въ манежѣ у *Сурди*, скакала, рыскала и пере-

щеголяла всѣхъ въ верховой ѣздѣ. Не рѣдко видали ее лешящую спрѣлою съ полкомъ въ ашаку, или порхающую зефиромъ вокругъ учащихся эскадроновъ. Теперь она помолвлена за Епископскаго племянника, и ты видишь, хорошоль играешь роль смиренницы!

„Не уже ли я и шеперь ошибусь (говорилъ оняшь молодой чело-вѣкъ), ешьли сшану ушверждашь, что вошь ша живая, вѣшренная брюнетка, кошорая минушы не посидишь на мѣсшѣ, кошорая въ при чешверши часа успѣла перешешашься съ каждыъмъ избъ гостей и каждыго подарила умиль-нымъ взглядомъ, наградила ласковою улыбкою, у кошорой въ глазахъ свергаешь шакой огонь... не ужели она не сущая кокетка? — „Она шакъ далека ошъ ко-кешешва, какъ небо ошъ земли. Эшо добрая, нѣжная, милая го-спожа *Линьіоль!* Не пламя пороч-ной спрасши, но чистѣйшій огонь

благородной души блистаетъ въ глазахъ ея. Пораженная предчувствіемъ скорой смерти, предчувствіемъ къ несчастію слишкомъ справедливымъ, она *торопится жить*; ей бы желалось превратить дни въ годы: ошъ того такая непомѣрная дѣяшельность!... Она любитъ науки, покровительствуетъ дарованіямъ, помогаетъ бѣднымъ и плачетъ о несчастныхъ. Одинъ изъ друзей ея сказалъ недавно, что у нее *голова мужская, тѣло женское; а сердце Ангельское!* и это сущая правда!... „Виноватъ! виноватъ предъ госпожею *Линьіоль!* но за то ужъ теперь вѣрно воздамъ достойное достойной. Такъ говорилъ молодой философъ, который не умѣлъ еще проникать во глубину сердца человѣческаго и постигать тайны его.— „Вотъ *эта*, продолжалъ онъ, *сихая, скромная, не красивая и не дурная, немного рябоватая* лицомъ женщина,

кошорая нѣсколько разъ прослезилась и нѣсколько десятковъ разъ вздохнула, когда рассказывали о гибели Французовъ въ Россіи, о сраженіяхъ прошлой войны, кошорая кажешся всегда принимаешъ участіе въ чужомъ горѣ, за всѣхъ сохнетъ, безпрестанно подымаешъ глаза къ небу, кладешъ руку на сердце, говоришъ о набожности, о покаяніи, носишъ цѣлый годъ шрауръ по шроюродномъ брашъ: эша женщина должна бышь очень чувствительна и очень мила, не правда ли?" — Ее лучше всего можно описать стихами Г. Жаклена, ошвѣчалъ шарикъ: вошъ они, а въ нихъ и шочное изображеніе ея:

„Задумчива, уныла
Въ собраніяхъ она;
Гыдаешъ слезно — въ драмѣ;
А дома — мужа бьетъ!..."

„Ну! воскликнулъ молодой на-
блюдашель: узнай же, послѣ эшо-
го женщинѣ — въ Парижѣ!!!”

РАЗНЫЯ МѢЛКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПАРИЖѢ И ФРАНЦУЗАХЪ.

„Гораздо дешевле воспиташь двоихъ дѣшей, чѣмъ свозить пять или шесть разъ въ годъ жену свою на балъ!“ Такъ говорятъ Французы. И въ Парижѣ рыскашъ по баламъ накладно для здоровья и кошелька!

„Французы пользуются гошовыми сужденіями и гошовыми выраженіями (phrases), какъ изгошовленными блюдами.“

Наканунѣ смерти Лудовика XVI Французы пѣли. . . Нѣкто сказалъ: есшьли разрушишя свѣшъ и останешя только небольшой обломокъ земли, на кошоромъ Французу можно ходишъ— онъ и шамъ будешъ прыгашъ и пѣшъ.

„Вы журише меня за то, что я принимаю въ домъ эшаго чловѣка— говорила одна дама— ужъ

ли думаете, что свойства и поведение его мнѣ неизвѣстны? — Все знаю; но согласитесь, что въ Парижѣ запираютъ дома только для шѣхъ, которые смѣшны (ridicules), скучны или слишкомъ просты; эпитѣ же человекъ напрошивъ имѣетъ острый умъ и очень острый языкъ: онъ не спускаетъ и ошцу родному, а щадитъ только шѣхъ, у которыхъ обѣдаетъ.”

Еслили разложитъ химически уличные шолпы Парижанъ, то вѣрно найдешъ, что каждая состоитъ: изъ звѣакъ (badeaux), плутовъ (chevalier d'industries) и забіякъ (qui viennent chercher querelle).

Корыстолюбіе есть одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ въ Парижѣ. Качества человека цѣнятъ по количеству доходовъ его. Рѣдко смотрятъ на личность, но всегда почти на наличность. Кто богашъ,

входишь въ долги и плашишь ихъ:
шошь прекраснѣйшей человекъ!

Со времени *революціи* дѣши на-
чали говоришь опцамъ своимъ
ты (*tutoyer ses parents.*) — Опцу,
машери и сеспрѣ говоряшь они:
ты; а кучеру, лакѣю и горничной
дѣвкѣ: *вы* (*vous*): пошому чшо,
(шолкуюшь они) всякой въ семьѣ
своей одинъ другому равенъ, и
сынъ-де опцу и машери ничѣмъ
не одолженъ! — *Chaque âge a ses
plaisirs, son esprit et ses mœurs!*
Всякое время имѣешь свой духъ,
свои обычаи и нравы! . . .

Но обнаруживая безщадно сла-
бые стороны Парижанъ не лзя
не опдать справедливости и шо-
му, чшо въ нихъ досшойно вся-
кой похвалы. Не упоминая за краш-
костію о прочемъ, я скажу шоль-
ко о склонности ихъ къ ттенію.
Склонность сія господствуетъ въ
Парижѣ во всѣхъ сосшояніяхъ на-

рода. Богачѣ въ палахахъ , бѣд-
 някѣ въ лачугѣ, поденщикѣ, отды-
 хая подлѣ своей ноши, — читающѣ!
 Въ каждомъ домѣ увидишь книги,
 найдешь семейныя чтенія. *Уте-*
ныя общества, которыхъ въ Па-
 рижѣ очень много, въ непрерыв-
 ныхъ занятіяхъ; въ типографі-
 яхъ вѣчное движеніе, и сколькобъ
 ни напечатали, все разкупаютъ!
 Извѣстно, что *Прюдомъ* и мно-
 гие послѣ него издавали хорошихъ
 журналовъ имѣли по 10,000 под-
 пищиковъ!!... Довольно напи-
 сать одну порядочную книгу, чтобъ
 сдѣлаться извѣстнымъ и быть
 ласково приняту въ знаменѣй-
 шихъ обществахъ Столицы. *Ху-*
дожники также, какъ и *писате-*
ли, пользуются въ Парижѣ всеоб-
 щимъ уваженіемъ и сославляющъ
 свое и семействъ своихъ счастье
 трудами, которые прославляя
 ихъ отечество, вмѣстѣ съ спо-
 собами къ жизни, доставляющъ
 имъ и право на безсмертіе. —

Послѣ сего замѣчанія невольно скажешь самъ себѣ: ешлы уже суждено рокомъ намъ Рускимъ передразнивать во всемъ Царизанѣ и слѣпо покаряться модамъ ихъ: шо почему вмѣсто всего, что занимаемъ у нихъ *худова*, почему не переймемъ *хорошаго*? — Для чего, на примѣрѣ, заражаясь ихъ развратомъ, не заразимся спрашю къ чпенію и не займемъ у нихъ благородной склонности къ ободренію наукъ, свободныхъ художествъ и къ почитанію всего опечесшвеннаго? Почему въ обоихъ Столицахъ нашихъ не продадутъ въпяшь лѣшъ сполько книгъ какъ въ Парижѣ въ одинъ годъ? Почему прекраснѣйшіе художники, кошорые превосходными шрудами принесли бы Chesъ каждому народу, живутъ у насъ въ глубокой неизвѣсшности и въ непрерывныхъ заботахъ о способахъ жишъ (*)?

(*) Не упоминая о другихъ, я скажу щелько о почтеннѣйшемъ Г. . . .

Для чего — странность неизъяснимая! художники, сдѣлавшіе имя свое извѣстнымъ въ Европѣ, пріобрѣтшіе вниманіе народовъ чуждыхъ, возвращаясь въ отечество, исчезаютъ въ глубокой тѣни

Θ**. П**. Т****. Поспигнувъ еще въ лѣтахъ ранней молодости, что ни знашый родъ, ни пышная пишла, которыя блестящъ и меркнушъ какъ *полуда*, не доставляющъ лестнаго для благородныхъ душъ права на безсмертіе, онъ испоргнулъ себя изъ пресмыкающейся толпы поклонниковъ славнаго счастья и все свое время посвятилъ служенію добродѣтели и неусыпнымъ трудамъ, въ конюрьхъ, къ чести Рускихъ, сдѣлавъ успѣхи неимовѣрные! — *Лѣльныя картины* его ознаменованы *лечатию совершенства*. Имя его знакомо въ Италіи, Англии и Германіи; *мыслюль* и *отдѣлкою* изображений его восхищаются всѣ знашюки.

. . . . .
 . . . . .

неизвѣсности (*)? Для чего? . . .
 Но уже исчезаетъ ночь заблужденій, и солнце просвѣщенія восходитъ! Богиня мудрости будитъ жезломъ уснувшее дарованіе: оно открываетъ глаза и въ срединѣ лугезарнаго свѣтила дня видитъ имя Августѣйшаго покровителя наукъ (*)! Чувство привязанно-

---

(*) На примѣрѣ: Г. Ут. . . . нѣ, почи-
 шавшійся въ Парижѣ вшорымъ граве-
 ромъ и снискавшій шамъ большую
 славу, возвращаясь въ отечество,
 живешъ почти безъ дѣла и вниманія!
 Еслилибъ вельможи наши, вмѣсто
 покупки дорогою цѣною ничего не-
 значущихъ поддѣльныхъ картинъ
 у иноземныхъ шарлапановъ, захо-
 шѣли украсишь палаты свои произ-
 веденіями Руской кисти и рѣзца:
 шо отечественныя художества ко-
 нечно взошли бы на высокую сте-
 пень совершенства.

(*) Мысль сія прекрасно изображена
 на медали, за нѣсколько предѣ-
 симъ лѣшъ вырѣзанной Г. . . . Т***.

спи ко всему изящному въ ошечествѣ пробуждаешся въ сердцахъ Россіянъ!

Парижъ (наканунъ отъезда).

Мѣсто въ дилижансѣ заказано; завтра ѣдемъ: сего дни спѣшимъ бросить послѣдній прощальный взоръ на Парижъ.

Смотрѣ Французскихъ войскъ въ Елисейскихъ поляхъ привлекаетъ всеобщее вниманіе. Народъ валилъ толпами къ Тюльери. Одни хотѣли увидѣть Короля и Принцовъ; другіе увидѣть что нибудь; а третьимъ хоть ничего не видай, только смотрѣть!... Мы предались влеченію толпы и очутились у дворца. Передъ ворошами очищено мѣсто. Ожидали выхода Герцога Ангулемскаго: ему надлежало осматривать войска. Подвели спашную сѣрую Горскую лошадь всю въ золотѣ. Народъ любовался ею. Долго дожидали

Герцога Ангулемскаго. Герцогъ Берри показался на минушу и скрылся! — Два или три Генерала и нѣсколько придворныхъ бѣгали назадъ и впередъ. Наконецъ появился Герцогъ Ангулемской бодръ, свѣжъ и блистателенъ. Народъ ошашнулся — Герцогъ мигомъ на лошадь; еще мигъ — и онъ полетѣлъ бы вихремъ . . . Но пресмартный Инвалидъ схватилъ одною рукою лошадь за поводъ, а другою подавъ ему прошеніе. Пожилыхъ лѣтъ женщина, подошла съ другой стороны и подала также бумагу. Я только и ждалъ, что Герцогъ скажетъ: *не время!* и Полиція схвативъ просителей; но къ чести Герцога, къ утѣшенію Французовъ и къ собственному моему восхищенію — я ошибся! Герцогъ принявъ прозбы милосшиве, взглянулъ на просителей ласково, тихо повернулъ лошадь и быстро съ мѣста помчался какъ вихрь. — Въ шу

минушу, когда Герцогъ принялъ прозьбы, и не передавая никому, клалъ ихъ, разстегнуувъ двѣ пуговицы, къ себѣ за мундиръ, какъ будшо говоря симъ движеніемъ: „я принимаю прошенія несчастныхъ близко къ моему сердцу,“ — въ шу самую минушу вся толпа народа, до того молчавшая, какъ будшо по какому волшебному знаку, крикнула въ одинъ голосъ: „Vive le Duc d'Angouleme!“ да здравствуетъ Герцогъ Ангюлемской! На эшомъ разѣ крикъ сей не былъ обыкновеннымъ пустымъ привѣтствіемъ, встрѣчающимъ Государей: онъ былъ опголоскомъ сердецъ, восхищенныхъ благороднымъ поступкомъ. — Мы иностранцы, но съ удовольствіемъ подражали въ эшомъ случаѣ Французамъ и кричали вмѣстѣ съ ними. Благородные подвиги совершающіяся для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. — Войска были построены по аллеи Елисейскихъ полей. Гер-

цогъ скакалъ по рядамъ. Кирасирскія дивизіи, гренадеры, мушкетеры и егеря кричали (и кажешся не по заказу): „да здравствуетъ Герцогъ!“ — „Да здравствуетъ Король!“ закричалъ Герцогъ, и войско повторило кликъ сей.

П А Р И Ж Ъ . В Е Ч Е Р Ъ .

Всякую недѣлю бываетъ гулянье въ *Тиволи*. Мы сей часъ опшуда. Какое прелестное гулянье!... Садъ — волшебный чертогъ! — Деревья, ограды, долины унизаны, уставлены, осыпаны фонарями и плошками. На одной половинѣ сада не было неосвѣщеннаго мѣста, между шѣмъ какъ другая столько освѣщалась отблескомъ отъ первой, что можно только было видѣшь шемношу ея. — Гдѣ ни прислушаешься — музыка! Куда ни посмотришь — шанцы! — Въ одномъ углѣ видишь фокусниковъ, въ другомъ

ворожей, въ прешьемъ колдуновъ-опгадчиковъ. Картина этого общесвеннаго гулянья пещра, блистательна и разнообразна. Въ одномъ мѣстѣ открытый театр, осыпанный алмазными огнями. Высоко отъ земли перешянушы канашы, на кошорыхъ пляшущъ, прыгающъ, сидящъ и ложашся удивительные искусствомъ и ловкостію смѣльчаки. — Вдругъ зашумѣло что-то сзади; оглянлись — пожаръ *искусственной!* шамъ зажгли *фейерверкъ*. Какой великолѣпный, пышный, разноцвѣпный пожаръ! . . . Золотое, лиловое, розовое пламя широкими радугами распилалось по воздуху; алмазамъ, яхоншамъ и изумрудамъ подобные искры съ прескомъ и блескомъ лешѣли на верхъ! — Другой фейерверкъ изображалъ сраженіе. Звукъ, шумъ, перекапы грома точно какъ въ сраженіи! . . . Наконецъ все сгорѣло, угасло, померкло и смодило: общая учасшь

всѣхъ блистательныхъ явленій въ мірѣ!... Къ 12 часамъ садъ опушѣлъ.— Вотъ какимъ гуляньемъ можно наслаждаться здѣсь за 2 франка! — Сегодняшній вечеръ въ Парижѣ послѣдній; завтрашнее утро застанетъ насъ уже въ дилижансѣ— въ дорогѣ!... Прощай!

Выездъ изъ Парижа.

Съ первымъ лучемъ зари оставили мы квартиру свою; а восхождение солнца увидѣли уже за Парижемъ на дорогѣ въ Мо. Огромный Парижъ со всемъ блескомъ, шумомъ, великолѣніемъ и миліонномъ народа своего скрылся отъ насъ какъ волшебный сонъ!... Такъ уходилъ отъ глазъ моихъ прелестный Дрезденъ; такъ исчезла пышная Варшава.... Не такъ ли, о другъ мой! исчезнетъ и скроешь отъ пошухающихъ взоровъ и великая картина міра съ священными красами вѣчнаго

неба и живописными видами земли, когда душа, превращаясь въ одинъ послѣдній вздохъ, вырвешся и улетишь? — Прости! шакія мысли поражаютъ меня всегда, когда удаляюсь отъ большаго города въ шумъ, блескъ и вихряхъ котораго проводилъ нѣсколько дней.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Восемь часшей Писемъ Рускаго Офицера, обѣщанныя *Издателямъ* оныхъ (*), скоро оппечашаны будуще и одна за другою на судѣ просвѣщенныхъ Чипашелей предстанутъ. Какъ неопытный и еще безвѣстный Сочинитель писемъ сихъ, съ невольнымъ претпомѣ жду я приговора онымъ. Утѣшаюсь только тѣмъ, что не корысть или другія подобныя ей побужденія, но единственное желаніе угодишь сопечесшвенникамъ понудило меня писать о войнѣ подѣ звукомъ громовъ ея, изображать видѣ сраженій почти въ самомъ

(*) Право на первое изданіе книги моей и продажу оной предоставилъ я Московскому книгопродавцу О. . . . Л. . . . . Св. . . . . у, который и повѣщалъ обѣ ней ошѣ своего имени.

пылу оныхъ, дѣлашь повсюду наблюденія и всѣ замѣчанія, мысли и чувства свои осмѣлишь излагашь на бумагу. Счастливъ ешьли, необманушый въ надеждѣ и цѣли моей, заслужу благосклонное вниманіе просвѣщенныхъ Чипашелей. Оно послужитъ мнѣ лестнѣйшею наградою за слабый, но усердный мой трудъ. Счастливъ буду, ешьли книга моя принесетъ хоть малое удовольствіе вамъ, почтенные сыны Россіи, храбрые воины, пожалшіе лавры на родныхъ и чуждыхъ поляхъ!... Пусть напоминаетъ она вамъ, опдыхающимъ нынѣ отъ кровавыхъ трудовъ, въ объяшіхъ родныхъ и друзей, о прошлыхъ временахъ грозной войны, когда смерть съ огнемъ и громомъ носилась надъ главами вашими; когда темныя ночи заспигали васъ въ трудныхъ походахъ, а зори упреннія возвѣщали кровавые дни битвъ. На сырой землѣ было

ваше ложе, подъ опкрытымъ небомъ жилище, у полевыхъ огней приспанище ! Усердно работали вы опечесиву и вѣрно служили и прямили Царю! Счасливъ буду, еспьли и граждане мирные, давно или никогда невидавшіе кровавыхъ позорищъ войны, получашъ довольно живое понятіе обь оныхъ изъ описаній моихъ, и еспьли хошя слабо, и какъ будто издалека, увидяшъ въ нихъ каршины великихъ событій чудеснаго превращеніями и славою времени нашего. Еще болѣе почшу себя щасливымъ, когда, находя въ книгѣ сей вѣрное описаніе нравовъ и обычаевъ народовъ, усердную, изъ глубины сердца изливающую похвалу добродѣтели и безщадное порицаніе порока, отецъ велишъ читашъ ее своему сыну, и мать не опынешъ изъ рукъ у дочери. Но свыше всѣхъ мѣрв награжденъ буду, еспьли удостоюся, что книга моя не

недостойна бышь въ рукахъ будущаго Историка нашего времени и пошомства. Много погрѣшностей найдешь спорогой взоръ разборчивости въ недозрѣлыхъ трудахъ моихъ, и я заранѣе уже взываю къ снисходительности Читайшелей.

Да уважашъ обстоятельство, въ которыхъ я писалъ: они были слишкомъ затруднительны для Писателя(*). **Осьмая Часъ Писемъ**

(*) Еще разъ осмѣливаемся напомнить почтеннымъ Читайшелямъ, что записки, служившія основаніемъ книги сей, составляемы были среди всѣхъ ужасовъ войны, часто подъ открытымъ небомъ, у полевыхъ огней, послѣ проведеннаго въ трудахъ и сраженіи дня. Не благоприятны были обстоятельство и тогда, когда Авторъ *полевые записки* свои въ нѣкоторой порядокъ приводилъ. Заботы по жизни слишкомъ стѣсняють его. Писатели, занимающіеся трудами своими въ тишинѣ свѣтлыхъ и теплыхъ кабинетовъ,

Рускаго Офицера оканчивается описаніемъ Столицы Французской (*). Изъ Парижа, пробъзжая по направленію къ *Стразбургу*, познакомился я короче съ Фран-

---

не знающъ, что значить писать въ кварширѣ, гдѣ ошъ холоду сшынешъ чернило, или ошъ угару кружишься голова! . . .

(*). Авторъ пробылъ въ Парижѣ сколько дней, по сколько другіе прожили тамъ недѣль; а пошому и не могъ ни такъ разсмотрѣшь, какъ бы должно, ни такъ описать, какъ бы ему желательнo было Столицу Франціи. Кто захочетъ имѣшь лучшее поняшіе о Парижѣ, пошъ можешъ прочешъ *Письма Рускаго Путешественника*, въ которыхъ почтенной *Николай Михайловичъ Карамзинъ*, неподражаемымъ слогомъ своимъ, описалъ городъ сей до революціи. Есть у насъ *Панорама Парижа*, сочиненная *Г. Цветаевымъ*, и любопытная книга *Зеркало новаго Парижа*, издан. С. Г. На иностранныхъ же языкахъ описаніямъ Парижа и счешу нѣшъ. . . .

цією. Св любопытствомъ обозрѣвалъ Лотарингію; провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ *Нанси*, и св особеннымъ удовольствіемъ любовался прекрасными окрестностями Спразбурга, плодородными полями Эльзаса и прелестными картинами природы на тихихъ берегахъ величественнаго Рейна. — Нѣсколько незабвенныхъ дней провелъ я въ прекрасномъ Герцогствѣ Баденскомъ, въ странѣ, почиваемой садомъ Германіи. Я жилъ въ *Бруксаль* и видѣлъ *Карльс-Ругъ*, видѣлъ родину добродѣтельнѣйшей изъ Государынь, видѣлъ я родину Елисаветы. Вождѣнное присушствіе Ея придавало новый блескъ шѣмъ мѣстамъ и новое счастье жишелямъ оныхъ. Св живѣйшимъ восхищеніемъ сѣшили они насладиться лицезрѣніемъ *Той*, которая, какъ Ангелъ красоты и крошкы, восхищала ихъ еще въ дѣтствѣ своемъ. Но послѣ

долгой разлуки ожидали великихъ
 переменъ ; не дерзали прибли-
 житься къ Царицѣ Сѣвера : пола-
 гали, что владычество надъ седь-
 мою долею міра породитъ въ Ней,
 споль свойственную могущимъ
 обладателямъ, гордость и заспа-
 витъ забытъ тошъ тихой уго-
 ловъ, кошорый имѣлъ щасіе бытъ
 колыбелію Ея. Какъ много ошиб-
 лись въ сомнѣніяхъ своихъ! . . .
 Добродѣтель не подвержена пере-
 мѣнамъ : въ хижинѣ и въ чершо-
 гахъ , въ простой одеждѣ и въ
 великолѣпнѣйшей порфирѣ , въ
 мирномъ кругу родныхъ и въ шум-
 номъ движеніи подвласныхъ ей
 милліоновъ она неизмѣнна ни въ
 чемъ! . . . Елисавета, ошложа пыш-
 носъ и блески , кошорые всегда
 были ниже великой души Ея, яви-
 лась на родину въ небесномъ сія-
 ніи простоты и крошоты. То же
 ангельское сердце, кошорымъ вос-
 хищала всѣхъ прежде , принесла
 Она съ собою и шеперь ; та же

благость свѣщилась въ небесныхъ
 очахъ; та же очаровательная
 улыбка благоволенія озаряла ща-
 сшіемъ окружавшихъ Ея людей.
 Молча—привлекала; говоря—оча-
 ровывала. Высокая рудипельница
 узнала въ Ней любимую дочь, а
 бѣдные и несчастные узнали ма-
 шеръ свою. Всѣ бесѣды, въ по-
 время, когда мы проходили Гер-
 цогшво Баденское, украшались
 повѣствованіемъ о добродѣтеляхъ
 Государыни нашей. Ошъ Елиса-
 веты къ добродѣтели разговоръ
 всегда склонялся самъ собою. Всѣ
 сердца пылали усердіемъ къ Ней
 и священное имя *Богомъ обѣто-*
ванной(*) блистало во всѣхъ устахъ.
 Такъ, общимъ привѣщствіемъ сер-
 дець, встрѣчена была на родинѣ
 своей Государыня наша. И усерд-
 ный народъ Руской привыкъ обо-
 жать въ Ней великія добродѣтели,

(*) Греческое значеніе слова *Ели-*
заветъ.

еѣ которыми можешъ сравнишься
одна полько безпримѣрная скром-
ность Ея. —

Я видѣлъ *Лейбцигъ* и обозрѣлъ
на вѣки прославленные знамени-
ною побѣдою поля его (*). Про-
ѣзжалъ я щасливое Герцогство
Дессауское, видѣлъ еще разъ
величавую Эльбу и гулялъ въ
одномъ изъ первѣйшихъ садовъ
Европы въ *Вирлицѣ*. Въ Берлинѣ
былъ я свидѣтелемъ блистатель-
нѣйшихъ торжествъ, устроен-
ныхъ народомъ, привѣтствовав-
шимъ героя и Оцца-Монарха. Я
видѣлъ Государя, возвращеннаго
къ щастію Пруссіи, видѣлъ его
семейство, дворъ, знаменистѣй-
шихъ Генераловъ, и ощасливленъ

(*) Историческое описаніе знамени-
той битвы при Лейбцигѣ, со всѣми
сопровождаящими оную обстоя-
тельствствами и планами, помѣщено
будешъ со временемъ въ IX части
новаго изданія Писемъ Рускаго
Офицера.

былъ особеннымъ возрѣніемъ великодушнаго Монарха сего. Я проѣхалъ пошомъ земли, между Одеромъ и Вислою лежащія, видѣлъ области, древнимъ Нѣмецкимъ рыцарямъ принадлежавшія, и былъ въ одномъ изъ лучшихъ основанныхъ ими городовъ, — въ *Кенигсбергѣ*. Сей древній сосѣдь морей обогащается плодами торговыхъ сношеній, цвѣтя и богашья подвѣ кровомъ мудраго правительсва своего. По всей дорогѣ къ *Тильзитѣ* не пресшавалъ я удивляться искусству, съ наковымъ множесиво водныхъ сообщеній въ странахъ сихъ учреждено. На берегахъ *Немана* (въ *Тильзитѣ*) Генералы Рускіе устроили прощальной пиръ, и угощая онымъ Офицеровъ и солдатъ, благодарили ихъ за великіе опышы мужества въ бояхъ, твердости въ шрудахъ и усердіе, всегда и повсюду оказаннаго въ печеній послѣдней безпримѣрной войны. Тутъ просшилось войско

Русское съ странами чужеземными и, съ множествомъ вавровъ и профеевъ, вспунило въ опечество свое. Все, о чемъ я намекнулъ здѣсь шолько слегка, описано довольно пространно въ походныхъ запискахъ моихъ и можешъ прибавить еще два тома къ вышедшимъ уже осьми. Но я не успѣлъ еще привести въ надлежащій порядокъ записокъ сихъ и, судя по общошельствамъ, въ которыхъ нахожусь шеперь, не надѣюсь сдѣлать сего скоро. Впрочемъ я не прежде рѣшусь выдать въ свѣтъ еще двѣ часши, какъ удостовѣрюсь, что предшествующія онымъ восемь не нанесутъ скуки Читайшелямъ и приобрѣшутъ какое нибудь вниманіе просвѣщенныхъ людей. Во второмъ же изданіи конечно будетъ много поправокъ и перемѣнъ. — Но когда можешъ быть обрабошано и выдано сіе второе изданіе?

Человѣкъ неимѣющій нисредствъ,

ни способѣвъ, ни свободы распо-
лагашь собою и временемъ своимъ,
не можешь отвѣчать на вопросъ
сей рѣшишельно.—Вразумленный
опытомъ, пересшалъ я въришь
злашымъ посуламъ слѣпаго ща-
спія и любимцевъ его, всегда пре-
вратныхъ какъ оно. Не имѣя ни-
чего вѣрнаго и не смѣя загады-
вать даже на завшрешній день,
я предалъ себя всемогущей волѣ
Сспроишеля міровъ и святому по-
крову Провидѣнія его.

На бурной случаевъ пошокъ
Я бросилъ легкой мой челнокъ
И въ немъ ошдался Провидѣнью. . . .
Ахъ скороль *бугъ*? — Еще далѣкъ!
Нѣтъ силъ противишься спремленью:
Влекусь, куда? — Не знаю самъ! . . .

К О Н Е Ц Ъ.

ИМЯНА ОСОБЪ,

Благоволившихъ подписаться на
сую книгу во время печатанія,

Его Высокопревосходительство Иванъ

Александровичъ Заборовскій.

Его Превосходительство Алексѣй

Алексѣевичъ Долгорукой.

Его Благородіе Иванъ Михайловичъ

Снѣгиревъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Алек-
сѣевичъ Кусовниковъ.

Коллежскій Ассесоръ Николай Ва-
сильевичъ Шашиловъ.

Его Высокоблагородіе Никифоръ Ива-
новичъ Спаскій.

Г.*** Горностаевъ.

Его Высокоблагородіе Николай Ива-
новичъ Ивановъ.

Михайло Михайловичъ Кипайцовъ.

Полковникъ Г.*** Обуховъ.

Его Превосходительство Моисей Ива-
новичъ Карпенковъ.

Купецъ Василій Васильевичъ Вар-
гинъ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Федо-
ровичъ Карабановъ.

Его Высокоблагородіе Евграфъ Ива-
новичъ Гриневъ.

Его Превосходительство Иванъ Петровичъ Вырубовъ.

Военный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Беклемишевъ.

Генерала отъ Инфантеріи Сергія Алексѣевича Булгакова дочь, дѣвица Марья Сергѣевна Булгакова.

Его Благородіе Николай Александровичъ Тереховъ.

Его Превосходительство Федоръ Ивановичъ Талызинъ.

Дмитрій Желѣзновъ. . .

Его Высокоблагородіе Николай Степановичъ Левашовъ.

Московскій купецъ Иванъ Филиповичъ Колгинъ.

Его Высокородіе Михайло Васильевичъ Измайловъ.

Его Сіятельство Князь Василій Александровичъ Засѣкинъ.

Его Высокоблагородіе Михайло Михайловичъ Башезапулъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Захаровичъ Хомяковъ.

Купецкой сынъ Василій Васильевичъ Базуновъ.

Его Благородіе Иванъ Александровичъ Анфаловъ.

- Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ Машрюнинъ.
- Василій Ивановичъ Волковъ.
- Купецъ Николай Александровичъ Ко-
чергинъ.
- Купецъ Никаноръ Алексѣевичъ Го-
ряиновъ.
- Его Благородіе Архипъ Алексѣевичъ
Нарбековъ.
- Его Высокоблагородіе Петръ Ивано-
вичъ Шмидтъ.
- Его Высокоблагородіе Баронъ Петръ
Ивановичъ Черкасовъ.
- Его Благородіе Григорій Васильевичъ
Лихачевъ.
- Его Благородіе * * * Кошельниковъ.
- Студентъ Университета Николай
Федоровичъ Богдановъ.
- Его Высокоблагородіе Александръ
Сергѣевичъ Дуровъ.
- Московской Купецъ Иванъ Николае-
вичъ Иниховъ.
- Московской купецъ Дмитрій Алек-
сандровичъ Ушаковъ.
- Коммисіонеръ Николай Карловичъ
Таупреинъ.
- Его Высокоблагородіе Павелъ Петро-
вичъ Чихачевъ.

Моисей Тимофѣевичъ Ефимовской.

Дмишрій Васильевичъ Нехачинъ.

Его Благородіе Николай Пешровичъ
Никоновъ.

Московской купецъ Власъ Деменшье-
вичъ Нарской.

Московской купецъ Дмишрій Пешро-
вичъ Аксеновъ.

Московской купецъ Алексѣй Ивано-
вичъ Ливенцевъ.

Московской купецъ Сергѣй Гераси-
мовичъ Четвериковъ.

Его Благородіе Гаврила Андрѣевичъ
Рачинскій.

Его Благородіе Иванъ Констаншино-
вичъ Богдановъ.

Генералъ-Маіоръ Князь Андрей Ми-
хайловичъ Оболенскій.

Надворный Совѣтникъ Григорій Ми-
хайловичъ Поповъ.

Надворный Совѣтникъ Григорій Се-
меновичъ Рябчуговскій.

Его Высокоблагородіе Левъ Козмичъ
Рагозинъ.

Его Благородіе Дмишрій Николаевичъ
Свербѣевъ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Нико-
лаевичъ Глѣбовъ.

Его Высокоблагородіе Владимірѣ Ива-
новичѣ Баронѣ Штейнгель.

Его Благородіе Александрѣ Ивановичѣ
Ташариновѣ.

Его Превосходительство Иванѣ Маш-
евѣвичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ.

Его Высокородіе Василій Ивановичѣ
Пропоповѣ.

Его Высокоблагородіе Александрѣ
Михайловичѣ Похвисневѣ.

Николай Дмитріевичѣ Манухинѣ.

Въ С. Петербургѣ.

Его Благородіе Александрѣ Яковле-
вичѣ Купреяновѣ.

Купецѣ Василій Леоньевичѣ Хара-
винѣ.

Его Благородіе Гаврила Ивановичѣ
Пейковѣ.

Николай Васильевичѣ Пешровѣ.

Его Высокоблагородіе Петрѣ Алек-
сеевичѣ Карауловѣ.

Купецѣ Алексѣй Лавреньевичѣ По-
повѣ.

Его Сіятельство Князь Мышицкій.

Его Превосходительство Николай
Маршновичѣ Сипягинѣ.

Титулярный Совѣтникѣ Алексѣй
Агинскій.

- Григорій Васильевичъ Григорьевъ.
 Поручикъ и Кавалеръ Дмитрій Дми-
 тріевичъ Нарышкинъ.
 Ея Высокоблагородіе Кашерина Нау-
 мовна Пучкова.
 Его Высокоблагородіе Николай Пе-
 тровичъ Пещуровъ.
 Его Высокоблагородіе Семенъ За-
 харьевичъ Злошовъ.
 Купецъ Иванъ Пешровичъ Быковъ.
 Его Высокоблагородіе Иванъ Афа-
 насьевичъ Кованько.
 Его Высокородіе Дмитрій Прокофье-
 вичъ Познякъ.
 Его Благородіе Михайло Спепано-
 вичъ Лагинъ.
 Ея Сіяшельство Княгиня Марья Ада-
 мовна Голицына.
 Ея Сіяшельство Графиня Клеопатра
 Васильевна Дивієръ.
 Его Превосходительство Павелъ Ни-
 колаевичъ Приклонскій.
 Его Высокоблагородіе Николай Фе-
 доровичъ Смирновъ.
 Его Высокоблагородіе Александръ
 Федоровичъ фонъ Бригенъ.
 Его Высокоблагородіе Павелъ Ива-
 новичъ Лапшевъ.

Его Высокоблагородіе Пётръ Нико-
лаевичъ Нордштейнъ.

Его Превосходительство Машвѣй Ми-
хайловичъ Муравьевъ.

Его Превосходительство * * * * Пас-
секъ.

Сергій Григорьевичъ Ломоносовъ.

Его Сіяшество Князь Александръ
Михайловичъ Горчаковъ.

Купецъ Иванъ Вавиловичъ Кожевни-
ковъ.

Петръ Ивановичъ Олонкинъ.

Его Высокоблагородіе * * * Ахлесты-
шевъ.

Егоръ Филипповичъ Шалухинъ.

Его Превосходительство Павелъ Ва-
сильевичъ Поповъ.

Въ Лейпцигѣ, что въ Саксоніи.

Г. Иванъ Филипповичъ Дувриенъ.

Въ Новгородѣ.

Федоръ Ивановичъ Юсманъ.

Въ Солинской пристани.

Его Высокоблагородіе Павелъ Апол-
доновичъ Бабинъ.

Въ Каменцѣ-Подольскомъ.

Его Высокоблагородіе Константинъ
Николаевичъ Башюшковъ.

Въ Костромѣ.

Его Высокоблагородіе Николай Федоровичъ Граммашинъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Степановичъ Кожуховъ.

Купецъ Александръ Васильевичъ Красильниковъ.

Въ Тамбовѣ.

Его Высокоблагородіе * * * Сабуровъ.
Неизвѣстная особа.

Его Благородіе Дмитрій Ивановичъ Расказовскій.

Купецъ Степанъ Васильевичъ Шихаевъ.

Его Высокоблагородіе Федоръ Федоровичъ Кернъ.

Въ Саратовѣ.

Ефимъ Федоровичъ Покровскій.

Его Высокородіе Алексѣй Ерофеичъ Спеньковскій.

Ея Высокородіе * * * * Арисшова.

Иванъ Филипповичъ Кашеневъ.

Его Благородіе * * * Антоновъ.

Его Высокоблагородіе Семенъ Ивановичъ Ушаковъ.

Въ Городищѣ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Гавриловичъ Карауловъ.

Въ Вологдаѣ.

Кашерина Николаевна Зубова.
 Левъ Алексѣевичъ Маршьяновъ.
 Николай Михайловичъ Мясниковъ.

Въ Лукояновѣ.

Его Высокоблагородіе Николай Его-
 ровичъ Кишинскій.

Въ Саранскѣ.

Его Высокоблагородіе Петръ Ивано-
 вичъ Боннеръ.
 Купецъ Иванъ Васильевичъ Анпи-
 линъ.

Въ Кронштатѣ.

Его Благородіе Владиміръ Евгениевичъ
 Посшельниковъ.

Въ Перми.

Его Благородіе Алексѣй * * * Ивановъ.
 Повѣренный Барона Строгонова
 Андрей Ивановичъ Рьшковъ.
 Чермоская Общественная Библиошека.

Въ Курскѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Алексан-
 дровичъ ДЕРЕВЕЦКІЙ.
 Купецъ Николай Алексѣевичъ Поле-
 вовъ.

ВЪ Тобольскѣ.

Его Благородіе Викентій Флоровичъ
Нараевскій.

ВЪ Рыльскѣ.

Его Благородіе Алексій Ивановичъ
Вощининъ.

ВЪ Юрьевцѣ-Повольгскомѣ.

Мѣщанинъ Михайло Ивановичъ Про-
вошорховъ.

ВЪ Арзамасѣ.

Ея Благородіе Ташьяна Ивановна Ни-
кифорова.

ВЪ Уфѣ.

Купецъ Дмитрій Ивановичъ Кадкинъ.

Василій Михайловичъ Подвѣчевъ.

Купецъ Василій Пешровичъ Шишков-
ской.

Николай Ивановичъ Тарпановъ.

ВЪ Казанѣ.

Въ бібліотеку Казанскаго Универ-
ситета.

Въ бібліотеку Казанской Гимназіи.

Его Превосходительство Михайло
Александровичъ Салпыковъ.

Его Благородіе Пешръ Андреевичъ
Бужениновъ.

Его Благородіе Юсафъ Ивановичъ
Поповъ.

Въ Ардамовѣ, что на Алатырѣ.

Его Благородіе Николай Пешровичъ
Судоплашовъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ.

Его Высокородіе Александръ Семе-
новичъ Крюковъ.

Мѣщанинъ Андрей Рязановъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Павло-
вичъ Сулима.

Архипекторъ Иванъ Ивановичъ Ме-
жецкій.

Въ Перехолѣ.

Его Благородіе Иванъ Савичъ Воронинъ.
Московской купецъ Егоръ Василье-
вичъ Куманинъ.

Въ Константиноградѣ.

Его Высокоблагородіе Владисіръ ***
Черновъ.

Въ Духовщинѣ.

Его Высокоблагородіе Михайло Ива-
новичъ Каховскій.

Его Благородіе Сергѣй Андреевичъ
Энгельгадръ.

Въ Нѣжинѣ.

Г. ** Буровъ.

Его Благородіе Романъ Лукьяновичъ
Кучеровъ.

Въ Пензѣ.

Машвѣй Вонифашьевичъ Кирьяковъ.

Въ Моздокѣ.

Г. ** Полковникъ Курнащовской.

Въ Суздаль.

Его Высокоблагородіе Иванъ Яковлевичъ Чернявинъ.

Его Высокоблагородіе Николай Яковлевичъ Черепановъ.

Его Высокоблагородіе Пётръ Алексѣевичъ Степановъ.

Его Благородіе Аркадій Пётровичъ Степановъ.

Купецъ Степанъ Ивановичъ Карешниковъ.

Въ Слободскомъ.

Крестьянинъ Иванъ Анфилащовъ.

Въ Чистопольѣ.

Андрей Анпоновичъ Колпаковъ.

Въ Калязинѣ.

Мѣщанинъ Михайло Пётровичъ Овчинниковъ.

Иванъ Павловичъ Береговъ.

Въ Вольскѣ.

Егоръ Максимовичъ Токаревъ.

Въ Кременчугѣ.

Его Высокоблагородіе Александръ Семеновичъ Пищевичъ.

Въ Одессѣ.

Его Высокоблагородіе Николай Гавриловичъ Денбровскій.

Въ Борисоглебскѣ.

Его Высокоблагородіе Юрій Богдановичъ Кандауровъ.

Въ Лаишевѣ.

Его Благородіе Пешръ Мироновичъ Башмаковъ.

Въ Ельцѣ.

Его Сіяшество Бригадиръ, Князь Александръ Николаевичъ Львовъ.

Ея Благородіе Ольга Машвѣвна Рѣдкина.

Въ Козельскѣ.

Алексѣй Андреевичъ Охошниковъ.

Въ Карсунѣ.

Его Благородіе Акимъ Васильевичъ Змѣйкинъ.

Въ Карачевѣ.

Его Высокоблагородіе Артиллеріи Полковникъ Браамсъ.

Въ Средней Будѣ.

Его Благородіе Федоръ Федоровичъ Паіюль.

Въ Тюменѣ.

Ростовской 1й гильдіи купецъ Ни-
киша Федоровичъ Мясниковъ.

Въ Батуринѣ.

Его Благородіе Михайло Пешровичъ
Чернявскій.

Въ Брянскѣ.

Его Высокоблагородіе Пешръ Ивано-
вичъ Брусиловъ.

Въ Троицкѣ Оренб. Губ.

Его Благородіе Николай Ивановичъ
Гарбовскій.

Въ Рязанѣ.

Соборный Протоіерей Алексѣй Сидо-
ровичъ.

Его Благородіе Николай Васильевичъ
Вознесенскій.

Въ Жиздрѣ.

Иванъ Никишичъ Сорокинъ.

Иванъ Афанасьевъ Залипаевъ.

Его Высокоблагородіе Николай Ива-
новичъ Похвисневъ.

Соборный Протоіерей Алексѣй Ми-
хайловичъ Корольковъ.

Купеческая жена Авдошья Григорьев-
на Попова.

Въ Устюгѣ Великолѣ.

Купецъ Григорій Львовичъ Захаровъ.

Въ Боровичахъ.

Его Благородіе Ефремъ Васильевичъ
Шамшевъ.

Въ Коломиѣ.

Купцы: Петръ Артемьевичъ Шапош-
никовъ.

Михайло Поликарповичъ Шевля-
гинъ.

Иванъ Ивановичъ Набоковъ.

Сергій Андреевичъ Владыкинъ.

Иванъ Васильевичъ Боровковъ.

Въ Боровскѣ.

Его Высокоблагородіе Александръ
Федоровичъ Сухошинъ.

Его Высокоблагородіе Сергій Гера-
симовичъ Савинъ.

Въ Михайловѣ.

Его Благородіе Николай Ивановичъ
Цемировъ.

Въ Вяткѣ.

Навелъ Александровичъ Огородниковъ.

Въ Подольскѣ.

Его Благородіе Михаила Дмишріе-
вичъ Кудрявцовъ.

Въ Соликанскѣ.

Для Чермоской Общественной Биб-
ліотеки.

Въ Ростовѣ.

Его Высокоблагородіе Михайло Ивановичь Симановичь.

Его Благородіе Дмишрій Пешровичь Пальминь.

Его Благородіе Иванъ Ивановичь Яхоншовъ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Семеновичь Лупандинь.

Его Высокоблагородіе Борисъ Ивановичь Леоншьевъ.

Его Преподобіе Яковлевскаго монастыря Казначей Досифей.

Купецъ Николай Ивановичь Бояркинъ.

Купецъ Дмишрій Семеновъ, Коспылевъ.

Евграфъ Савичь Кайдаловъ.

Осинъ Михайловичь Москалевъ.

Иванъ Васильевичь Хлѣбниковъ.

Яковъ Ивановичь Мясниковъ.

Иванъ Афанасьевичь Малышевъ.

Его Благородіе Иванъ Алексѣевичь Юмашовъ.

Въ Саложкѣ.

Купецъ Василій Семеновичь Каншинъ.

Его Благородіе Григорій Ивановичь Ивановъ.

Коншорщикъ Княгини Долгоруковой Иванъ Лазоревскій.

Въ Краснослободскѣ.

Его Высокоблагородіе Пётръ Пётровичъ Хрущевъ.

Въ Кадомѣ.

Его Благородіе Пётръ Михайловичъ Вышеславцевъ.

Въ Алексинѣ.

Купецъ Иванъ Федоровичъ Масловъ.

Въ Оренбургѣ.

Ростовской купецъ Пётръ Пётровичъ Чикинъ.

Въ Харьковѣ.

Купцы: Федоръ Пётровичъ Мукинъ.
Московской Алексѣи Федоровичъ Бб-
лоусовъ.

Въ Зарайскѣ.

Его Высочество Иванъ Михайловичъ
Тишовъ.

Въ Бердичевѣ.

Его Превосходительство Левъ Ива-
новичъ Пошаповъ.

Въ Каширѣ.

Его Высокоблагородіе Николай Ми-
хайловичъ Исленьевъ.

Дмитрій Васильевичъ Ильинъ.

Въ Вильнѣ.

Купецъ Николай Тарасовичъ Травинъ.

Въ Астрахань.

Его Высокоблагородіе Александръ
Ивановичъ Карповъ.

Его Высокоблагородіе Николай Ми-
хайловичъ Михайловъ.

Купецъ Алексѣй Ивановичъ Посылинъ.

Купецъ Андрей Филипповичъ Воро-
бьевъ.

Его Благородіе Василій Ивановичъ
Лихаревъ.

Въ Венеѣ.

Его Высокоблагородіе Владиміръ Льво-
вичъ Толстой.

Его Благородіе Павелъ Михайловичъ
Яблочковъ.

Въ Симбирскъ.

Его Высокородіе Алексѣй Романо-
вичъ Бачмановъ.

Его Высокоблагородіе Андрей Ва-
сильевичъ Зубовъ.

Купеческій сынъ Алексѣй Ильичъ
Гончаровъ.

Его Высокоблагородіе Александръ
* * * Ташариновъ.

Его Благородіе Андрей Ивановичъ
Порошинъ.

Его Благородіе Алексѣй Александро-
вичъ Неклюевъ.

Его Благородіе Иванъ Степановичъ
Крошкой.

Его Благородіе Иванъ Васильевичъ
Ящеровъ.

Его Высокоблагородіе Михайла Пеш-
ровичъ Араповъ.

Его Высокоблагородіе Гаврила Ва-
сильевичъ Безсшужевъ.

Его Высокоблагородіе Борисъ Ва-
сильевичъ Безсшужевъ.

Его Благородіе Ипполишъ * * * Ми-
кулинъ.

Его Благородіе Хрисанфъ Василье-
вичъ Чухваровъ.

Его Благородіе Никаноръ Алексан-
дровичъ Репьевъ.

Его Высокоблагородіе Семенъ Воло-
диміровичъ Аржевишинъ.

Его Благородіе Сергій Евграфовичъ
Уковъ.

Его Благородіе Пешръ Афонасьевичъ
Мещериковъ.

Дмишрій Машвѣевичъ Перевощиковъ.

Его Благородіе Афанасій Ивановичъ
Шестаковъ.

Пешръ Ивановичъ Вандышевъ.

Яковъ Васильевичъ Пряднишниковъ.

Въ Екатеринбургѣ.

Его Высокоблагородіе Андрей Машвѣвичъ Элинь.

Въ Сызранѣ.

Купцы: Абрамъ Машвѣвичъ и Иванъ Машвѣвичъ М сниковы.

Въ Елабугѣ.

Герасимъ Андреевичъ Мыльниковъ.
Купецъ Василій Афанасьевъ. Шишкинъ.

Въ Шуѣ.

Купцы: Спеланъ Ивановичъ и Александръ Пешровичъ Карешниковы.
Иванъ Ивановичъ м. Карниловъ.
Жишель села Васильевскаго Иванъ Пешровичъ Красильниковъ.

Въ Изюмѣ.

Его Благородіе Андрей Александровичъ Времева.

Въ Чебоксарахъ.

Его Высокоблагородіе Василій Михайловичъ Посыкинъ.

Въ Витебскѣ.

Его Высокоблагородіе Тимофей Алексѣевичъ Кудряшевъ.

Его Благородіе Владиміръ Григорьевичъ Тихоновъ.

Въ Чемабарѣ.

Александръ Николаевичъ Беклемишевъ.

Въ Тотьмѣ.

Василій Михайловичъ Воронинъ.

Въ Пошехоньѣ.

Купецъ Семенъ Абрамовичъ Первовъ.

Въ Ярославѣ.

Его Сіяшество Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Алексѣевичъ Юматовъ.

Его Высокоблагородіе Николай Николаевичъ Карновичъ.

Анна Ивановна Кузнецова.

Его Благородіе Евлампій Максимовичъ Мосцешановъ.

Егоръ Семеновичъ Кожевниковъ.

Въ Пронскѣ.

Его Благородіе Гаврила Федоровичъ Биркинъ.

Въ Покровѣ.

Его Высокоблагородіе Василій Федоровичъ Варсонофьевъ.

Его Благородіе Александръ Коншаншиновичъ Поливановъ.

Въ Ново-Черкасскѣ.

Его Высокоблагородіе Михайло Михайловичъ Кузнецовъ.

Его Благородіе Алексѣй Михайловичъ Киселевъ.

Въ Пучетѣ.

Житель села Кошунокъ Яковъ Ивановичъ Самаринъ.

Феофанъ Ивановичъ Бѣловъ.

Въ Вязникахъ.

Купецъ Сшепанъ Пешровичъ Мошанской.

Въ Тулѣ.

Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ Дружининъ.

Его Высокоблагородіе Родіонъ Ивановичъ Крюковъ.

Его Благородіе Николай Зосимовичъ Кепоновъ.

Въ Книжинеѣ.

Типулярный Совѣтникъ Пешръ Ивановичъ Красниковъ.

Въ Залонскѣ.

Его Высокоблагородіе Григорій Николаевичъ Глинка.

Въ Зѣньковѣ.

Его Благородіе Михайло Ивановичъ Мордвиновъ.

Въ Тифлисѣ.

Тифлисскій 1й гильдіи купецъ Исай Агаевичъ Пишуновъ.

Въ Верхнеудинскѣ.

Григорій Александровичъ Шевелевъ.

Въ Елифанѣ.

Его Сіашельство Князь Алексѣй
Ивановичъ Гагаринъ.

Въ Сумахъ.

Купецъ Андрей Миняевичъ Волковъ.

Въ Бальтѣ.

Полковникъ Степанъ Семеновичъ
Храповицкой.

Въ Юрьевѣ Польскомъ.

Его Благородіе Сергѣй Михайловичъ
Извольской.

Въ Угличѣ.

Купецъ Григорій Ивановичъ Рѣпинъ.
Его Высокоблагородіе Владиміръ Льво-
вичъ Толшой.

Въ Козмодемьянскѣ.

Его Благородіе Федоръ Федоровичъ
Соколовъ.

Въ Актарскѣ.

Его Превосходительство Николай
Ефимовичъ Чемесовъ.

Въ Махаревѣ Нижегород. Губер.

Его Высокоблагородіе Николай Ми-
хайловичъ Линьковъ.

Въ Мензелинскѣ.

Петръ Алексѣевичъ Каменевъ.

Въ Галичѣ.

Василій Васильевичъ Зиновьевъ.

Въ Болховѣ.

Его Высокоблагородіе Александръ
Ивановичъ Гриве.

Его Высокоблагородіе Павелъ Степа-
новичъ Моисеевъ.

Его Благородіе Николай Евграфовичъ
Украинцовъ.

Въ Сергачѣ.

Его Высокоблагородіе Петръ Василье-
вичъ Дмиріевъ.

Въ Ливнахъ.

Его Высокоблагородіе Дмирій Вла-
диміровичъ Григорьевъ.

Его Высокоблагородіе Николай Евге-
ніевичъ Лавровъ.

Его Благородіе Ефимъ Васильевичъ
Кривцовъ.

Въ Валкахъ.

Его Высокоблагородіе Василій Ивано-
вичъ Заньковскій.

Въ Чухломѣ.

Его Благородіе Павелъ Александро-
вичъ Семичовъ.

Въ Бѣлѣвѣ.

Его Высокоблагородіе Василій Алек-
сѣевичъ Левшинъ.

Его Благородіе Александръ * * * Кар-
шавцовъ.

Въ Елисаветградѣ.

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ
Фундукабевъ.

Въ Клять.

Его Благородіе Данила Юрьевичъ Са-
гиреловъ.

Въ Троицкѣ.

Его Высокоблагородіе Петръ Нико-
лаевичъ Домогацкой.

Въ Бокѣ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Моисее-
вичъ Меликовъ.

Въ Москвѣ.

Его Превосходительство Сенаторъ
и Кавалеръ Федоръ Ивановичъ Ле-
вашовъ.

Его Превосходительство Павелъ Пе-
тровичъ Нарышкинъ.

Его Превосходительство Консрѣ-
Адмиралъ и Кавалеръ Илья Андре-
евичъ Барашинской.

Его Высокородіе Николай Евгеньевичъ
Кашкинъ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Фе-
доровичъ Новиковъ.

Купецъ Алексѣй Гавриловичъ Пеш-
ровъ.

Купецъ Иванъ Алексѣевичъ Щелкинъ.

Въ Царицынѣ.

Алексѣй Дмитриевичъ Ершевъ.

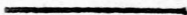
Въ Бухтарминской крѣлости.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Савосьяновичъ Безносиковъ.

Въ Торжкѣ.

Алексѣй Семеновичъ Умновъ.

Козловской купецъ Петръ Андреевичъ Баранниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ О ПОДПИСКѢ НА НОВУЮ КНИГУ.

При раздачѣ осьмой и послѣдней части *всѣми съ любопытствомъ читаемыхъ писемъ Рускаго Офицера*, (1) снѣшимъ извѣстить всѣхъ почтеннѣйшихъ любителей избраннаго чшенія, что отъ того же Автора получили мы новую рукопись, кошорая и будетъ вскорѣ издана нами подъ заглавіемъ: *Письма къ другу*, содержащія въ себѣ: замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ. Къ онымъ присовокуплены:

Дневныя записки Рускаго Офицера во время послѣдняго похода Гвардіи въ Польшу; Письма жителя Сѣверныхъ

---

(1) Такъ отзывается о книгѣ Федора Николаевича Глинки Г. Издатель Вѣстника Европы. См. № 12. 1815 года.

лѣсовъ и начало Руской Исторической повѣсти: *Зиновой Богданъ Хмельницкой*, или освобожденная Малороссія, Федора Глинки, сочинителя писемъ Русскаго Офицера.

Вопръ заглавіе книги; оно само собою довольно объясняетъ и содержаніе оной. Въ дополненіе же къ оному мы только можемъ сказать о сей новой книгѣ то же, что сказано Г. Издашелемъ *Сына Отечества* о письмахъ Русскаго Офицера, а именно, что изъ *всѣхъ помѣщенныхъ тамъ статей нѣтъ ни одной, которая не была бы почему нибудь любопытна и полезна.* Намъ пріятно ласкаетъ себя вѣрною надеждою, что всѣ просвѣщенные Читатели въ полной мѣрѣ оправдаютъ сказанное нами на счетъ издаваемой нынѣ книги. Нѣкоторые изъ *отрывковъ*, находящихся въ оной, были уже помѣщены въ разныхъ повременихъ изданіяхъ; и хотя заслужили и тогда особенное вниманіе Читателей, но нынѣ еще съ большимъ щаніемъ обработаны и дополнены. Прочія же статьи, составляющія большую половину книги сей, нигдѣ еще напечатаны не были; а пошому и будутъ столь же *новы, сколь любопытны и полезны.*

Мы не считаемъ нужнымъ распро-
страняться въ какихъ-либо дальнѣй-
шихъ объясненіяхъ о *Слогѣ* издаваемой
нами книги. *Слогѣ* Сочинителя ея сдѣ-
лался уже довольно извѣстенъ. *Г.*
Глинка имѣтъ даръ писать легкимъ,
плавнымъ и занимательнымъ сло-
гомъ: такъ говоришь *Г.* Издашеть
Современнаго Наблюдателя Россій-
ской Словесности (Смош. № 10. Со-
времен. Наблюд. 1815.) — Къ симъ ош-
зывамъ столь извѣстныхъ въ Словес-
ности Писателей, мы ничего отъ себя
прибавляшь не будемъ; постараемся
только, чшобъ изданіе книги соош-
вѣтствовало содержанію оной. Она
будеть въ трехъ частяхъ напечатана
въ С. Пешербургѣ на хорошей бумагѣ
и лучшими липерами. Цѣну полагаемъ
самую умѣренную, а именно во все
время продолженія *подлиски* за всѣ
три части 12 руб. какъ здѣсь, такъ
и съ пересылкою во всѣ города Россій-
ской Имперіи. По окончаніи же под-
писки цѣна возрѣсится.

Имена подписавшихся Особъ въ
концѣ каждого тома припечатаны бу-
дутъ.

Подписка на книгу сію принимается
въ Москвѣ въ книжныхъ лавкахъ Свѣдѣ-

никова на Никольской и Ильинской
улицахъ; въ С. Петербургѣ въ книж-
ныхъ лавкахъ братьевъ Свѣшнико-
выхъ въ Гостиномъ дворѣ подѣ №
14 и 16, и въ домѣ бывшемъ Графа
Воронцова, подѣ № 2; также въ горо-
дахъ: Курскѣ, Кіевѣ, Пензѣ, Симбир-
скѣ и Нижнемъ Новгородѣ въ заве-
денныхъ тамъ книжныхъ лавкахъ.

Особы, живущія въ другихъ горо-
дахъ, желающія имѣть оную, могутъ
получать чрезъ почту, относясь какъ
за сею, такъ равно и за всякими дру-
гими книгами въ Москву на имя книго-
продавца Осипа Леоншьева Свѣшни-
кова.

ИМЯНА ОСОБЪ,

Благоволившихъ подписаться на
сую книгу по времени подписки.

Въ Москвѣ:

Ея Сіяшельство Княгиня Елисавета
Борисовна Голицына.

Ея Сіяшельство Княгиня Нашалья
Петровна Куракина.

Ея Высокородіе Марья Ивановна Про-
шасова.

Ея Высокблагородіе Кашерина Алек-
сѣевна Сшепанова.

Ея Высокблагородіе Елисавета Мак-
симовна Панова.

Ея Благородіе Кашерина Алексѣевна
Овчинникова.

Ея Высокблагородіе Елена Машвѣв-
на Рахманова.

Его Превосходительство Ѳедоръ Ива-
новичъ Левашовъ.

Его Высокблагородіе Александръ Ва-
сильевичъ Приклонскій.

Его Высокородіе Николай Николае-
вичъ Сандуновъ.

Его Высокблагородіе Василій Алек-
сандровичъ Шеремешевъ.

Петръ Паншелѣвичъ Поэцель.

Ея Высокоблагородіе Нашалья Тимо-
фѣвна Лодыженская.

Его Сіашельство Князь Дмитрій Ни-
колаевичъ Козловскій.

Его Высокоблагородіе Михайло Пеп-
ровичъ Смирновъ.

Ея Высокородіе Нашалья Алексѣвна
Новосильцева.

Его Высокоблагородіе Аншонъ Ива-
новичъ Голосѣновъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Михай-
ловичъ Флоровъ.

Его Высокоблагородіе Александръ
Дмитріевичъ Пущобояровъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Ни-
колаевичъ Болховской.

Московской купецъ Александръ Гри-
горьевичъ Александровъ.

Его Сіашельство Князь Федоръ Сер-
гѣевичъ Хованскій.

Московскій купецъ Давыдъ Осипо-
вичъ Астафьевъ.

Его Благородіе Василій Сергѣевичъ
Алферьевъ.

Его Благородіе Петръ Евдокимовичъ
Аншоновъ.

Федоръ . . . . . Истоминъ.

Московской купецъ Александръ Дмит-
ріевичъ Грачевъ.

Его Сіяшельство Графъ Владиміръ
Григорьевичъ Орловъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Ива-
новичъ Трескинъ.

Его Высокоблагородіе Василій Сше-
пановичъ Кряжевъ.

Его Превосходительство Яковъ Да-
ниловичъ Мерлинъ.

Его Благородіе Петръ Алексѣевичъ
Варенцовъ.

Его Высокоблагородіе Николай Сер-
гѣевичъ Дубровинъ.

Его Благородіе Сергѣй Григорьевичъ
Лихонинъ.

Его Бл. Ѳедоръ Яковлевичъ Медвѣдевъ.

Его Высокоблагородіе Яковъ Евгра-
фовичъ Арсеневъ.

Его Благородіе Александръ Василье-
вичъ Ивановъ.

Барвара Ивановна Баршенева.

Его Высочородіе Ростиславъ Евгра-
фовичъ Ташищевъ.

Павелъ Николаевичъ Ларионовъ.

Его Благородіе Юрій Юрьевичъ Янь-
ковъ.

Илья Михайловичъ Козлининъ.

Харьковской купецъ Федосъ Доро-
фѣевичъ Карповъ.

Его Превосходительство Дмишрій
Ивановичъ Киселевъ.

Его Высокоблагородіе Николай Дмиш-
ріевичъ Горчаковъ.

Его Благородіе Пешрѣ Михайловичъ
Фадѣевъ.

Неизвѣстная Особа.

Московскіе купцы :

Купеческая жена Марѣа Даниловна
Шилова.

Михайло Ивановичъ Болошинъ.

Павелъ Николаевичъ Жлецовъ.

Павелъ Пешровичъ Коробовъ.

Пешрѣ Лупповичъ Золкинъ.

Михайло Дмишріевичъ Часовниковъ.

Алексѣй Антоновичъ Шишовъ.

Василій Григорьевичъ Гнусинъ.

Михайло Андрѣевичъ Горошковъ.

Евграфъ Ивановичъ Заборовъ.

Михайло Михайловичъ Богашыревъ.

Калужской купецъ Григорій Иване-
вичъ Усачовъ.

Его Высокоблагородіе Нилъ Андрѣе-
вичъ Новиковъ.

Его Благородіе Степанъ Михайло-
вичъ Семеновъ.

Его Благородіе Сергѣй Алексѣевичъ
Амѣевъ.

Александръ Васильевичъ Ножевицковъ.
Грекъ Семенъ Павловичъ Спавродло.
Его Высокоблагородіе Снепанъ Пеш-
ровичъ Никифоровъ.

Его Благородіе Александръ Михай-
ловичъ Устиновъ.

М. И. Д.

Его Сіяшельство Графъ Левъ Кири-
ловичъ Разумовскій.

Его Благородіе Петръ Филиповичъ
Лакерда.

Въ Санктпетербургъ :

Его Превосходительство Павелъ
Кресшняновичъ Безакъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Емелья-
новичъ Екимовъ.

Въ Стародубъ :

Его Высокоблагородіе Яковъ Ѳедоро-
вичъ Радіевичъ.

Въ Екатеринославль :

Его Высокоблагородіе Иванъ Андрѣе-
вичъ Спруковъ.

Его Высокоблагородіе Николай Ан-
дрѣевичъ Андрѣевъ.

Въ Елисаветградъ :

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Фун-
дуклѣевъ.

Въ Тобольскѣ :

Верхотурской купецъ Василій . . .
Поповъ.

Въ Мосальскѣ :

Его Благородіе Иванъ . . . . Васиневъ.

Въ Пирятинѣ :

Его Благородіе Яковъ Пешровичъ
Свѣчка.

Въ Казанѣ :

Для Казанской духовной Академіи
2 экз.

Его Высокопреподобіе, Архимандритъ
Елифаній.

Его Высокоблагородіе Павелъ Степа-
новичъ Жемчужниковъ.

Его Высокоблагородіе Степанъ Ива-
новичъ Карашевъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Егоро-
вичъ Веригинъ.

Купцы: Михайло Ивановичъ Копеловъ.
Петръ Гавриловичъ Квасниковъ.

Его Благородіе Лука Алексѣевичъ
Левицкій.

Въ Можайскѣ :

Его Высокоблагородіе Василій Дми-
тріевичъ Камынинъ.

Его Благородіе Иванъ Абрамовичъ
Башашевъ.

Въ Воронежѣ :

Его Высокородіе Александръ Петровичъ Тишовъ.

Купецъ Яковъ Яковлевичъ Елисеѣвъ

Въ Вязникахъ :

Его Высокоблагородіе Василій Пешровичъ Несперовъ.

Въ Карачевѣ :

Его Высокоблагородіе Илья Васильевичъ Вощининъ.

Въ крѣпости Святаго Петра.

Его Высокоблагородіе Андрей . . . .
Филашовъ.

Въ Зубцовѣ :

Его Благородіе Степанъ Михайловичъ Геденовъ.

Его Благородіе Федоръ Ильичъ Лодыженской.

Въ Устюгѣ Великолѣ.

Его Высокопреподобіе Архимандритъ Гусшинъ.

Въ Харьковѣ :

Его Благородіе Михайло Петровичъ Чекаловъ.

Агафонъ Ивановичъ Сошниковъ.

Его Благородіе Николай Ивановичъ Величка.

Купецъ Иванъ Васильевичъ Шелеховъ.

Его Благородіе Михайло Петровичъ
Чернявскій.

Его Благородіе Григорій Фомичъ Аль-
ховскій.

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Бу-
дянскій.

Его Высокоблагородіе Михайло Сте-
пановичъ Мсавишеновъ.

Его Высокоблагородіе Александръ
Юрьевичъ Романовъ.

Его Высокоблагородіе Трофимъ Ва-
сильевичъ Экъ.

Въ Ролнѣ :

Его Высокоблагородіе Павелъ Андрѣе-
вичъ Полешика.

Въ Таганрогѣ :

Купецъ Иванъ Дмишріевичъ Проску-
ринъ. /

Въ Одессѣ :

Купецъ Вонифашій Ивановичъ Кар-
шамышовъ.

Въ Рязанѣ :

Его Высокоблагородіе .... Карсаковъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Ва-
сильевичъ Селезневъ.

Его Благородіе Андрей Васильевичъ
Сѣровъ.

Въ Стерлитаманскѣ :

Г. Капишанъ . . . . Кравковъ.

Въ Вязьмѣ :

Его Благородіе Ермолай Егоровичъ
Щошкинъ.

Въ Костромѣ :

Чухломскій купецъ Василій Михай-
ловичъ Юдинъ.

Въ Новогрудкѣ :

Его Благородіе Іосифъ Флоріановичъ
Войниловичъ.

Въ Таганрогѣ :

Его Благородіе Аншонъ Яковлевичъ
Свѣшъ.

Въ Рязскѣ :

Его Высокоблагородіе Павелъ Федо-
ровичъ Какошкинъ.

Въ Смоленскѣ :

Его Высокоблагородіе Петръ Плашо-
новичъ Энгельгардъ 2 экз.

Его Высокоблагородіе Андрей Андрѣ-
вичъ Ивановскій 2 эк.

Его Высокоблагородіе Федоръ Ивано-
вичъ Лексъ.

Въ Дорогобужѣ :

Его Благородіе Василій Николаевичъ
Глинка.

Въ Валуйкахъ:

Его Сіяшельство Графъ Димитрій
Борисовичъ Девіеръ.

Въ Ефремовъ:

Его Высокоблагородіе Александръ Ива-
новичъ Писемской.

Въ Тираслолъ:

Его Высокоблагородіе Романъ Оси-
повичъ Жилла.

Въ Чечерскъ:

Его Высокоблагородіе Пётръ Алек-
сандровичъ Козариновъ.

Въ Вяткѣ:

Купцы: Василій Ивановичъ Пупыревъ.
Пётръ Федоровичъ Верешенниковъ.
Его Благородіе Сидоръ Аншоновичъ
Мальчиковъ.

Его Высокородіе Кирило Сергѣевичъ
Сшаниславскій.

Его Благородіе Федоръ Сергѣевичъ
Сергѣевъ.

Въ Олыкѣ:

Его Благородіе Никиша . . . . Боб-
ровскій.

Въ Романовъ:

Его Высокопревосходительство Иванъ
Осиповичъ Селифоншовъ.

Въ Иркутскѣ :

Его Преосвященство Епископъ Михаилъ.

Купцы: Петръ Тимофѣевичъ Басинъ.

Андреянъ Петровичъ Прянишниковъ.

Сергѣй Семеновичъ Гольцовъ.

Въ Пермѣ :

Купецъ Иванъ Николаевичъ Кенинъ.

Въ Глуховѣ :

Его Превосходительство Иванъ Григорьевичъ Туманскій.

Его Благородіе Орестъ Михайловичъ Сомовъ 3 экз.

Въ Моршанскѣ :

Его Высокородіе Михайло Федоровичъ Прошасьевъ.

Въ Фатежѣ :

Его Благородіе Алексѣй Ивановичъ Спенановъ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Богдановичъ Головачевъ.

Въ Тилѣ :

Его Благородіе Николай Петровичъ Кирѣевскій.

Его Благородіе Родіонъ Ивановичъ Плешеневъ.

Его Благородіе Матвѣй Григорьевичъ Демченковъ 3 экз.

Ея Сіяшельство Княгиня Анна Пеш-
ровна Засѣкина.

Его Высокоблагородіе Михайло Ни-
кишичъ Бѣлевцовъ.

Его Высокоблагородіе Дмишрій Ев-
графовичъ Голофѣевъ.

Его Благородіе Никандръ Никишичъ
Бѣлевцовъ.

Въ Путивль :

Его Высокоблагородіе Фотій Ильичъ
Филимоновъ.

Его Благородіе Леоншій Кириловичъ
Череповъ.

Въ Бѣлгородъ :

Его Благородіе Федоръ Лавренше-
вичъ Шкорбушовъ.

Сѣнктпетербургскій купецъ Алек-
сандръ Ивановичъ Румянцевъ.

Его Высокопреподобіе Николаевскаго
монашья Архимандритъ Андрей.

Его Высокоблагородіе Михайло Ан-
дрѣевичъ Борщовъ.

Въ Корочъ :

Его Сіяшельство Князь Борисъ Анд-
рѣевичъ Голицынъ.

Въ Рыльскъ :

Его Высокоблагородіе Осипъ Яковле-
вичъ Лисенко.

Ея Высокоблагородіе Елисавета Алек-
сѣевна Линеманъ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Козь-
мичъ Вязьмишиновъ.

Рыльскій купеческій сынъ Алексѣй
Федоровичъ Шелеховъ.

Въ Курскѣ :

Послушникъ Знаменскаго монасты-
ря, Князь Прокофій Васильевичъ
Мещерскій.

Его Благородіе Иванъ Петровичъ Ше-
хавцовъ.

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Аф-
росимовъ.

Его Высокоблагородіе..... Токаревъ.

Въ Старомъ Осколѣ :

Сергѣй Михайловичъ Карповъ.

Въ Черниговѣ :

Его Высокоблагородіе Михайло Дани-
ловичъ Стогъ.

Въ Ярославлѣ :

Его Высокоблагородіе Иванъ Алек-
сѣевичъ Назимовъ.

Въ Оболяхъ :

Карлъ Ивановичъ Кенигъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Петро-
вичъ Демуше.

Въ Туль :

Его Высокоблагородіе Сергѣй Ивано-
вичъ Толбузинъ.

Его Благородіе Федоръ Андрѣевичъ
Андрѣевъ.

Въ Александріи :

Его Высокоблагородіе Иванъ . . . .
Безсоновъ.

Въ Тамбовѣ :

Его Высокоблагородіе Михайло Пеш-
ровичъ Загряжскій.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Пеш-
ровичъ Тиховъ.

Въ Кузнецкѣ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Алек-
сандровичъ Гладковъ

Его Высокоблагородіе Андрей Нико-
лаевичъ Радищевъ.

Его Высокоблагородіе Николай Анд-
рѣевичъ Дудинъ.

Въ Веневѣ :

Его Высокоблагородіе Николай Алек-
сандровичъ Янковъ.

Въ Ефремовѣ :

Николай Михайловичъ Лопашинъ.

Въ Бахмутѣ :

Его Высокопревосходительство
Пешрѣ . . . . Кошляревскій.

Въ Краснолѣ:

Его Превосходительство Магвѣй
Максимовичъ Ельчаниновъ.

Его Высокоблагородіе Левъ Констан-
тиновичъ Кришшафовичъ.

Въ Камышинѣ:

Купецъ Иванъ . . . . Дяшловъ.

Въ Судиславѣ:

Его Благородіе Александръ Ивановичъ
Раицовъ.

Въ Кологривѣ:

Его Сіятельство Графъ Иванъ Анд-
рѣевичъ Толстой.

Въ Кіевѣ:

Его Благородіе Василій Гавриловичъ
Ланицкій 5 экз.

Въ Медынѣ:

Его Благородіе Пешрѣ Васильевичъ
Маховъ.

Въ Погарѣ:

Его Благородіе Михайло Ивановичъ
Галецкій.

Въ Ялutorовскѣ:

Ея Благородіе Марѣа . . . . Шень-
шина.

Въ Красноуфилскѣ:

Его Благородіе Пешрѣ Дмишрѣевичъ
Задоринъ.

Въ Одоевъ :

Его Благородіе Алексѣй Сергѣевичъ
Огаревъ.

Въ Ельнѣ :

Его Высокоблагородіе Михайла Дми-
тріевичъ Пошемкинъ.

Въ Угличѣ :

Его Высокоблагородіе Яковъ Ивано-
вичъ Голосовъ.

Въ Мѣщовскѣ :

Его Благородіе Александръ Ефимо-
вичъ Башалинъ.

Его Благородіе Иванъ Игнашъевичъ
Чиколевъ.

Въ Ростовѣ, что на Дону :

Его Благородіе Алексѣй Аншиповичъ
Корсуновъ.

Въ Нижнемъ Новѣгородѣ :

Балахнинскій мѣщанинъ Алексѣй Сше-
пановичъ Иванисовъ.

Въ Козловѣ

Василій Семеновичъ Каншинъ.

Въ Орлѣ :

Его Благородіе Илья Васильевичъ
Радивилъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Федо-
ровичъ Комаровскій.

15

